Валентин Варенников

Дело ГКЧП

Начато "__" ____ 19__ г.

Окончено "__" ____ 19__ г.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Из заявления В И Варенникова в ходе следствия по делу ГКЧП «Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти, умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны.

В связи с этим я уже сейчас могу заявить моим обвинителям следующее. Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом?

Судите меня — я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение человеческой души. Я. только буду гордиться этим!»

В.И Варенников в 1989–1991 гг. был главнокомандующим Сухопутных войск СССР. В августе 1991 года он активно поддерживал действия Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). В1994 году единственным из обвиняемых по делу ГКЧП отказался принять амнистию, предстал перед судом и был оправдан. Генпрокуратура опротестовала решение суда. Президиум Верховного суда РФ повторно судил Варенникова и оправдательный приговор оставил в силе. В своей книге В.И. Варенников подробно рассказывает обо всех до сих пор неизвестных общественности обстоятельствах дела ГКЧП, как на основе материалов судебного разбирательства, так и по собственным записям и наблюдениям.

- Валентин Варенников
  - Тюремные комментарии к «Августовскому путчу» Горбачева
  - Первый суд над ГКЧП
  - Второй суд
  - Горбачев перед судом
  - Государственный обвинитель о деле ГКЧП и роли в нем Горбачева
  - Окончание второго судебного процесса по делу ГКЧП
  - А. Яковлев: «Надо этот суд судить»
  - Послесловие

Валентин Варенников
Дело ГКЧП

Тюремные комментарии к «Августовскому путчу» Горбачева
Следствие по делу

С позиций абсолютно нормального человека спокойно воспринимать действия и поступки Горбачева во второй половине 1991 года — просто невозможно. Например, появление его книги «Августовский путч». Основные события в стране произошли во второй половине августа, а уже в октябре была издана и широко распространена эта книга. Даже если он лично и не писал, а лишь наговаривал своему помощнику Черняеву (или кому-то другому), а тот уже опирался на привлеченный к этому коллектив — даже в этом случае ему на стостраничную книжку надо было потратить не один день.

Но ведь в стране атмосфера накалена, как 1917-м или в 1941 году! О каких книгах может идти речь? Надо страну спасать, а не заниматься демагогией! А Горбачев верен себе — в первую очередь забота о собственной персоне, о своих ближних, а уж потом — страна.

Услышав по радио «Маяк» информацию о появлении в Москве книги «Августовский путч», я через адвоката попросил своих друзей приобрести и переслать ее мне. Это оказалось непростым делом, но в ноябре я эту книгу уже имел. А в конце ноября 1991 года «Августовский путч» с моими комментариями на полях книги передали в газету «Наша Россия». Главный редактор газеты Иля Исмагиловна Епищева сразу же сделала полную публикацию. «На полях книги» я изложил свою позицию по основным вопросам, которые были затронуты Горбачевым в книге. Буквально вслед за этим появилась, тоже в полном объеме, публикация в газете «День». Главный редактор Александр Андреевич Проханов, как и И. Епищева, конечно, подвергали себя лично и газеты большой опасности — ведь Горбачев был еще у власти. Напечатать мои комментарии в то смутное время — это, конечно, был и поступок, и риск. Однако все обошлось.

В это же время некоторые иностранные газеты начали «охотиться» за подлинником, т. е. за книгой «Августовский путч», с моими комментариями, сделанными на тюремных нарах. По информации адвоката Л. Беломестных, японцы предлагали крупную сумму. Однако моя позиция была однозначна. Эта книга сохранилась и находится в моем личном архиве.

Что же касается содержания моих комментариев, то впервые они появились в газете «Наша Россия», №23,1991 год. На первой странице, в верхней части — броский аншлаг: «Генерал Варенников опровергает! Собственноручные заметки Главкома на полях книги М. Горбачева «Августовский путч».

Далее шла краткая аннотация главного редактора газеты: «Изданная в рекордно сжатые сроки книга М. Горбачева «Августовский путч» вызвала пристальный интерес не только западного читателя, на которого в первую очередь была рассчитана, но и, естественно, всех советских людей, в том числе действующих лиц, оказавшихся в тюремных камерах «Матросской тишины». Изучил размышления «форосского узника» и бывший Главком Сухопутных войск, «афганец» Валентин Варенников, которому автор уделил особо пристальное внимание. Предлагаем читателям заметки, собственноручно сделанные боевым генералом на полях валютного бестселлера в долгие минуты вынужденного заточения».

Рядом с этой аннотацией помещена фотография Горбачева и Варенникова, сделанная летом 1990 года на учениях в Одесском военном округе. А далее шли мои краткие заметки «на полях книги». Привожу лишь их начало: постраничные замечания уже не нужны. Это по горячим следам еще можно спорить, а когда прошло столько лет — извините. Тем более с Горбачевым. С такими-то не спорят.

Мои взгляды на книжку и автора.

Главная заслуга автора — четко и ясно показано, что конкретно достигнуто за годы перестройки — «самые главные и самые очевидные исторического масштаба перемены» (по меркам Горбачева):

1. Плюрализм.
2. Свобода слова.
3. Переход к рынку.
4. Ликвидация угрозы мировой войны за счет одностороннего разоружения.
5. Полная капитуляция в холодной войне и принятие условий

победителя (т. е. США).

Но книга приобрела бы еще большую популярность, если бы показала: а что мы за эти же годы утратили?

Почему все это было утрачено?

Кто автор этих утрат?

Что нужно было бы в свое время предпринимать, чтобы избежать таких провалов?

Показать, что было к 1985-му и что имеем к 1991 году.

Правда, автор кое-где бегло себя критикует, но далеко не до слез.

А надо было бы взять конкретные вопросы. Например:

1. Почему разломали Советский Союз, хотя народ в марте 1991 гада в референдуме требовал его сохранения?

2. Почему мы утратили управление государством?

3. Почему у нас не выполняется Конституция СССР (хотя президент давал присягу) и Указы президента?

4. Почему мы во всех сферах жизни начали все рушить до «основания», но «затем» так ничего и не построили — вместо того, чтобы умно и твердо начать только с капитальных преобразований в экономике.

5. Почему в экономике допущены конкретные провалы:

— антиалкогольная кампания (то есть кто ее автор и чего это стоит);

— создание кооперативов-паразитов, а не производителей (и бирж);

— саботаж и кто виновен;

— развитие мощнейшей, не имеющей себе равной в мире спекуляции;

— снижение объема производства;

— полное разрушение экономических связей;

— монополия мафии на рынке.

Что надо сделать, чтобы приостановить обнищание народа.

6. Почему опустела казна и кто ответит?

7. Почему нет действительной гласности и свободы человека, истинной демократии (даже КПСС угнетена)?

8.Почему непомерно растет преступность, какие планы борьбы и кто за это конкретно отвечает?

9. Почему у нас не занимаются подрастающим поколением, не прививают ему нравственность, патриотизм, культуру, этику, почему на его пути нет преград растлению, разврату и наркомании?

10. Почему появились межнациональные конфликты (только не надо ссылаться на прошлое — ведь мы все-таки жили в дружбе) и появилась очаговая война?

11. Почему конверсия пошла наперекосяк, а НИОКР и производство новейшего вооружения у нас не организовано хотя бы так, как в США (хотя было лучше)?

12. Почему воины и особенно офицеры наших Вооруженных Сил живут и обеспечены хуже всех армий всех стран мира?

13. Почему мы, решившись идти на крупные военно-стратегические ущемления своих интересов (одностороннее сокращение, вывод войск из Восточной Европы и Монголии, развал Варшавского Договора, неравновеликое с Западом сокращение ВС и т. д.), ничего не получили от Запада взаимно?

14. Почему мы, выводя войска из Восточной Европы, не потребовали от этих стран, чтобы они построили нам жилье в том количестве, в котором мы создали у них (а Германии вообще надо было предъявить требования — денег брать не будем, стройте на нашей территории городки под нашу группу войск и по мере готовности будем выводить)?

15. Почему, отпустив прибалтийские страны из большого Союза, вопреки принятому закону и создав тем самым прецедент для других, мы продолжаем потакать их экстремизму — отдаем россиян им на судилище? Мало того, намерены выводить войска, не потребовав от них строительства за их счет на территории России необходимой инфраструктуры.

Вопросы можно было бы продолжить. Но даже ответы на перечисленные позволили бы читателю увидеть честного автора.

О нашей армии.

Любая армия — лицо своего государства и народа. Поэтому о ней заботятся, зная, что от уровня обеспечения, дисциплины, подготовки, от ее силы зависит и благополучие страны. Мало того, армия — это школа для народа. Не только потому, что через ее ряды проходит почти все мужское население и учится боевому мастерству, приобретает необходимые качества воина-патриота. Она — школа гармонического развития юношей: физическая культура, нравственность, политическое и специальное образование, развитие высоких качеств уважения к человеку, труду, обществу. Манера поведения военнослужащего вселяет духовную силу нашему народу.

Армия — это не просто группа подразделений, частей, соединений, нет! Это слитая в единое целое великими государственными идеями общность солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров, генералов и членов lux семей, которые имеют и свои личные убеждения, в том числе религиозные.

Идеи же эти — защита своего народа, нашего Отечества! В связи с этим воин любого ранга готов всегда отдать все — покой, семейное счастье, все свои силы, здоровье и саму жизнь во имя спасения своего народа и защиты Родины.

Вот почему принадлежностью к армии надо гордиться, народ должен любить свою армию и взаимно отдавать ей все самое лучшее.

Именно этим объясняется и то, что Русская армия испокон веков держалась традиционной и неизменной любовью, трогательным вниманием и милостью всех наших государей, а в советское время — всех наших вождей. Исключение составил только «незабвенный» Никита Сергеевич, который открыто ненавидел военных всех рангов, начиная с Жукова Г. К. По этому же пути идет и «светлейший» Михаил Сергеевич, но скрытно, хотя у него уже тоже прорывалось: «Нашли кормушку…» и т.п. Но умело заигрывал, лукавил, соблазняя ложными посулами. Однако внутренним врагам армии (а они есть) никогда по зубам не давал.

Наоборот, поддерживал.

Взгляните сейчас на армию. Никакой определенности — ни в настоящем, ни в будущем. В каком она сегодня находится государстве, кому служит и кому подчиняется? Кругом одни президенты и полно министров обороны. Кто избавит армию от интриг, кто защитит военных от политического авантюризма, от морального террора и рынка? Продолжают еще сейчас стращать народ возможными попытками военного переворота. Но Горбачев в своей книжке «Августовский путч» пишет, что заговорщики пытались направить армию против народа. Какой вздор! Пусть запомнит автор, что никогда командиры всех рангов (те, кто был, и те, кто остается у руля) не поведут солдат против своего народа.

Но всмотритесь в наши современные взгляды на оборону страны. М. С. говорит: «Бывшая для своего времени классическая формула Клаузевица, что война есть продолжение политики, только другими средствами, безнадежно устарела… единственный путь к безопасности — это путь решений, путь разоружений».

А как же понять такие страны, как США? Они пошли именно по «этому» пути в Гренаде, Ливии, Панаме, в районе Персидского залива. И, кстати, в США Клаузевица лучше понимают. Например, его вывод (после похода Наполеона на Россию) о том, что эта страна может быть побеждена лишь действием внутренних раздоров, оправдался на нашем примере.

Для США на пути создания американского порядка в мире было одно препятствие — Советский Союз. И они пошли двумя

путями: 1-й — гонка вооружений, 2-й — создание Советом национальной безопасности в 1950 году плана подрыва СССР изнутри (СНБ-68). И этот план с помощью Арбатова и его «детей» фактически выполнен. С помощью США мы создали «новое мышление», смысл которого сводится к приспосабливанию всех наших действий к политике США. И на всем пути нашей перестройки нас сопровождает кнут Запада (ну, а сейчас просто пинки…).

Некоторые говорят: нет, сорок первый год не повторится! Но надо не забывать, что в сорок первом у нас было твердое и сильное правительство, единый несломленный народ, единые ресурсы для Вооруженных Сил и мощный тыл, прекрасная армия и Военно-Морской Флот. А что мы имеем сегодня?

Другие говорят: а кто нам угрожает? Ведь это, мол, домыслы военных, чтобы самим сохраниться.

Верно, теперь, когда страну развалили, система стратегической обороны отсутствует — никому и в голову не придет угрожать несуществующему Советскому Союзу. Можно все брать голыми руками. Американцы и их союзники с превеликим удовольствием сегодня потирают руки не только потому, что они без единого выстрела выиграли третью мировую войну, но уже и потому, что открывается реальная возможность загребать наши природные богатства.

В то же время «новое политическое мышление» оказало решающее влияние (пагубное) на всю жизнь большой армии — сокращение проводилось в спешке, в ущерб нашим войскам, явно ниже уровня «разумной достаточности». Так же уродливо проводилась и конверсия.

Однако США продолжают выполнять свои программные вооружения, в том числе по созданию СОИ, которую в свое время назвал М. С. «смешной и нелепой» программой. Но это будет главным стержнем угрозы для всех (не только для нас), в целях утверждения американского порядка в мире.

И все же я верю, найдутся у нас силы, которые вернут нашей многострадальной Отчизне добрую славу, не дадут ввергнуть наш народ в кабалу. Армия устоит.

Вместо заключения.

Великая страна, сказочно мощная, с которой считались во всем мире, поклонялись ей (а кому следовало, и побаивались), в итоге 7-го года перестройки стала бессильной, нищей, упала на колени перед всем миром с протянутыми руками, мольбой о

помощи, утратив весь свой могучий авторитет и собственное достоинство. Страна оказалась на задворках истории, в готовности стать сырьевым придатком цивилизации, к чему всегда стремились США и западные страны.

Обидно, что об этом постоянно последние два года говорилось на съездах народных депутатов, на заседаниях Верховного Совета СССР, пленумах ЦК КПСС и т. д. Однако?! Однако ничего предпринято не было, чтобы не произошла трагедия.

Мы не собрались и не мобилизовались. Растоптав все свои знамена (а ведь нам было чем гордиться), продолжаем безжалостно вытирать ноги о свою священную историю в угоду и на радость Западу.

Но на этом история не кончается. Много выстрадал наш народ за 1000 лет! Верю, что у нас есть силы, которые вернут народу былую славу и создадут счастливую жизнь, пусть она будет даже без плюрализма.

В. И. Варенников.

19.11.1991 г.».

* * *

Вот такими были мои заметки на полях книги Горбачева «Августовский путч», сделанные в тюрьме «Матросская тишина» еще в ноябре 1991 года, т. е. когда Горбачев был у власти. К моему большому удивлению, после их публикации посыпалось очень много писем-отзывов. Они шли мне домой и в газету. Уверен, что направлялись и в тюрьму «Матросская тишина», но мне эти письма не попадали. Я чувствовал их всей своей душой. Чувствовал и благодарил народ за поддержку.

Позже, весной 1992 года, письма и телеграммы, адресованные мне, тюремная служба уже стала приносить. Передали мне письма и от однополчан, в том числе от Героя Советского Союза Ивана Николаевича Поцелуева. Кстати, позже мне рассказали, как он переполошил юристов одним своим высказыванием. Узнав о моем аресте, он уже на следующий день был в Москве. Мои близкие свели его с адвокатом и другими юристами. После рассказа Л. Беломестных о том, что произошло, И. Поцелуев заявил: «Я знаю Валентина Варенникова хорошо, но почему он, будучи в Форосе, не застрелил этого подлеца Горбачева? Просто странно!» Перепуганный Беломестных и другие начали его убеждать, чтобы он не сказал об этом при

встрече с Генеральным прокурором.

Вообще реакция в стране на наш арест была однозначно отрицательная. И народ больше всего сожалел, что ГКЧП не довел дело до конца.

В первые же дни нашего пребывания в «Матросской тишине» у стен этой тюрьмы митинговало много народа. Особенно активно себя проявила «Трудовая Москва» под руководством В. Анпилова и единомышленники В. Жириновского. Они митинговали несколько дней, требуя нашего освобождения. Что касается «Трудовой Москвы», то она своими «атаками» старалась досаждать властям. Это продолжалось до глубокой осени.

Но власти особенно не волновались. Коль окна не бьют, ничего не поджигают и тем более не стреляют — ну, и пусть себе кричат. На то и демократия. А режим между тем делал свое дело…

Шло предварительное следствие. Шли допросы. Менялись обвинения, и опять шли допросы. А число обвиняемых становилось все меньше и меньше. В самом начале, приблизительно через месяц после ареста, по состоянию здоровья освободили В. И. Болдина и В. Ф. Грушко. Нас осталось двенадцать человек. Затем земляки Стародубцева крестьяне-туляки добились, что весной 1992 года Василию Александровичу изменили меру пресечения — его выпустили на волю и он стал работать. Отличный председатель колхоза, и колхоз у него выдающийся. Надо работать, давать стране хлеб, а не сидеть в застенках (да еще было бы за что). Но наши ряды продолжали таять. Вслед за ним выпал из процесса Геннадий Иванович Янаев по причине болезни его адвоката.

Нас осталось десять.

Дмитрий Тимофеевич Язов попытался пробить брешь в сознании властей и подал ходатайство об изменении меры пресечения, т. е. освобождение из-под стражи на подписку о невыезде. Вопрос рассматривался по месту нахождения тюрьмы — в Дзержинском районе. Судья, молодая женщина, выслушала пожилого маршала, а также адвоката, задала несколько ничего не значащих вопросов и затем «удалилась в совещательную комнату». Одна — сама с собой — посовещалась и, появившись в зале заседания, объявила: «Оснований для изменения меры пресечения нет!». Ранее принятое решение о пребывании в следственном изоляторе (тюрьме) осталось в силе.

Суд выглядел глупо, а вердикт звучал нагло. Судья, конечно, была орудием в руках определенных сил.

* * *

Для того чтобы читатель лучше представил, чем мы жили, о чем думали и что предпринимали в период проведения предварительного следствия в тюрьме «Матросская тишина», я скажу еще о трех документах, которые были тогда посланы.

Первый — это личное письмо к Председателю Верховного Совета РФ Хасбулатову, написанное в мае 1992 года.

Второй — это обращение к Председателю Верховного Совета РФ в июне 1992 года.

Третий — обращение к народным депутатам Верховного Совета РФ.

Во всех этих документах проводится одна и та же линия— настоятельная просьба о создании парламентской комиссии.

Ни на одно из этих писем ответа я не получил. Привожу здесь текст второго письма Председателю Верховного Совета РФ.

«ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВС РФ.

Скоро год, как члены ГКЧП и привлеченные им лица находятся в следственном изоляторе «Матросская тишина».

Первоначально им было предъявлено обвинение — измена Родине (ст. 64 УК РСФСР). Но через несколько месяцев Генеральной прокуратурой РФ оно было отменено за отсутствием состава преступления.

В конце ноября 1991 г. предъявлено новое обвинение — заговор с целью захвата власти (как самостоятельное преступление). Но в УК РСФСР такой статьи нет. Следовательно, придерживаясь требований законодателя, такое деяние не может быть объявлено преступным. Если допустить, что это формально. А что в действительности?

В действительности все лица, которые обвиняются в заговоре с целью захвата власти, уже были у власти и захватывать им эту власть не надо было. При этом у руля законодательной власти был Лукьянов, руководителем исполнительной власти был Павлов, за президента официально был оставлен Янаев, вся военная сила была в руках Язова, все силы и средства КГБ были у Крючкова, МВД — у Пуго, партийной — у Шенина, Совета обороны — у Бакланова. Но все они и другие арестованы, не оказывая никакого противодействия или сопротивления (рассчитывая, что во всем быстро разберутся). Надо отметить, что по указанию ГКЧП и отдельных его членов ни один орган в стране не ликвидирован и никто не арестован.

Расследование давно закончено. Следственная группа Генеральной прокуратуры РФ заявляет, что заговор был. Но это

утверждение имеет только одну цель — сохранить «честь мундира». Чем можно оправдать такое длительное содержание людей в тюрьме? Только наличием преступления.

Но фактически заговора не было и преступления нет. Были определенные нарушения, которые не могут быть квалифицированы преступными.

Однако самое главное — если выходить в суд, не имея по этому делу политических оценок на основании выводов специальной комиссии Верховного Совета РФ, — будет провал. Такая комиссия должна была работать одновременно со следственной группой Генеральной прокуратуры РФ, решая свои вопросы и заодно контролируя работу этой группы (она допустила ряд грубых нарушений).

Случай не рядовой. Задержана вся верховная власть страны (задействован и Горбачев). Поэтому и отношение к этому случаю должно было быть особо внимательным.

Но сейчас оценки видны уже всему обществу — к катастрофе страну подвел Горбачев, а эти узники хотели хотя бы что-то сделать, чтобы этого не случилось. Это принципиально.

Мы предлагаем в возможно короткие сроки рассмотреть этот вопрос на Верховном Совете РФ и создать парламентскую комиссию по расследованию вопроса или закрыть дело, арестованных освободить из-под стражи. Тем самым молодая демократия подтвердит, что она действительно намерена создавать правовое государство.

В. Варенников.

18.06.92 г.»

Подобные обращения и письма мы посылали в различные инстанции на протяжении всего пребывания в «Матросской тишине», начиная уже с сентября 1991 года и до конца 1992 года включительно.

Однако никто во власти не был заинтересован в объективном разбирательстве дела ГКЧП. Разве что отдельные депутаты. Но их голос ничего не значил в общем реве необычной «демократии».

* * *

Попав в «Матросскую тишину», я сразу лишился всех лекарств. А ведь кое-что приходилось принимать уже на постоянной основе, чего в тюрьме, разумеется, не было.

Мало того, осенью и с началом зимы несколько раз тяжело

простудился. Лечение же было одно — таблетки от кашля. Начались воспаления в местах операций, проведенных в начале 1991 года. Рентген показал затемнение легких.

В результате меня положили в тюремную больницу. Две недели инъекций, таблеток, ударных доз антибиотиков — и все вошло в норму. Я вернулся в камеру. Опять пошли допросы, опять сменялись камеры, а вместе с ними и сокамерники. Вдруг начало побаливать сердце, поднялось давление, чего у меня никогда не отмечалось. Мне становилось все хуже и хуже. В камере все чаще начали появляться различные врачи. Затем меня обследовала медицинская комиссия. В ее составе были и наши военные врачи Андрей Андреевич Люфинг и Николай Григорьевич Сергиенко. 11 декабря 1992 года администрация тюрьмы предупредила меня: «Завтра вместе с охраной переезжаем в госпиталь».

Наступило 12 декабря. Я собрал все свои пожитки, а самое главное — исписанные мною в тюрьме тетради и различные книги с уголовными и уголовно-процессуальными кодексами, комментарии к ним и тому подобное.

Ехали на трех машинах. На первой — начальник тюрьмы полковник В. Панчук с охраной. На второй везли меня с охраной, впереди сидел капитан по имени Николай из Челябинского ОМОНА (мы с ним уже подружились), в третьей ехали только охранники. Таким поездом проехали почти через всю Москву.

Моему взору предстала ужасная картина: всюду тысячи ларьков, на всех улицах торговцы продают товары с рук, кругом грязь и мусор, везде снуют какие-то обшарпанные, озабоченные люди. Впечатление такое, будто попал в чужое государство. Я вздыхал и сокрушался: неужели такое творится по всей стране? Подобный «базар» в городах страны я видел на кинолентах, отснятых в 1917–1923 годах. Видно, гайдаровщина в Москве, как тифозная вошь в переполненных тюремных камерах, поразила очень многих. Над городом нависли свинцовые тучи грядущей катастрофы. Но больше всего меня удручило, что в обществе быстро формируется слой торгашей. Не производителей, а именно торгашей-спекулянтов, паразитов.

Привезли меня в Центральный военный госпиталь имени Бурденко. Там прошли в 11-е кардиологическое отделение — его возглавлял полковник медицинской службы Владимир Петрович Тюрин. Персонал встретил нас с испугом. Впрочем, любые переполошатся, если к ним нагрянет семь верзил в пятнистой форме, с автоматами. К тому же, оказывается, для меня и охранников освободили целый отсек на этаже.

В моей комнате размером два, два с половиной на три с половиной метра помещались кровать, тумбочка, небольшой

столик и два крохотных стула. Был санузел. Мне эта комната показалась райским уголком. Все чистое, светлое, уютное, окна без металлических решеток, а на подоконнике цветы (почему их охрана не убрала?). Давно я не был в такой обстановке. Только от одного этого вида уже можно было излечиться от любых болезней. Я стоял у стола и улыбался. Панчук не вытерпел:

— Что-то у вас, Валентин Иванович, необычное настроение.

— Конечно, необычное. Увидел, как живут нормальные люди.

— Это верно… Но давайте разберем организационную сторону быта в новых условиях.

— Давайте.

И Валерий Никандрович подробно рассказал о порядке и о режиме в отсеке, где находится моя палата и будет располагаться охрана, которую обязали организовывать доступ ко мне врачей, доставлять пищу и убирать посуду. Во время каждого посещения врачей будет присутствовать охранник. Прогулки на период лечения отменены. Все вопросы — через дежурного охранника, как в «Матросской тишине».

Уточнив некоторые детали, он простился, пожелав мне напоследок укрепить здоровье. Мы посмотрели друг другу в глаза — я чувствовал, он хотел сказать еще что-то, вроде: «Желаю обратно в «Матросскую тишину» не возвращаться», но, помолчав, Панчук промолвил: «Периодически буду вас навещать».

Полковник уехал, а охранная команда осталась.

* * *

Устраиваясь в своей новой обители, я перебирал свои тетради, различные вырезки из газет. Попались мне и сообщения о трагической гибели маршала Сергея Федоровича Ахромеева и министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго.

Не верилось, что маршал Ахромеев покончил жизнь самоубийством. Если даже предположить, что самоубийство все-таки было, я полностью его отвергаю, не верю, что он мог именно повеситься. Хотя в деле и имеются оставленные Сергеем Федоровичем записки, в которых он рассказывает, как готовил шнуры, как они оборвались после первой попытки и какие он принял меры, чтобы шнуры не оборвались при второй самоказни.

В принципе факт самоубийства нельзя рассматривать однозначно (как это принято) как проявление малодушия и трусости. Да, в определенных случаях человек решает уйти из жизни в пьяном состоянии, в состоянии аффекта, в страхе и неудержимой трусости перед возможным возмездием или

привлечением к ответственности. Все это бывает. Но бывает и другое: когда кристально чистый человек кончает с собой в знак протеста, когда он жертвует своей жизнью, не имея возможности протестовать иначе против режима и диких порядков, когда страна и ее народ страдают годами, а впереди не видно никакой перспективы (как у нас в начале 90-х годов). В этом случае не малодушие, а огромная сила протеста может заставить человека расстаться с жизнью.

Можно было бы этот второй случай отнести к Сергею Федоровичу Ахромееву. Но если знать его недостаточно. Мне же довелось провести вместе с ним многие годы. Нет, не мог он уйти просто так, бросив всех и все. Ахромеев должен был бороться. И он уже включился в эту борьбу, досрочно вернувшись с юга из отпуска. Он сам вменил себе в обязанность сбор и анализ информации по стране и занимался полезным делом.

Так как же погиб С. Ф. Ахромеев? Не исключаю мощного зомбирования, которое довело до полной утраты осознания своих действий, не исключаю и присутствия при этом постороннего лица…

В похожем состоянии, на мой взгляд, была и семья Пуго. Когда к ним пришли, его жена после смертельных в нее выстрелов из пистолета умирала. А Борис Карлович был уже бездыханный. Его же пистолет, из которого якобы он застрелил жену, а затем покончил с собой, лежал на прикроватной тумбочке (т. е. застрелил жену, затем себя, лежа в кровати, и… положил пистолет на тумбочку?!).

Первым у кровати Пуго почему-то оказался Григорий Алексеевич Явлинский с командой. То, что он «демократ», да еще и западник, — это всем известно, но какое отношение он имел к такого рода событиям — совершенно непонятно…

* * *

В первые сутки пребывания в госпитале меня осмотрели врачи (естественно, в присутствии охраны), и я готов был уже приступить к лечению, как вдруг 14 декабря 1992 года во второй половине дня старший охраны объявляет, что скоро ко мне приедет «начальство». На мой вопрос: «Что случилось? — охранник сказал, что сам ничего не знает. Конечно, я был встревожен и начал строить различные версии.

Действительно, вскоре ко мне в палату заходят сразу человек шесть или семь во главе с заместителем Генерального прокурора генералом Фроловым и полковником Панчуком. Хотят возвратить

в «Матросскую тишину»? Но глядя на их светлые, торжественные лица (а Панчук — тот вообще широко улыбался), я сразу отверг это предположение. И даже немного подрастерялся — что случилось?

Небольшая комнатка была забита народом. Фролов и Панчук поздоровались со мной за руку, затем первый немного выдвинулся вперед и сказал: «Валентин Иванович, по поручению руководства я обязан объявить следующий документ». И дальше, развернув красную папку, стал читать постановление Генерального прокурора РСФСР об изменении мне меры пресечения — тюрьма заменялась освобождением из-под стражи и подпиской о невыезде. Когда генерал читал документ, размеренно, торжественно и громко, я почему-то вспомнил торжественный момент в Кремле, когда А. Громыко зачитывал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Генерал Фролов закончил читать левитановским голосом этот исторический документ и торжественно вручил его мне. Затем тепло, сердечно поздравил с этим событием и сказал: «Будем надеяться на лучшее». Вслед за ним меня поздравили и остальные. Я был несказанно рад. И не только за себя, но и за всех присутствующих, которые искренне выражали восторг и удивление таким решением.

Затем появились журналисты Николай Мишин и Борис Куркин. Я был благодарен им за поддержку и помощь в издании брошюры «Судьба и совесть». Центральное место в ней занимало не только все, что случилось со мной и мои переживания в связи с тем, что произошло и что может ожидать наш народ, но и некоторые документы, которые уже можно было публиковать. В частности, одна из шифротелеграмм, которую я направил из Киева в Москву в адрес ГКЧП. Между прочим, почему-то некоторые члены ГКЧП в последующем говорили, что они якобы не видели этой телеграммы. Но такого не бывает. Шифротелеграмма докладывается соответствующему начальнику, как правило, немедленно.

Несколько слов о брошюре «Судьба и совесть». Я искренне благодарен Борису Александровичу Куркину за быструю и удачную компановку текста, который я наговорил во время наших с ним встреч в госпитале. Брошюра в 90 страниц фактически излагала суть происшедших событий, хотя и доминировали эмоции. Вот один из фрагментов:

«…Мне предъявлено обвинение в измене Родине с

целью захвата власти, умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны.

В связи с этим я уже сейчас могу заявить моим обвинителям (пользуясь их методом — до суда!) следующее.

Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность, как растлевают российских девушек — будущих матерей, как их продают в рабство за звонкую монету? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом?

Судите меня — я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение человеческой души. Я только буду гордиться этим!

Осудите меня и за то, что я не предал слезы вдов, оплакивающих воинов — мужей, павших на полях сражений Великой Отечественной войны. Вам, поправшим мораль и человеческое достоинство, подвиги наших предков и отцов, будет на сей раз легко избрать мне любую меру наказания.

Судите меня! Не жалейте! Ибо вас будут судить принародно, начиная с Горбачева.

Судите, что чудом остался в живых и под Сталинградом, и на Зееловских высотах, и при штурме Берлина, и за то, что прошел на Параде Победы через Красную площадь!

Покарайте меня и за то, что четыре с лишним года старался максимально сохранить жизнь солдатам и офицерам, выводил к матерям, женам и невестам сыновей-воинов из Афганистана!

Что ж, судите!

А мало будет — припомните мне и Чернобыль! Вас, мои обвинители, я там не видел.

Во всех случаях свой крест я буду нести с достоинством. Чиста моя совесть перед Россией и народом».

Тепло и искренне благодарю Николая Лукьяновича Мишина,

который в короткие сроки издал большим тиражом брошюру «Судьба и совесть», что позволило широко распространить ее по стране. Но особо трогательно то, что даже через несколько лет можно было где-то далеко от Москвы встретить человека, который после моей встречи с избирателями или ветеранами подходил и просил меня оставить автограф на брошюре «Судьба и совесть». Листы ее уже пожелтели, и чувствуется, что она читана-перечитана. Следовательно, правду услышали многие. Такой вот случай, к примеру, был в ноябре 1999 года во Владикавказе — подошел ко мне не просто гражданин, а еще и однополчанин. Говорит, что брошюру прочитал весь район. Я сердечно поблагодарил его, пожелал всяческих благ и призвал на выборах в Госдуму проголосовать за достойных кандидатов.

* * *

В госпитале у меня побывали молодые политики Виктор Анпилов — руководитель «Трудовой Москвы» (а затем — «Трудовой России») и Виктор Тюлькин — первый секретарь Российской Коммунистической рабочей партии.

Я поблагодарил их за визит, а В. Анпилова и за то, что представители «Трудовой Москвы» с первых дней нашего ареста и на протяжении фактически всего пребывания в тюрьме постоянно находились у стен «Матросской тишины», требуя освобождения политзаключенных. Но это был не только визит вежливости. В течение многих часов (они приходили несколько раз) мы откровенно говорили обо всем, что произошло и что в этих условиях должны делать истинные патриоты, чтобы спасти Россию. Надо отметить, что по целому ряду позиций наши взгляды совпадали, особенно в оценке обстановки.

Нас удивляла и возмущала пассивность КПСС и народа в целом. А из КПСС мы особо выделяли профессионалов партийцев, тех, кто составлял аппарат ЦК, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы. Почему они не возмутились и не выступили в августе 1991 года против неконституционных действий псевдодемократов, начиная от сборища у здания Верховного Совета РСФСР (так сказать, «Белого дома») и до погромов всех партийных органов и союзных структур, а также открытого и наглого расхищения имущества и финансов партии?! Никакого протеста. Просто удивительно.

Видно, многие десятилетия нормальной, благополучной жизни стали порождать (особенно после Сталина) благодушие, самоуспокоенность, самоуверенность. Люди забыли о

бдительности, а у определенной части руководства появились зазнайство, чванство, высокомерие. Они фактически оторвались от народа, а по большому счету, они и не знали свой народ. На высокие посты в партии попадали порой случайно, по протекции или указанию сверху.

Тем не менее авторитет ее оставался еще высоким, потому что многие годы страна не переживала кризисных ситуаций, не было безработицы, жизнь год от года улучшалась.

Наши добросовестные коммунисты, не имея опыта работы в условиях капитализма, не могли провести водораздела между истинным социализмом и нарождающимися капиталистическими тенденциями.

Лидеры оппортунизма Горбачев и Яковлев умело сталкивали различные течения в партии и одновременно КПСС сталкивали с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями. Вполне понятно, что преступная перестройка, опираясь на махровый оппортунизм, фактически достигла своей цели по развалу страны. Ельцин же только перехватил этого троянского коня — перестройку и продолжал путь развала, назвав его реформами.

Беловежские соглашения в конце 1991 года, шоковая терапия и обвал цен в начале 1992 года в определенной степени отрезвили народ от иллюзий и заставили его переоценить все нововведения. Однако радикальных мер по приостановлению падения страны никто не принял. Конечно, в условиях крайне ограниченных возможностей оппозиции довести до народа истинно коммунистические взгляды крайне сложно. Еще сложнее поднять народ на какие-то радикальные шаги.

С этим все мы тоже согласились. Но в том, что дальше делать и как достичь цели (а цель одна — вернуть власть трудящимся), у нас пошли разногласия. Мои собеседники считали, что делать это надо без союзов и без различных попутчиков. Я же приглашал их к диалектическому подходу, то есть исходить из реальных условий. А сама жизнь свидетельствовала о том, что в стране уже появился значительный пласт мелких и средних дельцов, которые занимают в обществе свое место и представляют определенную силу (ведь уже за окном 1993 год!). Я считал, что их интересы надо учитывать. При этом я опирался на пример с Брестским миром — он был для нас и позорным, и унизительным, и тяжелым, но в то время нельзя было не идти на его заключение, так как на карту ставилась судьба молодой республики.

Призывая своих молодых коллег к творческому подходу, я, к сожалению, не смог их убедить ни в первый, ни во второй раз, когда они приходили ко мне с визитом. Они не говорили открыто, но деликатно дали понять, что мой подход — это

никакая не диалектика, не творческое мышление, а обычный оппортунизм, который опаснее открытого капитализма.

На этом мы с В. Анпиловым и В. Тюлькиным расстались. Позже было еще много встреч, но в основном на ходу: «Здравствуйте! До свидания!» — о чем я очень сожалел. Хотя с В. Анпиловым еще были возможности контактировать.

В те месяцы быстро, словно грибы после теплого летнего дождя, росли различные партии и партийки, в том числе и в коммунистическом движении. Одно дело — Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), которая насчитывает около полумиллиона членов партии, или Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), имеющая огромное число своих сторонников именно в рабочем классе. Но есть, к сожалению, и карлики, состоящие из лидера и нескольких десятков человек. Выглядят они жалко. Обидно за саму коммунистическую идеологию. Ее носители должны быть едины и по духу и организационно.

* * *

Размышляя на эту тему в госпитале, уже без стражи, я думал и о своих товарищах по «Матросской тишине». К середине декабря еще далеко не всем изменили меру пресечения, некоторые еще продолжали пребывать в тюрьме.

На мои вопросы: «В чем дело? Почему не выпускают?»— мои друзья, которые приходили ко мне в госпиталь или звонили, отвечали однозначно: «В ближайшее время должны освободить всех». И хоть основная масса уже была на свободе, но кое-кого продержали в тюрьме до января-февраля 1993 года — до выхода постановления Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 1993 года, в котором говорилось о назначении судебного следствия.

Первое судебное разбирательство было назначено на 14 апреля 1993 года. Здесь же было сказано об изменении меры пресечения для всех, кто проходил по делу ГКЧП и все еще находился под стражей.

Теперь несколько слов об узниках, привлеченных к ответственности по делу о ГКЧП.

Геннадий Иванович Янаев входил в ту когорту наиболее активных общественных деятелей, которая составляла опору нашего государства (в том числе профсоюзы). Очевидно, по этим признакам, а также по определенным личным качествам Горбачев предложил его кандидатуру на пост вице-президента страны. Но

Горбачев просчитался. Геннадий Иванович по своему складу не мог слепо проводить антинародную политику главы государства. Он однозначно перешел на сторону тех, кто выступил против линии Горбачева. Но его трагедия состояла в том, что, взяв на себя (по настоянию членов ГКЧП) тяжелую ношу — исполнение обязанностей президента страны, — Янаев фактически не имел постоянной сильной поддержки со стороны членов ГКЧП и не смог твердо управлять страной. Да, все они были едины, однозначно определили свой курс, что выражено в документах ГКЧП, но в организаторской работе должным образом себя не проявили. Обязав Янаева исполнять обязанности президента, многие считали, что этого вполне достаточно, все остальное само собой приложится. Так могло быть в нормальном государстве, но не в таком расшатанном, каким оно было, и тем более в то время.

Анатолий Иванович Лукьянов хоть и не был членом ГКЧП, но по распоряжению Горбачева проходил по этому делу. Генсек считал Лукьянова «своим кадром», он должен был работать на него, Горбачева. А тот вдруг поддержал ГКЧП. Форосский «узник» этого никак не ожидал.

Действительно, с приходом к власти Горбачев назначил Анатолия Ивановича заведующим Общим отделом ЦК (это высокая должность) и далее продвигал его по всем ступеням, вплоть до Председателя Президиума Верховного Совета СССР включительно. Естественно, работая в команде Горбачева, Лукьянов всячески помогал последнему. Имея высокую профессиональную подготовку и знания как доктор юридических наук, а также исключительные способности работать в высших сферах власти, Анатолий Иванович зарекомендовал себя в глазах общественности как достойный государственный деятель. Конечно, на всех постах, которые А. И. Лукьянов занимал во второй половине 80-х и в начале 90-х, он всячески способствовал Горбачеву. Но то же делало и подавляющее большинство партийного и государственного аппарата, не подозревая того, что Горбачев предатель. Поэтому и к Анатолию Ивановичу в этом отношении надо подходить, как и к остальным. Правда, уже в 1987-м и особенно в 1988-м и 1989 годах в политике Горбачева все больше и больше проявлялся прозападный флюс, чего нельзя было не заметить. Но все это многие относили к его, Горбачева, слабости и неспособности отстаивать наши интересы. После выборов народных депутатов СССР в 1989 году Анатолий Иванович всячески помогал Горбачеву проводить «центристскую» политику, что означало не становиться на сторону депутатской группы «Союз», куда входили истинные коммунисты. По существу же Горбачев и Лукьянов сдерживали наш «Союз» и ставили на его

пути преграды, а Г. Попову и его компании по Межрегиональной депутатской группе, где гнездились псевдодемократы, давали зеленый свет. Однако все это я отношу к добросовестным заблуждениям А. И. Лукьянова. А вот назначение им сбора и открытия внеочередной сессии Верховного Совета СССР не на 20 или 21 августа, как просил весь ГКЧП, а на 26 августа — для меня до сих пор остается загадкой. Тем более что Российский Верховный Совет был собран 21 августа, хотя решение об этом было принято всего лишь вечером 19 августа. Анатолий Иванович говорил, что было трудно собрать депутатов в короткие сроки. Почему же с этой задачей справился Верховный Совет РСФСР?

О Валентине Сергеевиче Павлове. Это был эрудированный, интеллигентный, высоко профессионально подготовленный государственный деятель. Как председатель Кабинета Министров СССР из-за слишком краткого пребывания в должности проявить себя всесторонне он, конечно, не успел, но финансист он отменный. Являясь в свое время министром финансов, был высоко почитаем (видно, сказались не только личные природные данные, но и школа министра финансов СССР Гарбузова, который оставил после себя мощные кадры). Доступный, внимательный, но скрытный. Человек-загадка (может, финансисты все такие?). С твердым характером. Себя в обиду не даст.

Проявил свой характер Валентин Сергеевич и находясь в тюрьме, чем доставил много хлопот Генеральной прокуратуре и лично Степанкову и Лисову. Что же касается выполнения своих функций 18,19, 20 и 21 августа 1991 года, то, как показывают документы, В. Павлов был якобы нездоров, что не позволило ему выполнить свои задачи, в том числе главную — встретиться и переговорить с Ельциным, как это было оговорено 17 августа 1991 года на объекте КГБ с названием «АБЦ». Возможно, и не было бы тех провокаций, с которыми столкнулись мы в эти дни. Но это лишь часть того, что осложнило ситуацию.

* * *

Отдельно следует сказать о Владимире Александровиче Крючкове. Он имел высшее юридическое и дипломатическое образование. Располагал богатым опытом работы и в трудовых коллективах (начинал с рабочего), и в юридических органах (прокуратуре), и особенно в аппарате ЦК КПСС. Но служба сложилась так, что к 1991 году Владимир Александрович располагал уже почти 25-летним стажем работы в КГБ. За этот период он дослужился до председателя КГБ. Дорогу в эту область

государственной деятельности ему открыл Ю.В. Андропов, с которым он в свое время близко работал, в том числе в период венгерских событий 1956 года.

Владимир Александрович был очень деятельный человек. Располагал отличной подготовкой и практикой, а также блестящим аналитическим умом. В обычных — спокойных — условиях жизни государства он успешно осуществлял и в Первом Главном управлении, а затем и в Комитете государственной безопасности все возложенные на него функции. В условиях же грядущего развала государства, конечно, нужен был «железный Феликс» Дзержинский или В.Е. Семичастный. Пожалуй, даже Ю. В. Андропова было бы мало (об этом свидетельствует факт его доклада на Политбюро ЦК в 1977 году о наличии в стране агентов влияния Запада и отсутствие мер по их ликвидации).

Дипломат наивысшего уровня из В. А. Крючкова был бы классный. Но на посту председателя КГБ он просто подставил себя под жернова истории: с одной стороны, он был обязан Горбачеву за пост председателя КГБ, да и субординация обязывала выполнять требования главы государства, а с другой — положение председателя КГБ обязывало его служить народу, выполнять требования Конституции по обеспечению безопасности государства, а не быть в услужении у «царя».

Зная о связях Яковлева (Александра Николаевича) со спецслужбами Запада и располагая неопровержимыми данными о его измене Родине, Владимир Александрович после доклада об этом Горбачеву (а последний наложил вето на проблему с Яковлевым) не предпринял никаких мер, не ослушался своего начальника. А как же интересы государства? А вот так, как мы их видим сегодня. Конечно, не все зависело от Владимира Александровича, но обеспечение госбезопасности — это, в первую очередь, обязанность председателя КГБ.

Сейчас уже всем ясно, что руководство КГБ, и в первую очередь его председатель, в 1991 году должно было видеть и знать, что Горбачев нас предал. Поэтому идти на какие-то полумеры (уговоры Горбачева и т. п.) было бесполезно. Наоборот, это всегда усугубляет обстановку. Но для решительного шага было необходимо мужество. К сожалению, его как раз и недоставало. Во взаимоотношениях доминировала инерция. А чтобы стабилизировать обстановку в стране, требовалось как минимум снятие Горбачева со всех постов. Законно! То есть на Верховном Совете СССР и на Пленуме ЦК. В обоих случаях докладчиком должен был выступить Председатель КГБ, который обязан был перечислить известные нам преступления Горбачева, и уже этого было бы достаточно не только для снятия его с

занимаемых постов, но и для привлечения к уголовной ответственности.

Некоторые могут сказать, что автор этих строк крепок задним умом. Но ведь автору стало известно (как и всем остальным), что Горбачев предатель, только в результате проведенных следственных действий. А ведь все эти данные до этого уже были в руках КГБ.

Находясь в тюрьме и потом, выйдя на волю, я размышлял о роли в августовских событиях В. А. Крючкова и часто вспоминал его выступление на XXVIII съезде КПСС. Почему с первых своих слов Владимир Александрович защищал уже фактически опорочившую себя перестройку?

«…Перестройка, — сказал он, — явилась неизбежным и единственно возможным выходом из тупиковой ситуации, в которой наша страна оказалась к середине 80-х годов… Несмотря на огромные трудности, которые мы сегодня переживаем, перестройка войдет в историю, как начало очищения и самоочищения, как революция в революции. И какие бы сложности и испытания ни возникали на избранном нами пути, они не должны умалять значение перестроечных процессов».

Так ли все это? Во-первых, никакой тупиковой ситуации у нас в стране не было. Да, темпы роста валового продукта снизились. Но кризиса в стране не было. Это потом уже навесили на этот период ярлык «застоя». Во-вторых, когда перестройка уже опорочила себя по всем параметрам, говорить о том, что она войдет в нашу историю как «начало очищения и самоочищения» — значит закрыть глаза на все тревожные явления и открыто, слепо поддерживать Горбачева. В-третьих, призывать к тому, что, какие бы еще сложности на нашем пути ни возникали, мы не должны сомневаться в перестройке и умалять все ее процессы, — значило бросить вызов народу.

Понятно, что любой министр, а тем более силовые и председатель КГБ должны поддерживать президента. Но ведь есть еще и Конституция, государство, народ, которому все присягали, в том числе и президент, и председатель КГБ.

То, что Крючков с первых слов решительно поддержал Горбачева и его уже прогнившую перестройку, еще и еще раз подтверждает наличие в нашем обществе слепого поклонения вождю, идолу, лидеру, который мог, восседая на троне, независимо от своих возможностей и способностей, глаголить только истину.

Но что интересно, говоря об историческом (надо понимать — положительном) значении перестройки, Владимир Александрович тут же говорит и о ее пороках: о росте

сепаратизма, межнациональных столкновениях, о гибели людей («убивают только за то, что они другой национальности»), о сотнях тысяч беженцев и т. д. Но всего этого в так называемом «застойном» периоде не было. Поэтому зал слушал и деликатно молчал. А вот когда В.А. Крючков сказал, что в «истории Советского государства наряду с серьезными ошибками и трагическими страницами было много положительного и славного и тот, кто пытается все изображать черными красками, тот или ничего не видит, или действует далеко не с чистыми помыслами» — когда это было сказано, делегаты наградили Владимира Александровича аплодисментами.

«Разве приемлемы для советского человека после 70 лет Советской власти перспективы массовой безработицы? — спрашивал В. А. Крючков. — Разве для нас приемлемы те масштабы преступности, наркомании, которые поразили самые цивилизованные страны капитала? Разве приемлемо для нас появление десятков и десятков миллионов человек, лишенных возможности иметь медицинское обслуживание, получать образование? А ведь в капиталистическом мире все это есть.

Мы идем к рынку, но не к рынку по Адаму Смиту — стихийному и безбрежному, а к рынку регулируемому, потому что на пороге XXI века было бы губительной ошибкой бросать страну в объятия рыночной стихии».

Верно все говорил Владимир Александрович. Одну только существенную «деталь» не подчеркнул: на рынок надо было смотреть как не на будущее, а уже состоявшееся. И именно по формуле Адама Смита и даже хуже (только начальная стадия). Ведь война законов, невыполнение законов центра — это уже произвол и беспредел не только на индивидуальном или групповом уровне, а на уровне области, края и даже республики. А В. А. Крючков своими речами вроде делал профилактику, повышал бдительность, а самое главное — вдохновлял поход в рынок. То есть защищал то, что сотворили авторы этого хаоса.

Надо отдать должное, тогда он четко обрисовывал ситуацию: «В стране образовалась теневая экономика, растет имущественное расслоение, появляется целый слой миллионеров, их уже десятки и десятки тысяч. На одном полюсе — роскошь, на другом — трудности и лишения. Не стоит ли нам задуматься над тем, к чему все это приведет?»

Смотрите, какие вопросы ставит председатель ведомства, которое содержится народом для того, чтобы оно обеспечивало государственную безопасность! Ведь уже и школьнику видно, что идет реставрация капитализма. За счет чего уже образовались «десятки и десятки тысяч миллионеров»? И если это так, то что

делает КГБ? Где этот орган? Почему допустил развитие в стране антиконституционных структур?

А Владимир Александрович философски рассуждал: «Тот уровень размежевания, который сложился на сегодня, поставил перед каждым участником политического процесса главный вопрос: какое общество мы хотим построить? Ведь сама жизнь показывает, к чему все это ведет».

И опять у меня возникал вопрос: неужели комитету Крючкова это не было видно? А если было видно и все реально оценивалось, то где меры, обеспечивающие нашу безопасность?

Сложно все это выглядит.

А дальше?

Явно рассчитывая на эффект, В. А. Крючков далее сказал: «Нередко задают вопрос: куда, мол, смотрит КГБ? Вообще-то говоря, смотрит куда надо», — чем вызвал смех в зале и аплодисменты.

Но вот через год после этого разговора на съезде не стало Советского Союза. У России не осталось ни союзников, ни друзей, кроме Белоруссии. Уже и сама Россия еле дышит — разграблена и угнетена утратой своей экономической да и политической независимости. Уже нет великой державы, а есть третьестепенное государство с крайне нестабильной обстановкой.

* * *

Так, спрашивается, куда все-таки смотрел КГБ? Не скажет этого сегодня никто. Да и не надо — «поезд ушел»! Все пошло прахом. Проспали. Государственная безопасность не была обеспечена. Почему? А все потому же — слепое преклонение перед постом руководителя государства и отсутствие, так сказать, механизма отстранения его от власти, если требует обстановка, и отсутствие контроля за ним со стороны народа, парламента.

Некоторые политики (типа Яковлева) всячески старались ограничить деятельность КГБ, называли его даже монстром и т. п. Это в какой-то степени, к сожалению, влияло на руководство КГБ, и оно тоже старалось «перестроиться», стать более демократичным, гласным. А на мой взгляд, органам КГБ в этот период нельзя было играть в эти игры. Комитет у нас был прекрасный, и ничего не надо было перестраивать. Следовало лишь обострить чувство бдительности и повысить требовательность к нарушителям закона и безопасности. Вот это было бы отлично.

А Владимир Александрович хвалился на съезде: «Упразднено

управление комитета, занимающееся борьбой с идеологическими диверсиями. При участии органов КГБ отменена норма закона об уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду».

Спрашивается, кому это было нужно, нашему народу? Нет! Это нужно было врагам Советского Союза — внутренним и внешним. Как можно упразднять указанное управление и убирать из законов ответственность за антисоветскую пропаганду в условиях, когда спецслужбы Запада пошли уже открыто походом против Советской власти и социализма? Ведь образованные в ряде республик так называемые «Народные фронты» не только финансировались и материально обеспечивались Западом (оргтехникой, печатной техникой, теле- и видеокамерами, кинопередвижками, радио и т. д.), но даже имели своих посланцев в этих «фронтах». Особенно преуспевало ЦРУ Соединенных Штатов: у главы Литвы Ландсбергиса в штате(!) правительства было несколько американцев на должности советников. И никто этого не скрывал, «советники-разведчики» открыто вели антисоветскую пропаганду, организовывали различные провокации и диверсии.

А что предпринимал в ответ наш КГБ? Пребывая весной 1990 года в Вильнюсе с группой военных, я был крайне возмущен действиями «Саюдиса», лично Ландсбергиса и американских советников при нем. Об этом было доложено руководству в Москву. Какие же последовали меры? Никакие! Полное молчание в ответ.

Так куда же все-таки смотрел КГБ?..

И в заключение своего выступления на съезде В. А. Крючков очень правильно сказал:

> «Опыт пяти лет перестройки показывает, что социализм, демократия нуждаются в защите. Экстремисты действуют все более дерзко, широко используя оружие, подстрекают людей к совершению государственных преступлений. Пресечение преступной деятельности подстрекателей, экстремистов мы рассматривали как свою важную задачу.
>
> Комитет государственной безопасности, защищая интересы государства, общества, нуждается в морально-политической поддержке народа. Чекисты находятся на остром участке борьбы и, видимо вы заметили, подвергаются откровенным попыткам шельмования и дискредитации, как, впрочем, и наши Вооруженные Силы… Уж больно кому-то мы мешаем?»

Верно, КГБ мешал. В первую очередь Горбачевым, Яковлевым и ЦРУ. А вот то, что социализм надо было защитить, В.А.Крючков отметил очень точно. Но, к сожалению, это были всего лишь слова. Никаких действий на этот счет со стороны КГБ мы не видели ни в Прибалтике, ни на Кавказе. Это факт…

Интересно, что В. А. Крючкову, как члену Политбюро, делегаты адресовали ряд вопросов. Например, о возможной деполитизации органов КГБ.

Владимир Александрович пояснил: «Органы государственной безопасности по своему предназначению призваны действовать в политической сфере. Они защищают главное, что есть в политике, — государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй, политическую власть Советского государства. Выхолостить из их деятельности политическую суть — значит превратить чекистов в ремесленников, не имеющих политических принципов и ориентиров… Тезис о деполитизации органов КГБ на нынешнем этапе отражает политику одних и заблуждение других».

Все верно и точно. Но опять меня мучила горечь сомнений. Конечно, по истечении многих лет легко критиковать любого за ошибки и просчеты. Сталин и Петр Великий тоже критикуются. И все-таки в связи с этим ответом В.А. Крючкова невозможно не спросить: так если наши чекисты оставались чекистами и у них были наши, общие политические принципы и ориентиры, то почему они не защитили главное — государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй и политическую власть Советского государства?..

Когда же председателю КГБ задали вопрос о межнациональной розни и сепаратизме, Владимир Александрович сказал: «Демократизация, гласность высветили накопившиеся десятилетиями теневые стороны в области межнациональных отношений».

Такой умный человек, как В. А. Крючков, конечно, понимал, что до перестройки дружба народов в СССР была не фикция, а реальность. Она прошла невиданные, многолетние испытания в огне тяжелейшей войны и не только выдержала это испытание, но и закалилась, что в свою очередь обеспечило высокие темпы восстановления и развития народного хозяйства страны в послевоенные годы.

Гитлер рассчитывал, что с первыми ударами немецко-фашистских войск многонациональный Советский Союз развалится. Но эффект был совершенно противоположный. Именно истинная дружба всех наших народов стала одним из важнейших факторов, который сделал Советский Союз Великой

Державой.

И ничего у нас десятилетиями не копилось — это все от лукавого или это просто надо было сказать в интересах Горбачева.

Отвечая на вопросы о теневой экономике и вообще о росте организованной преступности, Владимир Александрович назвал целый ряд конкретных примеров проявления этих болезней нашего государства, отметил, что теневая экономика имеет политический аспект. Но о мерах или намерениях снова ничего не сказал. Много говорил о предателе Калугине, коснулся и некоторых других, кто изменил нашей Родине, а также подчеркнул, что Запад не собирается сворачивать свои разведывательные планы против СССР. В итоге же В. А. Крючков отметил, что КГБ будет расширять гласность «в собственной работе», тем самым еще раз подчеркнул приверженность курсу перестройки.

Я не был удовлетворен выступлением В. А. Крючкова ни тогда, на съезде, ни потом, когда, находясь в тюрьме и по выходе из нее, я в сотый и тысячный раз пытался понять, почему рухнула наша могучая страна?

Может, поэтому я с повышенной требовательностью анализировал свои и чужие поступки, а особенно тех, кто мог и должен был пресечь действия предателей, но не сделал этого.

* * *

О Дмитрии Тимофеевиче Язове — министре обороны СССР, маршале Советского Союза. Одно то, что он сибиряк, уже о многом говорит. Неудивительно, что, когда грянула война, он приписал себе год (в деревнях в то время паспортов не было), чтобы попасть на фронт и защищать Родину. Его немного подучили, как и всех в то военное время, и послали на Волховский фронт. Командир взвода, командир роты. Как мало осталось после войны в живых из тех, кто командовал ротами. Вообще, тот, кто был в стрелковом полку взводным, ротным или батарейным командиром и остался жив — все равно что вытянул счастливый билет. Вот и Дмитрию Тимофеевичу повезло, как немногим другим сверстникам.

Далее служба от Крайнего Запада до Крайнего Востока — таким прекрасным послужным списком может похвалиться далеко не каждый военачальник. Естественно, с таким опытом можно руководить Вооруженными Силами. А шестьдесят с небольшим лет — это для министра обороны расцвет сил.

Но нельзя отбросить и тот факт, что Д. Т. Язов приглянулся Горбачеву, когда тот служил на Дальнем Востоке. Округ — громадный: одна четверть всех Вооруженных Сил. Опыт — богатый. Знания — отменные. Поэтому, по окончании поездки Горбачева, Дмитрий Тимофеевич был назначен заместителем министра обороны. И вдруг на Красной площади приземлился на своем самолетике некий Руст — немец по национальности, провокатор по специальности, работник спецслужб Запада по принадлежности, что и стало причиной замены министра обороны. Заменили. Министром стал Д. Т. Язов. Все пошло нормально, но звание маршала новому министру Горбачев не дает, тянет. На третьем году такой тянучки на заседании Главного Военного совета страны 18 октября 1989 года, кроме других вопросов, был поставлен и вопрос о маршальском звании министру обороны. Горбачев пообещал, но тянул до следующего года. Почему тянул? Да чтобы приручить к себе министра, сделать его покорным и послушным.

Крупных учений, по указанию Горбачева, в Вооруженных Силах мы уже не проводили, чтобы не раздражать американцев (единственным исключением были маневры в оперативных границах Одесского военного округа и Черноморского флота летом 1990 года). Войска наших Вооруженных Сил спешно выводились из стран Восточной Европы, как и из Монголии, в неподготовленные районы. Сокращение обычных вооружений и Вооруженных Сил, как и стратегических ядерных сил, проводилось по рецептам Запада. Группировки наших войск в европейской части до Урала были определены фактически США и т. д. Все это делалось (или не делалось) по личному указанию Горбачева.

Конечно, Д. Т. Язов тяжело все это переживал, но ничего поделать не мог. Нужны были мощные совместные (с другими силовыми министерствами) усилия. Доклад Дмитрия Тимофеевича 17 июня на закрытом заседании Верховного Совета СССР, как и доклады Павлова, Крючкова и Пуго, был демонстрацией неудовлетворенности политикой Горбачева. Отсутствие реакции со стороны президента СССР вынудило его в общении с другими руководителями искать выход. И выход был найден, хоть и не был радикальным. Жаль, что не хватило напора, чтобы довести дело до конца. Жаль и то, что Дмитрий Тимофеевич не провел личной беседы с каждым членом коллегии Министерства обороны и не убедил в необходимости действовать сплоченно и во имя народа. В коллегии началась возня. А некоторые ее члены даже отдавали распоряжения вопреки интересам ГКЧП (и, следовательно, министра обороны).

Например, начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев по просьбе из Белого дома отдал распоряжение в Главные штабы ВВС и ПВО, чтобы они пропустили и приняли самолет на военном аэродроме Бельбек (Крым), на котором летел Руцкой с командой «спасать» Горбачева. Этот самолет вылетел несколько позже самолета министра обороны, который уже ждал аудиенции у Горбачева, но так и не дождался. Это была не ошибка М. А. Моисеева.

В. А. Крючков не позаботился о своей безопасности, и Д. Т. Язов тоже не сделал этого. Можно представить наивность этих двух крупнейших начальников. Они считали, что, летая в Советском Союзе в любое время и в любое место, они в полной безопасности — никто не позарится на их личность: все-таки союзные министры! Да еще и какие! Но оказалось, лететь к врагу надо «вооруженным», а в затеянной круговерти не упускать инициативу, наоборот, наращивать усилия и привлечь для обеспечения безопасности страны необходимые силы — вот тогда и появится возможность для свободы действий. Ведь действия же были во благо нашего народа!

Когда случилось несчастье и всех из-за их поразительной беспечности арестовали, то что-то предпринимать было уже поздно. Очень жаль, что получилось все так нелепо и прискорбно. Но больнее всего осознавать все это, когда видишь нынешнюю реальную жизнь.

* * *

Об Олеге Семеновиче Шенине можно писать много, хотя мне удалось с ним познакомиться только в 1990 году. Являясь членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, Олег Семенович все же не имел достаточного времени, чтобы пустить глубокие корни в центральном аппарате. Однако, на мой взгляд, он уже знал, кто есть кто, и четко представлял, с кем и о чем можно было говорить, чтобы не подставить себя и других. Во всяком случае, военным он верил и даже в некоторые поездки брал наших представителей (например, в Прибалтику с ним ездил генерал Юрий Иванович Науман — из Политуправления Сухопутных войск, один из сильнейших офицеров).

Конечно, Шенин это не Медведев и не Ивашко, которые, не выпуская из поля зрения Генерального секретаря ЦК КПСС, действовали по принципу: «Что угодно?» Олег Семенович имел свое мнение и твердо его отстаивал, проявился его характер и во время августовских событий 1991 года. Без каких-либо колебаний

он стал на сторону тех, кто был не согласен с политикой Горбачева. Жаль только, что рабочий класс и коммунисты Москвы допустили сборище у Белого дома и не разогнали эту пьянь. Для этого даже милицию не надо было привлекать, не говоря уже о войсках Московского военного округа.

Олег Семенович и на предварительном следствии, и в суде сделал категорические заявления по событиям августа 1991 года. Он принципиально не признал себя виновным. Убедительно показал, что дело сфабриковано и направлено против тех, кто хотел предотвратить развал нашего государства. О Горбачеве он сказал однозначно, четко и ясно: «Президент СССР преступно относился к выполнению возложенных на него обязанностей, нарушил клятву по защите Конституции СССР, данную съезду народных депутатов СССР». Действительно, это было именно так. Но когда об этом говорит член Политбюро ЦК, работающий вместе с Горбачевым, то это звучит еще более убедительно…

Олег Дмитриевич Бакланов известен мне с начала 80-х годов как сильный министр в общей системе министерств, входивших в военно-промышленный комплекс. За личные достижения в производстве удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Он имел непосредственное отношение к созданию и поддержанию на должном уровне советского ядерного щита, в том числе обеспечивал суперсовременный уровень нашего пребывания в космосе. Высокие знания и отменные организаторские способности плюс доступность позволили ему в короткие сроки встать в ряд лучших министров страны. Неспроста его взял Горбачев вначале секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам, а затем сделал первым заместителем председателя Совета обороны (Горбачев считался председателем, но он не мог на постоянной основе заниматься этим органом, поэтому была введена такая должность). Но, на мой взгляд, Горбачев умышленно увел Бакланова с этого министерства, так как последний пользовался там непререкаемым авторитетом и действовал самостоятельно, не поклонялся и не угодничал. А это для генсека-президента опасно.

Олег Дмитриевич помогал мне (как Главкому Сухопутных войск) «пробивать» — вначале через Н. И. Рыжкова, а затем через В. С. Павлова — вопросы, связанные с созданием совместных (с венграми, чехами, немцами) предприятий на базе той недвижимости, которая оставлялась нами в Восточной Европе. С помощью этих предприятий и тех, что мы намерены были создать у нас в стране, предполагалось решать все проблемы с жилищным строительством для офицеров. Жаль, что все это в августе 1991 года рухнуло.

В 1991 году О.Д. Бакланов без колебаний встал в ряд истинных патриотов страны и выступил против политики Горбачева. И когда грянули августовские события, именно он всегда занимал самую активную позицию, подталкивая других членов ГКЧП к действиям. Именно Олег Дмитриевич вел основную беседу с Горбачевым в Форосе. Именно он всегда занимал в течение 19, 20 и 21 августа 1991 года четкую и ясную позицию.

Когда же мы оказались в тюрьме, то на допросах он, как и многие другие, однозначно заявлял о своей невиновности и говорил, что преступление совершили те, кто разваливал Советский Союз. Олег Дмитриевич вместе с В.А. Стародубцевым был моим сторонником, когда встал вопрос об амнистии и я предложил отказаться от нее и требовать, чтобы нас судили.

* * *

О Герое Социалистического Труда Василии Александровиче Стародубцеве. Писать о нем — значит пересказывать все то, что давно известно нашему народу и далеко за рубежом. Это действительно личность. В. А. Стародубцев — воплощение нашего настоящего крестьянства. Он целиком и полностью отдал себе идее — сделать жизнь крестьянства, нашего Отечества действительно счастливой.

Василий Александрович доказывал преимущества крупного сельскохозяйственного производства не только теоретически, но и практикой колхоза имени Ленина, где он долгое время был председателем. Иностранцы специально приезжали в нашу страну, чтобы посмотреть этот колхоз, и не верили своим глазам, что вот так прекрасно, благоустроенно и всесторонне обеспеченно могут жить в Советском Союзе колхозники.

С Василием Александровичем мы познакомились в 1989 году на Первом съезде народных депутатов СССР, хотя о нем я слышал давно и видел в нем настоящего лидера крестьян нашей державы. Его яркие речи вдохновляли и мобилизовывали народ. Но самое главное, что в корне отличает его от многих других политиков-популистов, так это то, что его позиция зиждется на живых примерах жизни, на его собственной деятельности, и это не фантазия. А если уж он сказал, что будет что-то сделано, то в этом ни у кого не было сомнений.

Вот почему организаторы выступления против политики Горбачева включили его в состав своей группы, даже не переговорив с ним. Знали, что он разделяет линию, изложенную в

документах комитета (в принципе любой нормальный человек, кому дорого наше Отечество, поддержал бы эти документы). Авторитет В. А. Стародубцева для создателей ГКЧП был очень важен.

Крестьяне-туляки, узнав, что В. А. Стародубцев был арестован и помещен в «Матросскую тишину», митинговали у стен тюрьмы до тех пор, пока его не освободили. Власть увидела, что она беспомощна и ничего с колхозниками не поделает. В мае 1992 года Василий Александрович оказался на свободе.

Во время пребывания в тюрьме, несмотря на мощное давление властей, ни один орган, куда Василий Александрович был избран, не освободил его от занимаемого поста. Наоборот, от этих организаций в различные инстанции направлялись ходатайства об освобождении. Он оставался председателем Агропромышленного объединения «Новомосковское», председателем Всероссийского совета колхозов, председателем Союза аграрников России, а затем — председателем Крестьянского союза СССР, членом-корреспондентом Российской Академии сельскохозяйственных наук и председателем колхоза. Показателен тот факт, что за ним не только сохранились все те посты, что ему доверил народ, но позднее земляки избрали Василия Александровича губернатором Тульской области.

В тюрьме и на суде В.А.Стародубцев держался достойно, как и подобает истинному патриоту нашей Родины.

Об Александре Ивановиче Тизякове. Он с Урала. Это такой же ас, как и В. А. Стародубцев, только в области промышленности, точнее, в военно-промышленном комплексе. Он постарше, участник Великой Отечественной войны. Человек умный и открытый. Терпеть не мог лжи и махинаций. Но когда ему приходилось встречаться с этими проявлениями, он взрывался, и его гневная, мощная тирада могла сразить любого. Прекрасно знал промышленное производство. Естественно, что среди промышленников Александр Иванович пользовался исключительным авторитетом. Глубоко видя перспективы нашей промышленности, он многократно обращался к президенту и правительству СССР с предложениями по организации производства и по приоритетам, которые могли бы обеспечить нам первенство в мире. И это действительно было возможно. Но реальной поддержки он не получил. И сегодня понятно — почему.

Во время августовских 1991 года событий он вошел в состав ГКЧП, как и В. А. Стародубцев. Полностью согласился с программой, но постоянно требовал решительных действий. Сам вызвался на поездку в Крым к Горбачеву, когда туда летели Крючков и Язов: был намерен своей железной логикой убедить

президента СССР в необходимости введения чрезвычайного положения там, где требовала обстановка, и отказаться от подписания нового Союзного договора, подготовленного в Ново-Огареве. Но, как известно, Горбачев, по натуре являясь трусливым и мстительным человеком, никого не принял, кроме А.И.Лукьянова.

А. И. Тизяков твердо и уверенно держался в тюрьме и на суде проявил себя истинным патриотом. Жаль, что его состояние здоровья не позволило быть до конца вместе с нами. Такие личности, как он, — верная опора государства в развитии промышленности.

* * *

И, наконец, о двух генералах КГБ, которые не были членами ГКЧП, но тоже, как и мы, были привлечены к ответственности — это бывший начальник 9-го Главного управления КГБ Юрий Сергеевич Плеханов и заместитель начальника Главного управления Вячеслав Владимирович Генералов.

Оба глубоко порядочные, честные и добросовестные работники Комитета. Они сознательно шли вместе с руководством страны, прекрасно понимая, что речь идет о ее спасении, а не о каком-то захвате власти. Их действия — это действия патриотов своего Отечества. В своих показаниях они представили следствию все именно так, как было на самом деле. И правильно поступил Владимир Александрович Крючков, когда ходатайствовал об их освобождении из-под стражи, так как они ни в чем не виновны и в своих действиях руководствовались его приказом как председателя КГБ.

Ю. С. Плеханов и В. В. Генералов — олицетворение генералов КГБ, преданных своему народу.

Первый суд над ГКЧП

Как было здорово, что мы наконец-то избавились от самодурства Генеральной прокуратуры! Хоть нам и не было известно, что именно ждет нас в суде, но сам факт передачи дела в суд уже много значил.

Вскоре был определен состав суда, которому предстояло рассматривать наши дела. Председательствовать будет заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ генерал-лейтенант Анатолий Тимофеевич Уколов. Народными заседателями — генерал-лейтенант Юрий Дмитриевич Зайцев (в отставке) и генерал-майор Павел Иванович Соколов (служит в Вооруженных Силах). Кстати, генерал-лейтенант Зайцев был моим сослуживцем по Заполярью — мне довелось в свое время командовать 54-й мотострелковой дивизией (штаб дивизии и ряд частей стояли в Кандалакше), а он командовал ротой, затем батальоном в 279-м мотострелковом полку нашей дивизии в Пинозере.

Председательствующий принял постановление, в котором определялось, что дело взято к производству, первое судебное заседание дела назначается на 14 апреля 1993 года. А в феврале 1993 года нам выдали обвинительное заключение в пяти томах. Таким образом, для подготовки к суду оставалось всего два с небольшим месяца. Заседания планировалось проводить в здании Военной коллегии Верховного суда РФ. Поскольку оно располагалось не так далеко от моего дома, то это облегчало мое положение, как и некоторых других, кто тоже проживал неподалеку.

На первом суде подсудимых было двенадцать (перечисляю в последовательности, которая определена уголовным делом): Г. И. Янаев, А. И. Лукьянов, В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов, В. И. Варенников, Ю. С. Плеханов, В. В. Генералов, А. И. Тизяков, В.А. Стародубцев.

Этих обвиняемых защищала сильная группа адвокатов: А.М. Хамзаев, Г. П. Падва, А. М. Гофштейн, А. П. Галоганов, Ю. П. Иванов, Н. М. Пилипенко, А. С. Абельдяев, Н.В. Печенкин, И. И. Мацкевич, П. Я. Крайний, А. К. Шмырев, Д. Д. Штейнберг, Г. М. Резник, Е. Ю. Львова, В. В. Халмаш, Ю. Б. Поздеев, Г. Г. Каджардузов, И. П. Грицюк.

Государственные обвинители были представлены от Генеральной прокуратуры РСФСР в следующем составе: Э. Г. Денисов (руководитель группы), Л. М. Сюкасев, О. Т. Анкудинов, Р. Р. Барсегян, А. Б. Данилов, В. П. Митюшов, В.Н. Пронин, В. В.

Смыков, В. Е. Фадеев. Всего девять человек.

Никто из перечисленных лиц мне не был знаком.

В феврале 1993 года Верховный суд вручал нам Обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214-91. Председательствующий суда определил место в здании суда, где мы можем собираться и, пользуясь материалами предварительного следствия (т. е. 150-ю томами дела по ГКЧП), готовиться к очередному судебному следствию.

Это было очень удобно. Первую половину дня я мог работать с необходимыми материалами и общаться со своими товарищами, с адвокатом, а после обеда продолжать подготовку уже дома. На мой взгляд, условия для нашей работы были созданы нормальные. Теперь многое зависело от нас самих.

Однако в нашем коллективе первоначально складывалась, на мой взгляд, не совсем открытая обстановка. В аудитории, отведенной нам для работы, было установлено множество столов так, чтобы можно было свободно общаться и советоваться. Но многие почему-то работали со своими адвокатами обособленно. Переговорив с рядом товарищей, мы прямо поставили вопрос: индивидуализм может навредить и даже подорвать нашу позицию. Дело общее, поэтому общим фронтом и надо выступать, а, следовательно, принципиальные вопросы обсуждать сообща, независимо, от кого они исходят. В том числе это касалось и будущих ходатайств.

С нами согласились все. Да и не могло быть иначе. И хоть в деле ГКЧП каждый из нас имел свое место и играл разную роль, все мы были объединены одним убеждением — действия наши были правомерны.

Еще до начала заседания мы определились по поводу всех общих ходатайств и тех, что должны были быть заявлены каждым из нас. Уже на этом этапе мы полностью подготовились к тому, чтобы активно участвовать в судебном процессе. Таким образом, наша договоренность сыграла большое значение. Мы и в последующем, уже в ходе судебных заседаний, собирались в перерывах, живо обсуждали ту или иную проблему, вырабатывая единый взгляд и определяя порядок и тактику наших последующих действий. Каждый из нас испытывал удовлетворение от того, что все мы хорошо организованы и сплочены.

Это было очень важно.

* * *

Наступило 14 апреля 1993 года. Различные общественные организации к 9 часам утра организовали на Калининском проспекте (Новом Арбате) многотысячный митинг в поддержку привлеченных по делу ГКЧП к суду. Но наиболее весомое место занимала «Трудовая Россия» во главе с В. Анпиловым. И вся эта огромная масса людей, после коротких речей, двинулась к зданию Верховного Суда РФ. Мне довелось увидеть много знакомых лиц. Все были возбуждены, торжественны и решительны. Встречный дружеский взгляд и несколько ободряющих слов — это была самая высокая духовная поддержка. Все-таки Виктор Иванович Анпилов молодец! Ему и всей «Трудовой России» мы премного благодарны не только за эту акцию, но и за солидарность в ходе всего судебного процесса, когда самоотверженные москвичи ежедневно, не считаясь ни с чем, приходили к зданию Верховного Суда и весь день, пока не заканчивалось судебное заседание, стояли в пикете и периодически скандировали различные лозунги. Это была реальная сила и реальная, эффективная поддержка.

Итак, вся многотысячная процессия двинулась к Верховному Суду. Все переулки и улочки, которые вели к зданию суда, были заполнены народом. Нас просто «внесли» в это здание, придав сил и мужества. И невозможно выразить всю теплоту к этим людям и благодарность к ним за все, ими сделанное. Поэтому-то каждый раз, когда мне и сегодня удается с ними повидаться, я обязательно искренне говорю им: «Спасибо!»

…К установленному времени мы вместе с адвокатами заняли свои места в зале заседания. Правда, перед этим случилась небольшая заминка. Руководство суда хотело, чтобы все обвиняемые сели в первом ряду, а их адвокаты — во втором и третьем. Нас это не устраивало. Мы сели так, как было удобно, т. е. каждый со своим защитником (или защитниками, как, например, у Лукьянова, Крючкова, Язова и некоторых других). А я занял место у прохода — крайнее и ближе к двери. Сердце меня все-таки беспокоило, и я на всякий случай предусмотрел и такую позицию.

В зале заседания на своих местах уже были все, кто обеспечивает работу суда, представители Генпрокуратуры, адвокат пострадавших, родственники пострадавших и, конечно, полный зал народа. Желающих попасть было очень много, но впускали по пропускам ровно столько, сколько было мест.

Зал суда — довольно просторное помещение — можно разделить условно на две части, чему способствовали и входные-выходные двери, расположенные приблизительно посередине длинных стен. Ими пользовались фактически все, кроме судей,

которые входили в зал в специальные двери, расположенные ближе к судейскому столу. Этот стол был огромный и к нему были приставлены такие же массивные, с очень высокой спинкой стулья-кресла. Справа располагались ряды со столами и стульями для обвиняемых (точнее — подсудимых) и их защитников, слева, за столами в два ряда, — государственное обвинение (т. е. группа от Генпрокуратуры), рядом с последними стоял отдельный стол для адвоката «потерпевшей» стороны. Считалось, что это родственники трех молодых москвичей, погибших на Садовом кольце в ночь с 20 на 21 августа. Перед судейским столом, который высоко возвышался над всем залом, размещался секретариат суда и другие обеспечивающие процесс работники. Посередине, как остров, стояла одинокая трибуна, которая служила для допроса свидетелей, а позади этой трибуны шли ряды уже обычных судейских лавок, стоявших вплоть до стены с окнами, выходящими на улицу. За окном — бурлящий народ и повседневная жизнь.

* * *

14 апреля 1993 года в 10 часов утра комендант суда подал команду: «Прошу встать. Суд идет!» Все поднялись. Началась новая историческая страница в жизни нашего народа — мы решили попытаться на фоне этого суда показать, что же произошло у нас в стране. Я стоял, как все, волновался и думал: будет ли правосудие или нас ждет расправа, как того требовало лживое и циничное обвинительное заключение Генпрокуратуры? Сколько продлится суд — месяцы или годы? Что явится решающим фактором и сможет повлиять на суд? То, что от нас, подсудимых, лично будет зависеть многое, это несомненно. Но народная поддержка, поддержка различных движений и партий тоже многое значили, как и правдивое освещение нашими немногочисленными газетами истинного состояния дел.

Торжественно вошли судьи. Впереди председатель, за ним — два народных заседателя. Все в черных судейских мантиях. Это было впервые, поэтому и сами судьи, и присутствовавшие в зале поначалу, на мой взгляд, испытывали некий дискомфорт. Однако вскоре все к нововведению привыкли.

С первых минут и часов работы суда мы почувствовали, что идет строгое, педантичное выполнение всех требований Уголовно-процессуального кодекса. Генерал-лейтенант А. Т. Уколов сразу взял бразды правления в свои руки и не допускал ни малейших отклонений, ни тем более каких-либо нарушений со

стороны участников процесса. В то же время проявлял терпение там, где другой бы на его месте давно бы выступающего оборвал. В целом на заседании суда сразу воцарился строгий, но справедливый порядок. Это способствовало утверждению авторитета суда, а у нас — подсудимых и защитников — зарождалась, хоть еще и весьма туманная, вера и надежда на справедливое разбирательство.

После выполнения установленных формальностей — проверки явки на суд участвующих сторон, выяснения основных данных каждого подсудимого, разъяснения им своих прав и обязанностей — начались высказывания ходатайств обвиняемой стороны, различные заявления всех сторон. Многие адвокаты умело использовали широкое присутствие на суде средств массовой информации и, блистая своей эрудицией и логикой, один за другим задавали вопросы четко, ясно и эмоционально. И если кто-то из них хотел быть похожим на прославленного русского юриста, судебного оратора конца XIX и начала XX века Федора Плевако, отстоявшего много крупных дел, так это заслуживало только всеобщего одобрения.

Первое заявление сделал защитник Янаева адвокат Хамзаев. Это был один из сильнейших адвокатов страны. Все его выступления всегда изобиловали подробными выкладками, глубоким анализом и убедительностью. Вот и на этот раз он сделал заявление об отводе всего состава суда. В его заявлении говорилось: «…Народные заседатели по своему положению являются подчиненными нынешнего министра обороны России генерала армии Грачева, а тот, в свою очередь, проходил по делу как свидетель, следовательно, народные заседатели не могут объективно исследовать показания Грачева, роль которого в событиях 19–20 августа неоднозначна».

Разумеется, аргумент весомый и вывод здесь напрашивался однозначный. Однако суд не удовлетворил это ходатайство. В мотивации было сказано, что судьи по закону независимы. И хоть сей аргумент не был достаточно убедительным (в стране законы нарушались сплошь и рядом), мы все-таки больше не возвращались к этому вопросу: большинство из нас были заинтересованы в скорейшем разбирательстве дела ГКЧП. Настаивание же на смене суда таило в себе нежелательную перспективу в виде затяжки разбирательства еще на три-пять месяцев (новому составу суда необходимо было бы изучить дело).

Вслед за этим последовало наше ходатайство об отводе всего состава группы государственных обвинителей. Заявление сделал Г. И. Янаев: «Заявляю отвод всем прокурорам, поскольку они являются подчиненными Генерального прокурора России

Степанкова, который до судебного заседания, выполняя социальный заказ президента России, неоднократно выступал перед прессой, другими средствами массовой информации с явно обвинительным уклоном в отношении меня и других подсудимых».

Геннадий Иванович убедительно подкрепил свое ходатайство еще двумя возмутительными фактами — передачей немецкому журналу «Штерн» видеозаписей допроса Крючкова, Язова и Павлова, а также изданием книги «Кремлевский заговор», предавшей гласности версии следствия в период, когда еще не закончилось предварительное следствие. Это было грубейшим нарушением самых элементарных норм юриспруденции. Вообще, такого дикого выпада против закона и столь неслыханного нарушения презумпции невиновности не было не только в годы Советской власти, но и во времена Российской империи при царяхбатюшках.

Г. И. Янаева активно поддержали другие подсудимые и защитники. Однако, как и следовало ожидать, государственные обвинители, категорически возражая против такой постановки вопроса, настаивали отвести это ходатайство. Обстановка сложилась острая: с одной стороны, явно нарушался закон и лица, представленные в качестве государственных обвинителей, должны быть отстранены от возложенных на них в суде функций; с другой — государственные обвинители утверждали, что в ходе судебного следствия они будут строго придерживаться требований закона и что сейчас и впредь генпрокурор Степанков на них не будет оказывать давления. Они косвенно давали понять, что так было и в отношении состава суда, по которому тоже был заявлен отвод, но затем подсудимые и их адвокаты согласились с решением суда об отклонении ходатайства адвоката Хамзаева.

* * *

Учитывая остроту ситуации, суд объявил перерыв, судьи удалились в комнату для совещаний, а подсудимые, адвокаты, государственные обвинители уже в неформальной обстановке продолжили тему, которая обострилась в зале суда. Особенно горячо дискутировали адвокаты Ю.П. Иванов, Д.Д. Штейнберг и А.С. Абельдяев. Они доказывали З. Г. Денисову и другим представителям Генеральной прокуратуры, что в этих условиях государственное обвинение в суде должны представлять независимые от Генерального прокурора юристы. Есть такие?

Несомненно, есть. И в многочисленных учебных заведениях, и в различных государственных структурах, и среди крепких и здоровых пенсионеров. Конечно, вслед за заменой государственных обвинителей этой новой группе тоже понадобится дополнительное время на адаптацию, изучение уголовного дела и т. д. Но, как говорят в народе, «игра стоит свеч». Ведь независимые прокуроры способны будут оценить дело и каждого подсудимого объективно и даже закрыть это дело за отсутствием состава преступления. И это было реально.

Через некоторое время нас пригласили в зал заседания и суд объявил принятое им Определение, которым обратил внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В. Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е. К., и предложил рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному уголовному делу.

Судебное разбирательство дела продолжить после получения ответа на это определение. Определение подписали председательствующий А. Уколов, народные заседатели Ю. Зайцев и П. Соколов.

Таким образом, суд посчитал, что отвод государственным обвинителям заявлен обоснованно. Действия Степанкова и Лисова не только вошли в противоречия многих статей Уголовно-процессуального кодекса, но грубо нарушили Конституцию РСФСР. Налицо факт того, что они лично заинтересованы в деле, и, конечно, ни о какой беспристрастности Генпрокуратуры в отношении дела ГКЧП не может идти речи. Поэтому суд вынужден был обратить внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения, допущенные Степанковым и Лисовым, и предложить рассмотреть вопрос о создании реально независимой группы прокуроров, которая могла бы представлять государственное обвинение. Мало того, в определении сделано и разумное предложение — как именно выйти из этого положения, т. е. как создать независимый от Генпрокурора орган.

Фактически все подсудимые и многие адвокаты были уверены, что этот документ возымеет действие. Право и закон восторжествуют. Однако некоторые из адвокатов сомневались в положительном исходе. Свои сомнения они обосновывали двумя причинами: Хасбулатов, как и Ельцин, не заинтересован в положительном разрешении дела ГКЧП. Кроме того, также было известно, что между Р. Хасбулатовым и В. Степанковым тесные связи.

Действительно, в итоге мы получили из Верховного Совета

РФ отрицательный ответ. Наш вопрос был поставлен на пленарном заседании Верховного Совета, но не набрал необходимого количества голосов. Был предпринят хитрый ход: Р. Хасбулатов поручил первому заместителю Председателя Верховного Совета Ю. Воронину проголосовать эту проблему в конце вечернего заседания, когда в зале, как правило, оставалось мало депутатов. Стало также известно, что В. Степанков поставил перед Р. Хасбулатовым вопрос прямо: «Или я, или они!» Естественно, была принята сторона Генерального прокурора. Но чтобы подсудимые и адвокаты не бурлили, подвели под такое голосование, когда иного решения и не могло быть. И придраться не к чему — голосовал Верховный Совет. Это была хорошо завуалированная обструкция. Ни Хасбулатов, ни тем более Степанков не желали, чтобы суд над гэкачепистами был справедливым.

Нам ничего не оставалось делать, как идти дальше с той командой, которая была представлена в первый день суда. Однако все мы понимали, что прокуроры государственного обвинения после нашей неудачной попытки «вытолкать» их из зала суда ожесточатся. Разумеется, внешне они будут делать вид, будто придерживаются объективности, но фактически станут злее. Поэтому обсудив этот вопрос на своем уровне, мы — подсудимые и адвокаты — решили максимально повысить свою бдительность на заседаниях.

* * *

Между тем социально-экономическая обстановка в стране резко ухудшилась. В Москве 1-го Мая мирная традиционная демонстрация трудящихся была избита омоновцами. Кровь, пролившаяся на центральных улицах столицы, была результатом провокации властей и милиции. Расправа над демонстрантами выглядела мерзко и позорно, тем более что избиение проходило под огромным полотнищем, на котором было написано: «С праздником, дорогие россияне!» Власти хотели, чтобы народ беспрекословно выполнял их команды. Им уже хотелось установить диктатуру без ограничений — что хочу, то и ворочу. Но трудящиеся всего мира традиционно отмечают Первомай. Почему же решили воспротивиться российская и московская власти? Это отдавало самодурством. Власть обязана обеспечить порядок при прохождении демонстрантов. А в Москве 1993 года власть сделала Первомай кровавым…

Судебный процесс по делу ГКЧП возобновился только в

сентябре. Мы вновь выступали с различными заявлениями и ходатайствами. В то же время начали таять наши ряды. Вначале по болезни Александра Ивановича Тизякова производство по его делу было приостановлено. Затем по этой же причине судебное разбирательство было приостановлено и в отношении Олега Дмитриевича Бакланова. Вслед за этим из наших рядов выбыл Геннадий Иванович Янаев — заболел его адвокат Абдулла Майербекович Хамзаев. Конечно, Янаев мог взять другого адвоката, но пока тот ознакомится с делом — уйдет много времени. А у нас и без того ситуация со временем была прескверная: процесс начался в апреле, а к оглашению обвинительного заключения приступили только в октябре.

Поэтому в целях продвижения вперед генерал-лейтенант А. Уколов пошел по пути освобождения дела от всего, что тормозило. И, на мой взгляд, все было сделано правильно. Это мнение разделял адвокат Д. Д. Штейнберг и некоторые другие товарищи. Однако по формальным признакам можно было критиковать и суд, и его председательствующего. В частности, за выделение в особое производство дела Янаева — обоснование здесь было недостаточное. Но во имя ускорения процесса мы решили все-таки не сопротивляться.

Но осенью 1993 года в стране происходят трагические события. Естественно, они не миновали и нас, наложили свой отпечаток и на наш судебный процесс. Все, что происходило в Москве, начиная с 21 сентября, подтверждало: осуществляется второй этап контрреволюции, против которой в августе 1991 года выступали мы.

Октябрьская 1993 года трагедия была тяжелее той, что произошла в августе—декабре 1991 года, а действия властей еще более позорными. Творилось непоправимое, что навечно оставляло уродливые шрамы на облике России.

Любители демагогии из числа политиков и социологов старались (да и сейчас стараются) облечь все, что произошло, в оболочку различных категорий, пускаясь в пустые размышления. Одни говорят, что мы-де имеем дело с демократическим развитием страны. Другие утверждают: это была политическая борьба за власть. С одной стороны Ельцин и его сторонники, а с другой — Хасбулатов и Руцкой, которые возглавили сопротивление съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Третьи усматривают здесь происки Запада.

Бесспорно, к тому времени Россию действительно наводнили с Запада, особенно из США, тысячи различных «специалистов». Между прочим Россия, получая тогда кредиты, полностью тратила их на содержание западных представителей. Много было

различного рода и доморощенных советников типа Чубайса. Но даже западники, подсказывая пути развала страны и разворовывания наших богатств, создававшихся народом веками, а более всего особенно за последние 70 лет, а также наших природных ресурсов, не способны были додуматься до того, что выкинул в часы жуткого страха Ельцин — страха в связи с реальной угрозой лишиться власти. Даже еще в декабре 1991 года (я повторяю этот факт) бывший директор ЦРУ США Р. Гейтс, комментируя разрушения СССР, говорил: американцы предполагали, что в Советском Союзе будет плохо. «…Но то, что творится у вас сейчас, даже для нас это кошмар». Это было сказано директором ЦРУ, которое прикладывает свою руку к разрушительным процессам во всем мире. Разумеется, с 1991 до 1993 года было достаточно времени, чтобы американские советники смогли «привыкнуть» к особенностям первого российского президента. Но и в этих условиях расстреливать из танков парламент России?!..

И до октябрьского 1993 года расстрела парламента, а фактически с первых дней пребывания у власти, действия Ельцина были антиконституционными, антигосударственными, антинародными. В доказательство этого приведу один пример, о котором говорил бывший пресс-секретарь Ельцина доктор экономических наук, журналист П. Вощанов. К тому же П. Вощанов антикоммунист, считает себя демократом. Поэтому его взгляды и оценки, по моему мнению, прозвучат более убедительно, чем если бы я представил оценки коммуниста, т. е. своего единомышленника.

Так вот, в «Современной политической истории России» (издание 2-е, 1999, стр. 730) говорится следующее:

> «…Павел Вощанов в статье «Золото добывают в Кремле» («Новая еженедельная газета», № 5) пишет о приватизации «людей, близких к власти. Сегодня, — пишет он, — не только госдачи, пол-России можно пустить с молотка (естественно, не забыв и о собственном интересе) и не быть схваченным за руку. Да и кому хватать-то? Едва ли не у каждого приближенного к власти руки хоть чем-то да заняты. Ему бы свое удержать».

В публикации содержатся конкретные факты, называются фамилии людей, злоупотребляющих своим служебным положением: Е. Гайдар, А. Собчак, Ф. Шелов-Кол-ведяев, С. Станкевич, Г. Бурбулис, А. Нечаев, А. Чубайс, П. Авен. Лишь один из сюжетов этой публикации: «Сейчас уже трудно припомнить,

кто спротежировал встречу: председатель российского парламента Б. Ельцин принял главу австралийского консорциума «Стар» Я. Мак Ни. Последнего очень интересовало извлечение платины из отходов российских горнодобывающих предприятий, но, зная особенность нашей бюрократии, он искал в Ельцине влиятельного политического покровителя. Как-то незаметно разговор перешел от проблем общих к частным, к золотодобыче. Тогда-то австралийский бизнесмен и получил «монаршье» заверение: ищите партнера. Я свою поддержку обещаю».

Партнер нашелся, хотя и не сразу. Им стало Госкомимущество, возглавляемое А. Чубайсом. Оно предложило австралийцам то, на что они совершенно не рассчитывали: стать совладельцами крупнейшего в России золотоносного месторождения «Сухой Лог». По секретным данным геологоразведки, это почти половина запасов российского золота. Исключительные права на добычу на территории 105 тыс. кв. км — неплохо для фирмы, про которую (точнее, про общую структуру, в которую та входит) в австралийской печати говорилось следующее:

«С ноября 1991 года по апрель 1992 года фирма, которая терпела убытки в 1988,1989 и 1990 годах, была исключена из списка компаний, акции которых продаются на австралийской фондовой бирже… Отчет за 1991 год вышел с опозданием, поскольку аудиторская фирма сочла необходимым провести дополнительнее проверки, прежде чем его заверить. По состоянию на декабрь 1991 года объем оборотных средств компании составил всего 75 000 австралийских долларов».

Итак, неплатежеспособной австралийской фирме (банковский счет практически пуст) Госкомимущество отдает 31 % акций крупнейшего в России золотодобывающего предприятия. Причем все было сделано в страшной спешке: 24 декабря Е. Гайдар еще только поручает выяснить целесообразность создания соглашения, а 26 декабря Госкомимущество принимает решение (кстати, не забыв закрепить за собой такое же количество акций — т. е. 31 %). (Разве это не преступление? — Автор).

А что же старатели? Теперь они обязаны заключать договора на добычу уже с российско-австралийской администрацией. А те устанавливают цену добычи в несколько раз ниже, чем раньше».

Вот один из примеров расхищения богатств России, о чем пишет П. Вощанов.

* * *

Теперь приведу перлы из Указов президента Ельцина осенью 1993 года.

21 сентября Ельцин издал «исторический» Указ № 1400, который назывался: «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Фактически это был указ об удушении демократии и в первую очередь Советов. Хотя декорацию из пышных лживых фраз по поводу развития демократии, конечно, Ельцин выстроил. При этом всю вину на провалы в демократии Ельцин возложил на Верховный Совет.

Вот некоторые положения этого позорного Указа:

«В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны». Верно, но создал эту ситуацию лично Ельцин. Далее говорится, что Верховный Совет РФ противодействует осуществлению социально-экономических реформ. Налицо, мол, обструкция политики всенародно избранного президента. А Верховный Совет узурпирует не только исполнительную, но и судебную власть. И далее:

«Конституционная реформа в РФ практически свернута…

В сложившихся условиях единственным средством… преодоления паралича государственной власти являются выборы нового парламента РФ».

В связи с этим президент постановляет: «1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации… руководствоваться Указами президента и постановлениями правительства Российской Федерации…»

И в этом духе следовало еще 17 пунктов. В конце Указа Ельцин обращается к народу: «Прошу граждан России поддержать своего президента в это переломное для судьбы страны время».

Ну а что народ? Молчит. Он молчит и тогда, когда объявляется Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О прекращении полномочий президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина». В нем говорится:

> «В связи с грубейшим нарушением президентом Российской Федерации Ельциным Б. Н. Конституции Российской Федерации — России, выразившемся в издании Указа от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной Конституционной реформе в Российской Федерации», приостанавливающего деятельность законно избранных органов государственной власти, Верховный Совет Российской Федерации постановляет: в

соответствии со статьей 121-6 Конституции Российской Федерации — России полномочия президента Российской Федерации Ельцина Б. Н. прекращаются с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатов.

Москва, Дом Советов 22 сентября 1993 года».

В следующем постановлении Верховного Совета РФ действия президента РФ Ельцина Б. Н. оцениваются как государственный переворот, и его Указ направляется в Конституционный суд РФ для оценки его конституционности.

Конституционный суд в составе Зорькина (председатель), Витрука, Рудкина, Аметистова, Ведерникова, Гаджиева, Кононова, Лучина, Морщаковой, Олейника, Селезнева, Тиунова, Эбзеева пришел к заключению, что Указ президента РФ Ельцина от 21.09.93 года № 1400 и его Обращение к гражданам России (этого же числа) не соответствуют многим статьям Конституции РФ (перечисляются) «… и служат основанием для отрешения президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121 (10) или 121 (б) Конституции Российской Федерации».

То есть Ельцин не только должен был быть отлучен от власти, но еще и привлечен к уголовной ответственности.

В тот же день, т. е. 22 сентября 1993 года, Верховный Совет РФ принял Постановление об исполнении полномочий президента РФ А. В. Руцким. В свою очередь Руцкой издал указ о том, что в соответствии со статьями 121.6 и 121.11 Конституции РФ, а также Постановлением Верховного Совета РФ он приступил к исполнению полномочий президента РФ.

Однако Верховный Совет РФ хоть и занес меч над Ельциным, но голову ему еще не отрубил. Двоевластие не могло продолжаться вечно. И Ельцин выгоняет танки к Дому Советов и прямой наводкой расстреливает парламент страны из танковых пушек. И это варварство в еще не виданных, диких проявлениях наблюдала по телевидению вся планета. Ельцин — палач, круша все конституционные и международные правовые нормы, вошел в историю на крови и сидел в окровавленном троне до 2000 года, разрушая и грабя страну, уничтожая наш народ.

* * *

Для того чтобы как-то прикрыть свое злодеяние, Ельцин обращается к народу России. В этом лицемерном обращении все от начала и до конца — мерзкая ложь.

Вот одна из фраз: «Те, кто пошел против мирного города и развязал кровавую бойню, — преступники». Верно ли это? Верно! Но развязал эту бойню лично Ельцин с помощью Черномырдина, Грачева и Ерина. Главные организаторы Кобец и Волконогов — оба генералы из Министерства обороны, не имеющие в своем послужном списке ничего близкого к боевым частям. Непосредственные исполнители, введенные в заблуждение своими начальниками, стреляли в парламент, в избранников народа. Это все равно что в народ. Конечно, расценить такое иначе как преступление нельзя.

Обращаясь к народу, Ельцин старается оправдаться и валит все на руководителей Верховного Совета РФ. Он говорит: «Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения».

Спрашивается, как могли свезти со всей страны и завести или пропустить в Белый дом боевиков, если и подступы к Москве были Ельциным и Черномырдиным перекрыты, а сам Белый дом был обнесен колючей проволокой надежнее, чем в «хорошем» ГУЛАГе, и блокирован войсками МВД? Наконец, как эти боевики (если их все-таки как-то впустили в Белый дом) могут «сеять смерть и разрушения»? Чем и что они могут разрушить, если они внутри Белого дома?

Для подкрепления изложенных позиций Ельцин объявляет чрезвычайное положение в Москве, подписав соответствующий Указ: «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в Москве».

В унисон президенту РФ тоже 4 октября 1993 года выступает правительство Черномырдина с Заявлением Совета Министров и руководителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации о политической ситуации в России.

6 октября Ельцин еще раз обратился к народу и еще раз решил внушить нашим доверчивым людям, что самосуд, который он лично со своими приближенными учинил над Верховным Советом РФ, является не чем иным, как спасением демократии. Он снова напирал на то, что якобы была угроза установления в России кровавой коммуно-фашистской диктатуры.

Но не Советы, как орган политической власти, на мой взгляд, хотел ликвидировать Ельцин, а лишить власти тех людей, которые входят в Советы. Какая разница, будет ли этот орган называться Советом или Думой? Люди, вот что главное!

Но Ельцин подавал все так, будто именно Советы, созданные

в 1905 году коммунистами в Иваново-Вознесенске, являются угрозой для демократии. Мне неизвестно, действительно ли Ельцин так думал о происхождении Советов или лгал умышленно. Однако ясность в этом вопросе у нас должна быть.

Фактически Советы (или «вече») как форма местного самоуправления были созданы в Новгороде и Пскове почти за тысячу лет до их возрождения в Иваново-Вознесенске. И Советская власть после 1917 года только исторически воспроизвела то, что было создано народом давным-давно. Поэтому дремучая ненависть Ельцина к Советской власти выглядит просто глупо.

Ельцин заявляет: «Большинство органов Советской власти несут прямую ответственность за крайнее обострение ситуации в Москве. Система Советов проявила полное пренебрежение к безопасности государства и его граждан, сама поставила точку в своей политической судьбе». И далее говорит, что Советы обязаны самораспуститься, а России, «как воздух, нужна нормальная демократическая конституция».

Мы вскоре и получили такую «нормальную демократическую Конституцию» (соавторы Шахрай, Бурбулис, Шумейко и другие), которая всю основную власть отдала президенту страны, полностью вывела его из-под контроля и фактически не позволяла отстранить от управления государством человека, который, занимая пост президента, творил антигосударственные дела вплоть до крупных преступлений.

В итоге штурма Дома Советов руководители сопротивления были захвачены и посажены в Лефортовскую тюрьму (Хасбулатов, Руцкой, Макашов, Ачалов и другие). Но не это главное. Главное в том, что те побеги истинной демократии в лице Советов, которые действительно представляли интересы народа, были раздавлены Ельциным.

Главный критерий или лицо демократии — это Конституция страны и механизм контроля народа за всеми ветвями власти, начиная с президента. У нас Конституция — во имя президента и только для него, а контроль на нулевых установках.

Расстрел российского парламента по сути стал расстрелом души народа. В стране создалась тяжелая гнетущая обстановка.

* * *

После октябрьской трагедии, приблизительно через месяц после основных событий Военная коллегия Верховного Суда продолжила свои судебные заседания.

Приступили к допросу подсудимых и свидетелей. Первым из подсудимых выступал В. А. Крючков. Как и в любом сложном деле, первому, конечно, труднее всего, а в нашем — даже опасно. Но Владимир Александрович со своими задачами справился успешно — как в личных показаниях, так и в ответах на вопросы суда, государственных обвинителей, а также при допросе свидетелей он проявил незаурядную дипломатию и гибкость.

В своем выступлении В. А. Крючков подчеркнул, что просто нелепо обвинять людей в измене Родине, когда на самом деле все они являлись и являются патриотами и защитниками своей Отчизны, действительно беззаветно служат своему народу. А что касается событий августа 1991 года, так это была попытка защитить и спасти Отечество от развала.

Владимир Александрович категорически не признал свою вину и вину товарищей, привлеченных по делу ГКЧП. И действительно, ГКЧП и провозглашенные им программные документы были направлены на спасение, а не на развал СССР.

Дмитрий Тимофеевич Язов так же категорично отвел все предъявленные ему обвинения, убедительно доказал, что все они надуманы, раскрыл причины развала Советского Союза и назвал ряд фигур, которые сыграли главную роль в этой трагедии.

Дмитрий Тимофеевич умно, без малейшей тени злопыхательства показал предательскую роль Горбачева и в расшатывании Вооруженных Сил, и в разбазаривании наших территорий и акваторий. Он с горечью говорил: «Я стремился не допустить развала государства и армии. Этим было вызвано мое участие в совещании на объекте КГБ 17 августа 1991 года, где обстановка в стране была оценена как критическая… 16–17 августа уже было известно, что Украина, Прибалтийские республики Союзный договор подписывать не будут, а значит — не будет и Союза. Это Горбачев понимал, и мы решили предложить ввести чрезвычайное положение».

Несомненно, это выступление, как и выступление Владимира Александровича Крючкова, произвело сильное впечатление на всех присутствующих. В их позиции не было и намеков на раскаяние или стремление обелить себя. Нет! Они оба обличали и обвиняли тех, кто довел страну до тяжелейшего всеобъемлющего кризиса и насильственно ее разрушил. В заключение своей речи Д. Т. Язов с горечью произнес: «Люди, движимые мотивами сохранения государства, привлекаются к уголовной ответственности по закону, который государство создало для своей защиты».

Действительно, творился абсурд, какого человечество не знало — не ведало…

Показания Олега Семеновича Шенина, который выступал после Д. Т. Язова, максимально усилили и без того уже мощное воздействие на всех участников судебного процесса. Олег Семенович подчеркнул, что готов нести ответственность, но не за то, что выступил против горбачевских реформ, что настаивал ввести чрезвычайное положение и сорвать подписание нового Союзного договора, чтобы спасти страну, а за то, что не все сделал, чтобы сохранить нашу Великую державу — Советский Союз.

О. С. Шенин четко заявил, что к выполнению обязанностей президента Горбачев относился преступно, что он нарушил клятву о защите Советской Конституции. Это и привело к развалу страны. Горбачев знал о подготовке Ельцина к действиям по окончательному развалу Советского Союза и ликвидации Советской власти, знал, что тот не подпишет Союзный договор в Ново-Огареве. При этом Шенин сообщил, что Горбачев лично говорил ему (Шенину) 29 июля 1991 года об этом. Еще более сильным был заключительный аккорд:

> «То, что не смог сделать Гитлер в 1941–1945 годах, сделали Ельцин, Кравчук и Шушкевич в Беловежской Пуще… Сдал и предал Союз его президент, его Верховный Главнокомандующий».

После этих слов, видимо, не только у меня, но и у всех присутствующих логично возник вопрос: какую кару должен понести предатель народа и государства?

* * *

Крючкову, Язову и Шенину довелось пройти весь «курс» судебного следствия. Они дали показания, ответили на вопросы, полностью прошли этап допроса свидетелей. И везде действовали по-боевому. Мы радовались за своих товарищей и на их опыте строили в общих чертах прогноз в отношении исхода судебного следствия и возможного вердикта. Ведь они все-таки реально относились к верхушке той пирамиды сопротивления горбачевской политике, которая выросла в руководстве за последнее время.

Мне довелось выступить четвертым — вслед за О. С. Шениным. Точнее, после того, как вся процедура с ним была закончена, в том числе допрошены свидетели по той части дела, которая касалась его лично.

Кстати, во время моего выступления на суде имел место

интересный эпизод. В конце первого дня моих показаний председательствующий — генерал-лейтенант А. Уколов прервал меня вопросом: «У вас по времени еще много докладывать? Может, мы продолжим заседание да закончим его уже сегодня?» Я ответил, что у меня осталось ровно столько, сколько уже доложено, т. е. еще на один день. Это вызвало улыбки и шум в зале. Но суд подошел к этому с пониманием. Председательствующий, сообщив, что показания будут продолжены завтра, объявил перерыв.

Однако когда я закончил свои показания, вдруг нас известили, что Государственная Дума Федерального Собрания приняла постановление об амнистии. Наш новый парламент явно демонстрировал свои права.

На следующий день на очередное судебное заседание все пришли в возбужденном состоянии. Нам также стало известно, что в свет вышло еще одно постановление Госдумы, которое идет в связке (в пакете) с постановлением об амнистии. Фактически им распускалась недавно созданная парламентская комиссия, которая должна была расследовать факты расстрела в октябре 1993 года Верховного Совета РСФСР. Понятно, что это второе постановление стало разменной картой режима.

Председательствующий на суде А. Т. Уколов при абсолютной тишине в зале заседания зачитал постановление № 1 Государственной Думы от 23 февраля 1994 года и сделал небольшую паузу. Видно, для того, чтобы мы глубоко осознали, что именно произошло. Затем сказал, что теперь он будет персонально опрашивать каждого из нас с целью выяснения отношения к амнистии. Тогда мы, т. е. подсудимые и адвокаты, попросили выделить нам время для проведения внутренних консультаций. Посовещавшись, суд удовлетворил нашу просьбу. Был объявлен перерыв.

Мы собрались в своей комнате, где обычно шла подготовка к очередным заседаниям. Анатолий Иванович Лукьянов, уже являясь депутатом Государственной Думы первого созыва, подробно рассказал нам об амнистии, подчеркнув, что у Думы фактически это был первый решительный шаг. Поэтому в сложившейся ситуации, в том числе и для оказания поддержки Думе нам целесообразно согласиться с амнистией. Начались выступления. Большинство высказалось за амнистию. Отмалчивались О. Бакланов и В. Стародубцев. Я чувствовал, что они, как и я, не согласны с амнистией. Учитывая, что дело все-таки склоняется к принятию амнистии, я попросил слово.

Понимая, что амнистия — это гуманный шаг, что такие решения бывают редко и ими надо дорожить, что принятие нами

амнистии имеет обратную связь, т. е. мы тем самым поддержим наш новый законодательный орган, что на фоне трагедии, которая произошла в октябре 1993 года с Верховным Советом РФ, конечно, имеет для общества исключительное значение, — понимая все это, я в то же время не мог согласиться с амнистией, так как ни в чем не виновен, как и все привлеченные к суду по делу ГКЧП. Именно поэтому нельзя соглашаться с амнистией. Кроме того, второе постановление, которое фактически идет в обмен на амнистию, ставит крест на работе парламентской комиссии, а она должна была разоблачить убийц — тех, кто отдавал приказы и кто их исполнял, в результате чего погибли сотни ни в чем не повинных людей при штурме Дома Советов в октябре 1993 года.

Но мои товарищи продолжали напирать на меня, аргументируя это тем, что, во-первых, все мы, проходящие по делу ГКЧП, невольно становимся в оппозицию к Государственной Думе, а это на руку только врагам; во-вторых, развязав руки с судебным делом, мы сможем сосредоточить свои усилия не только на разоблачении тех, кто расстрелял людей в октябре 1993 года, но и вообще на проблеме отката нашей страны от государственности, права и элементарного порядка в стране. Не скрою, второй довод прозвучал для меня неубедительно, так как наши возможности были ничтожны. В-третьих, мне напомнили мои же слова о том, что надо идти в деле ГКЧП единым фронтом, по принципу: один за всех и все за одного. А тут вдруг Варенников решил оторваться от коллектива.

Но я продолжал сопротивляться и пытался убедить своих друзей, что раз мы невиновны, соглашаться с амнистией нам нельзя. Наоборот, на судебном процессе надо показать, кто есть кто и кто в насильственном разломе Советского Союза сыграл главную роль. Ведь разоблачение разрушителей могло раскрыть глаза народу, помочь ему правильно оценить политическую обстановку в стране. Тогда один из моих товарищей обвинил меня в амбициозности, в том, что будто я претендую на особое положение, хочу выделиться. Тут я, конечно, взорвался и наговорил лишнего. Однако это обвинение заставило меня задуматься. Разумеется, пункт «а» 64-й статьи Уголовного кодекса РСФСР грозил тяжелым наказанием: от 10 до 15 лет строгого режима или расстрелом с конфискацией всего имущества. То есть мало того, что сам пострадаешь (пусть будет даже «наилучший» вариант — 10 лет, но это хуже, чем расстрел), так пострадает еще и семья — отберут все, что нажито за многие десятилетия. Допустим, я не соглашусь и меня будут судить, но свидетелями, конечно, кроме других, будут выступать и все мои товарищи по

делу ГКЧП. И, несмотря на амнистию, их тоже могут по ходу судебного разбирательства опять привлечь к уголовной ответственности. Ведь в стране установился беспредел и в судебном процессе можно было ожидать любых осложнений. К тому же мы хоть и прониклись уважением к составу суда, но полных гарантий, что он будет строго придерживаться закона, не было. А что подумают обо мне жены и дети моих товарищей? Конечно, амнистия подсудимым в условиях, когда над ними уже занесен меч, — это большой соблазн.

К сожалению, я тогда не знал тонкостей юриспруденции. Оказывается, закон предусматривает положение о том, что если судебный процесс начался, а в ходе его объявлена амнистия, то суд обязан довести дело до конца и объявить приговор — обвинительный или оправдательный. Если приговор оправдательный, то освобождают всех — за отсутствием состава преступления. Если приговор обвинительный, то всех освобождают по амнистии, но подсудимые уходят на свободу с клеймом судимости.

Если бы я все это знал, то продолжал бы настаивать хотя бы на продолжении суда. Объявленная амнистия так или иначе освобождает подсудимого, хочет он этого или не хочет. Но это когда суд уже начался. А если судебное разбирательство еще не начиналось, то всех освобождают без суда. Если учесть, что суть проблемы не раскрыта (виновны — невиновны), то амнистию нельзя рассматривать как помилование.

Это стало мне известно гораздо позже, когда я уже пообщался с адвокатом Дмитрием Штейнбергом. Он все разложил мне по полочкам, но в тот момент спора в кругу товарищей многое мне было неясно. Опасаясь, что мои товарищи могут пострадать из-за моей позиции, я в итоге нашего часового спора сказал: «Хорошо, я вместе со всеми приму амнистию, но сделаю заявление, в котором свое согласие свяжу с определенными условиями». Товарищи со мной согласились.

После перерыва председательствующий суда стал всех опрашивать. Наступила и моя очередь. Я заявил: «Я не возражаю против амнистии, но я невиновен. Могу принять амнистию при условии возбуждения уголовного дела по факту развала Советского Союза». Мое устное заявление было принято. Далее опрашивали остальных. Все согласились.

В итоге 1 марта 1994 года было издано Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ, в котором говорилось, что уголовное дело в отношении всех привлеченных к ответственности по делу ГКЧП прекращено со ссылкой на Постановление Государственной Думы РФ об амнистии. При этом

отменялась мера пресечения — подписка о невыезде, а также арест, наложенный на личное имущество.

* * *

Казалось бы, все обошлось без тяжелых осложнений, все должно нормализоваться, поэтому можно было бы и успокоиться. Но фактически на душе было тревожно. Я не чувствовал удовлетворения и все-таки надеялся на какие-то подвижки в отношении моего ходатайства. Но суд молчал.

И вдруг через несколько дней нам всем объявляют о том, что Генеральная прокуратура РФ внесла протест на определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 1994 года, по которому уголовное дело по ГКЧП прекращено. Президиум Верховного Суда принял этот протест. Принял не потому, что Военная коллегия Верховного Суда неправомерно прекратила судебное разбирательство и закрыла дело о ГКЧП. Никакой здесь ошибки не было — решение высшего законодательного органа — Государственной Думы — должно быть выполнено. А коль оно вошло в противоречие с Уголовным кодексом, где сказано, что суд обязан довести разбирательство до конца при всех условиях (в том числе и при объявлении амнистии), то Президиум Верховного Суда принимает мудрое решение: отменяет Определение Военной коллегии от 1 марта 1994 года, а по делу о ГКЧП возбуждает новое судебное разбирательство.

Расчет был до гениальности прост: создается новый состав суда. Его председательствующий еще до начала судебных заседаний опрашивает персонально каждого из нас, проходящего по делу ГКЧП, об отношении к амнистии, все соглашаются, принимают амнистию, и суд, не начав следственных действий, закрывает дело. Это полностью соответствует правовым нормам. И все должны быть довольны. И волки сыты, и овцы целы. Однако не все получилось столь гладко. Поэтому я обязан принести извинения тем, чей замысел я нарушил.

Председательствующий нового состава суда генерал-майор Виктор Александрович Яськин начал приглашать каждого из нас в Верховный Суд. Сообщив, в связи с чем он нас пригласил, он предлагал согласиться с решением об амнистии и написать соответствующее заявление.

Я всесторонне обсудил ситуацию со своим старшим сыном Валерием (он жил в Москве), адвокатом Дмитрием Давыдовичем Штейнбергом и пришел к выводу, что просто обязан не принять амнистию. С таким предварительным решением, естественно,

написав соответствующее заявление, я вместе с Валерием отправился в Верховный Суд. В. А. Яськин тоже был не один, так что разговор строился при свидетелях. Встреча у нас была ровная, разговор проходил спокойно, но внутренне обе стороны были напряжены.

После знакомства (мы раньше не встречались) Виктор Александрович подробно рассказал мне обо всех перипетиях нашего дела. Сообщил, что у него уже было 8 человек из 12 и все согласились с амнистией, оставив лисьменные заявления. Кто конкретно уже был и согласился — он не говорил. А я не спрашивал. Спокойно слушал, не задавая вопросов. Наконец наступил решающий момент.

— Вот теперь пришел и ваш черед, — сказал Яськин. — Я предлагаю и вам принять амнистию, как это сделали уже многие…

— К сожалению, я этого сделать не могу, — твердо ответил я.

Яськин вопросительно посмотрел на меня.

— Дело в том, что еще на первом суде при опросе подсудимых об отношении к амнистии я устно заявил, что могу принять амнистию при одном условии — если будет возбуждено уголовное дело по факту развала Советского Союза. Однако это учтено не было. Поэтому сейчас я категорически отказываюсь от амнистии и делаю письменное заявление.

При этом я вручил ему мою домашнюю заготовку.

Прочитав мое заявление, В. А. Яськин немного задумался, но затем продолжил беседу, стараясь убедить меня принять амнистию:

— И все-таки, Валентин Иванович, я хочу обратить ваше внимание на то, что в сложившейся обстановке целесообразно амнистию принять. Ведь процесс может затянуться и на год…

Тут он сделал паузу. Я молчу, тогда он, глядя мне в глаза, продолжил:

— И на полтора… и даже на два. А результат будет одинаковый…

— Ну, что ж, два так два. Будем судиться.

— Но ведь вам придется иметь все это время адвоката, а это большие деньги!

— Я откажусь от адвоката. Мне защита не нужна.

— Но по такого вида статьям, как 64-я, Уголовно-процессуальным кодексом предусматривается обязательное присутствие адвоката.

— В таком случае пусть государство назначает адвоката и оплачивает его труд, — парировал я.

— Государство этого делать не будет. Это никакими

законами не предусмотрено.

— А я тем более не намерен этого делать. У меня нет средств.

— И все-таки считаю своим долгом сказать вам, что можно было бы еще подумать и затем объявить свое решение. Государство вам предлагает амнистию.

— Это хорошо продуманный и далеко не поспешный шаг. Решение это было принято несколько месяцев назад, а сейчас я только еще больше утвердился в правоте своих взглядов и своего решения.

— Так что — ни в какую?

— Да, я настаиваю на проведении суда. Амнистию принимать не намерен.

Уже обращаясь к сотруднику, который сидел рядом с ним (видно, тоже юрист), Виктор Александрович как бы попытался найти у него поддержку:

— Вот видите — Валентин Иванович амнистию принимать не хочет и настаивает, чтобы состоялся суд.

Коллега Яськина неопределенно поднял плечи, но в разговор не ввязался. Тогда Виктор Александрович заключил:

— Ну что ж, мы сделали все, чтобы убедить вас в целесообразности принятия амнистии. Вы категорически отказываетесь и решили идти в суд. Это ваше право. Значит, быть по сему. Но если в ближайшие дни вдруг передумаете— мы можем все поправить.

Я заверил В. А. Яськина, что поправлять ничего не придется. Мы распрощались, но теперь уже в ожидании нашей встречи на суде. Весь путь к дому я обсуждал с сыном Валерием ситуацию. Он всячески поддерживал меня и считал, что это единственно правильное решение. Дома жена, как всегда, встала на мою сторону, но без энтузиазма — ее пугали сроки, да и финансирование тоже.

Решил никому из своих товарищей об этом пока не сообщать, чтобы не бередить их души, да и самому не расстраиваться. А вот адвокату позвонил сразу. Дмитрий Давыдович воспринял это весьма положительно, сказав, что он от меня другого решения и не ожидал и готов сражаться. Это вдохновляло. И вообще я почувствовал душевное облегчение.

* * *

Собравшись с мыслями и ориентировочно прикинув возможный вариант событий, я уже на второй день засел за работу и стал конкретно готовиться к предстоящему судебному

процессу. Конечно, основная подготовка, как и раньше, проходила в стенах Военной коллегии Верховного Суда РФ, так как здесь можно было воспользоваться всеми необходимыми материалами, в том числе предварительного следствия, обвинительного заключения, показаниями В. А. Крючкова, Д. Т. Язова, О. С. Шенина, а также свидетелей, которые вызывались по их делу. Особое внимание я обратил на тексты своих собственных показаний и на ходатайства, которые я решил заявить до начала судебного разбирательства. Разумеется, центральное место занимало мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза.

Второй суд
Встречный иск по делу о развале СССР

21 июня 1994 года в 10 часов утра начался суд — для меня уже второй. Видно, основные сотрудники Военной коллегии дело ГКЧП хорошо изучали еще в ходе основного, т. е. первого процесса. Поэтому затяжек с началом процесса не было.

Председательствовал член Военной коллегии Верховного Суда генерал-майор В. А. Яськин. В роли народных заседателей были генерал-майор В. И. Подустов и контрадмирал Н. Н. Юрасов, оба действующие офицеры. Разумеется, на них налагалась большая ответственность за судьбу дела, но в то же время они, как и любой человек, были далеко не безразличны к своей собственной судьбе. Ведь исполнительная власть, начиная с президента РФ Ельцина, ждала, что суд раздавит Варенникова, уличит его в самом тяжком преступлении, тем самым на ГКЧП будет выжжено клеймо позора. Если же суд вынесет другое решение, то его авторов будет ждать соответствующая участь.

В роли государственного обвинителя выступал полковник А. Б. Данилов, бывший в составе группы государственных обвинителей и на первом суде. Тогда за ним были закреплены подсудимые Язов и Варенников. Какие-то категорические выводы относительно Аркадия Борисовича Данилова мы с Дмитрием Тимофеевичем Язовым и адвокатами сделать тогда не могли — вел себя ровно, своими вопросами особо от других прокуроров не выделялся. Поэтому на первом суде и сейчас на втором он был загадкой. Хотя я чувствовал в нем внутреннее благородство.

В день начала судебного процесса у здания Военной коллегии Верховного Суда РФ собралось огромное количество людей во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым. Они демонстрировали солидарность и искренне поддерживали меня. Эта акция, конечно, имела огромное значение для поднятия духа. Лозунги, плакаты, многочисленные обращения ко мне волновали и радовали. Я чувствовал и видел, как много у меня искренних сторонников и верных друзей.

Большой отряд милиции старался не допустить каких-либо эксцессов. Собравшиеся люди вели себя достойно, провокаций не было. Это тоже меня радовало. Когда я подошел к демонстрантам и завел с ними разговор, началось что-то неописуемое. Люди старались пожать мне руку, подбодрить, выразить свою солидарность. Я подробно рассказал им, что будет в суде, каких позиций придерживаюсь, и, естественно, тепло поблагодарил всех

за поддержку.

В зале суда я появился за полчаса до начала заседания. Все места для гостей были уже полностью заняты. И здесь меня тоже тепло приветствовали. Удивительное дело — ведь начинается суд, а у меня праздничное настроение! Да и суд-то какой — обвинение по самой тяжелой статье в Уголовном кодексе, а у меня при взгляде на всех окружающих на душе легко и даже радостно. Конечно, я волновался и глубоко осознавал, что сейчас несу полную ответственность не только за себя лично, не только за всех двенадцать моих товарищей, привлеченных к суду по делу ГКЧП, но за принципиальную политическую оценку событий августа 1991 года и за свою личную офицерскую честь.

Вместе с амнистией власти все концы упрятали в воду. Однако неожиданно возник судебный процесс над Варенниковым, и у властей, начиная с Ельцина, не было никаких сомнений, что суд врежет Варенникову под самую завязку…

* * *

И вот этот суд начался. Все заняли свои места. Раздается уже знакомая команда коменданта: «Прошу встать. Суд идет!» Все стоя встречают высокий суд во главе с В. А. Яськиным. Заседание начинается с обычной проверки явки подсудимого, свидетеля, затем устанавливается личность-подсудимого, объявляется состав суда и разъяснены права отвода. Мне также разъясняются мои права. Затем приступили к заявлениям и разрешению моих ходатайств. Не буду умалчивать — ходатайств было много. Поэтому на их разбирательство ушло несколько дней. Но из всех выделено главное — мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Это был настоящий взрыв бомбы.

Привожу текст этого небольшого, но весьма знаменательного ходатайства:

«Военная коллегия Верховного Суда РФ От Варенникова В. И.

ХОДАТАЙСТВО

17 марта 1991 года в итоге всесоюзного референдума наш народ выразил свою волю сохранить Союз Советских Социалистических Республик. И хотя все годы «перестройки»

подводили нашу страну к все более тяжелому политическому и социально-экономическому кризису, люди надеялись, что их воля будет реализована.

Однако, вопреки всенародному волеизъявлению, бывший Президент СССР Горбачев М. С. и еще несколько лиц приняли решение о подписании нового Союзного договора, который исключал из состава СССР ряд республик и фактически уже разваливал Союз. Подготовленный в Ново-Огареве проект договора на обсуждение Верховного Совета СССР не выносился и не утверждался, следовательно, он не имел юридической силы.

Считаю, что в этих и других действиях имеются признаки преступного деяния. А наступившие вслед за этим тяжелые последствия продолжают усугубляться и сейчас пагубно сказываются на жизни нашего народа.

На основании изложенного и существующего законодательства прошу Суд возбудить уголовное дело по факту развала Советского Союза и виновных лиц в этой трагедии привлечь к уголовной ответственности.

Необходимо, наконец, открыто и гласно разобрать все то, что произошло с нашей страной, назвать причины трагедии и виновных, дать факту ликвидации Великой Державы объективную правовую оценку.

Молчание дальше продолжаться не должно. Надо положить конец утаиванию правды от людей. И народ России, и народы Мира должны знать, почему развалили Советский Союз и кто это сделал.

Выяснение в судебном заседании истины и одновременное принятие парламентом страны законов, не позволяющих повторения нарушения воли, прав и свобод народа, пресечение разгула преступности и беспредела — залог стабилизации обстановки и целостности России, основа начала выхода страны из кризиса и возрождения нашего Отечества. В этом каждый нормальный человек видит сегодня спасение.

Убежден, что объективное судебное разбирательство этого самого важного и самого тяжелого вопроса для нашего народа высоко поднимет авторитет правосудия России.

В. И. Варенников.

21 июня 1994 г.».

Но еще больший резонанс имело рассмотрение моего ходатайства судом. Суд признал его правомерным и вынес на этот счет специальное Определение, в которое были включены и некоторые другие вопросы, в том числе вопрос о Р. Нишанове и о

ходатайстве потерпевших Л. Комаре и А. Усове. Вот этот документ:

«Определение

21 июня 1994 года г. Москва.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего — Яськина В. А.

народных заседателей — Подустова В. И., Юрасова Н. Н. в судебном заседании по уголовному делу в отношении Варенникова В. И. установила:

В подготовительной части судебного разбирательства заявлены ходатайства:

— подсудимым Варенниковым В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. Н. за нарушение установленного порядка дачи Президиумом Верховного Совета СССР согласия на лишение Варенникова В. И. депутатской неприкосновенности:

— защитником-адвокатом Штейнбергом Д. Д. о вызове в качестве свидетеля Нишанова Р. Н. и о назначении военно-технической экспертизы для решения вопроса, был ли причинен ущерб обороноспособности страны в результате действий, инкриминируемых Варенникову В. И.;

— потерпевшими Комарь А. А. и Усовым А. А. о возмещении им морального вреда, связанного с гибелью их сыновей.

Обсудив заявленные ходатайства, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Заявление Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел подлежит направлению на основании ст. 109 УПК РСФСР в Генеральную прокуратуру в связи с тем, что, согласно ст. 256 УПК РСФСР, суд вправе возбудить уголовное дело в отношении лиц, не привлеченных к уголовной ответственности, лишь тогда, когда установлены обстоятельства, указывающие на совершение этими лицами, преступления.

Эти обстоятельства судом не установлены и не являются предметом исследования, поскольку в соответствии со ст. 254 УПК РСФСР разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду.

Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы не подлежит удовлетворению на этой стадии судебного разбирательства, так как в деле имеется заключение

соответствующих экспертов, выводы которых еще не исследованы судом.

Ходатайство потерпевших о возмещении морального вреда не подлежит рассмотрению в суде, поскольку основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предусмотревшие возмещение морального вреда, вступили в законную силу с 1 января 1992 года. События же, с которыми потерпевшие связывают причинение морального вреда, произошли 20 августа 1991 года, то есть когда правовых оснований для его возмещения еще не имелось.

Ходатайство защитника о вызове Нишанова Р. Н. в качестве свидетеля подлежит удовлетворению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 29, 109, 261 и 276 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации определила:

1. Вызвать на судебное заседание свидетеля Нишанова Р.Н.

2. Заявление подсудимого Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. И. направить в Генеральную прокуратуру Российской Федерации по подследственности.

3. Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы оставить без удовлетворения.

4. В удовлетворении ходатайства потерпевших Комарь А.А. и Усова А. А. отказать.

Председательствующий по делу ***В. А. Яськин.***
Народные заседатели В. И. Подустов, ***Н. Н. Юрасов».***

* * *

Завершив все подготовительные действия, разобрав все заявления и ходатайства сторон, суд приступил к главному — к судебному следствию. Было оглашено обвинительное заключение. Председательствующий спросил меня, понятно ли предъявленное обвинение. Я ответил, что существо обвинения совершенно непонятно, все надумано и ложно. Я заявил, что не считал и не считаю себя виновным. Суд никак не отреагировал, однако протокольно мое заявление было зафиксировано.

Затем был обсужден вопрос о порядке проведения допросов. Я сказал, что меня устраивает любой вариант, который будет предложен судом.

Наконец, председательствующий предоставил мне слово для дачи показаний. В книге я привожу их текст в сокращенном

варианте, но сохранив суть каждого вопроса. Мое выступление заняло два дня. В речь на первом суде я внес изменения, но незначительные — глубже дал причинно-следственные связи событий августа 1991 года с тем, что происходило до этого (т. е. фактически дал обоснование августовским событиям), а также резче поставил вопросы, связанные с нарушениями закона, которые допускались органами государственной власти.

Но, прежде чем познакомить читателя с моей речью на процессе, замечу, что суд проходил на фоне весьма памятных, а иногда и странных событий. Так, в Белоруссии приняли конституцию, согласно которой в стране вводится пост президента. Глава Грузии Шеварднадзе обратился к президенту США Клинтону с просьбой содействовать направлению войск ООН в Грузию для стабилизации обстановки. Государственная Дума Федерального Собрания РФ принимает постановление «О политическом урегулировании отношений власти с органами власти Чеченской Республики». Совет Федерации Федерального Собрания крайне низко оценил доклад председателя правительства Черномырдина по вопросу выхода страны из кризиса, в том числе по разрешению кризиса платежеспособности в экономике РФ. Было отмечено, что у правительства в этой области нет никакой программы. Черномырдину даны соответствующие поручения (странно было слышать, что Черномырдин проявил полную беспомощность— как же он мог руководить правительством?).

Ельцин поручает правительству провести с Чечней необходимые консультации и в итоге подготовить проект договора с Чеченской Республикой. Но, к всеобщему удивлению, это поручено Шахраю, который уже к этому времени многое загубил, а Дудаев объявил его «врагом чеченского народа» (как и следовало ожидать, через месяц Шахрая вообще убирают с поста министра национальностей).

Президент Ельцин представляет Совету Федерации Федерального Собрания РФ кандидатуру Ильюшенко на пост Генерального прокурора России. Но всем известны его махинации и преступные действия. Поэтому, несмотря на многократные его представления, Совет Федерации проявил твердость и не утвердил Ильюшенко (через два года его посадили).

Наконец, необходимо отметить еще один факт. По мере продвижения ельцинских «реформ» все острее становилось недовольство широких масс властью и все ярче выражалась поляризация общества. Поэтому, чтобы отвлечь народ от острых социальных проблем, связанных с постоянными невыплатами заработной платы, пенсий, пособий, стипендий, а также

безработицей, огромным количеством беженцев и т. д., Ельцин призвал все партии и движения подписать Договор об общественном согласии. Фактически договор был фиговым листком и никакой стабильности в обществе не достиг. Обстановка в стране продолжала ухудшаться, и это тоже подтверждало правоту членов ГКЧП и их соратников, которые стремились не допустить развала и кризиса в стране.

Конечно, все это благотворно влияло на дух, который царил в зале заседания суда.

* * *

Итак, мои показания на суде:

«Уважаемый председательствующий!

Уважаемый суд!

Общественные и социальные явления нашей жизни могут быть — и я в этом уверен — осмыслены объективно лишь при условии диалектического подхода к их познанию. То есть к познанию явлений действительности в их взаимосвязи, развитии и движении.

Поэтому невозможно правильно понять события августа 1991 г. в отрыве от процессов, которые происходили в нашем государстве задолго до тех тяжелых дней. А это пыталась сделать Генеральная прокуратура РФ на предварительном следствии. В свое время я был одним из тех, кто подписал известный документ под названием «Слово к народу». Это обращение начиналось следующей фразой: «Случилось огромное, небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данные нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии».

Этим была выражена боль за судьбу Отечества и народа. И это обращение во многом предопределило мое участие в августовских событиях 1991 г.

«Слово к народу» по существу отражало мои идеалы и принципы, формировавшиеся на протяжении всей моей сознательной жизни.

Своим принципам и идеалам я остался верен и поныне. Изменять их не намерен, независимо, какой приговор суд мне вынесет.

И как бы ни изощрялись прислужники от закона в лице Степанкова, обвиняющие нас в боязни «разбора конкретных фактов», ничего у них не получилось и не получится. Историческая правота за нами! Что касается разбора фактов, то здесь, в суде, я буду давать те же показания, какие я давал и на стадии предварительного расследования. Я ничего в показаниях не менял на всех этапах и менять не собираюсь. Я готов их повторить многократно, если это будет действительно способствовать установлению истины по делу.

Моя жизненная позиция формировалась не в кабинетах власти, где пребывают наши политические оппоненты, а в боях и сражениях за честь и независимость нашей Родины в условиях,

когда преданность Отечеству, патриотизм, верность своему народу, своему долгу являлись главными критериями человеческой порядочности и ценности…

Мои показания будут состоять из двух частей.

Первая часть посвящена только одной проблеме — изложению в хронологической последовательности всех фактов, имевших место в августе 1991 года, их оценке, а также доказательству абсурдности предъявленных мне и ГКЧП в целом обвинений. Вторая часть — мои идеалы, оценки событий августа 1991 года и нарушения законности и прав человека.

Приступаю к изложению первой части. Сегодня уже ни для кого не является секретом, что августовские 1991 года события не могли возникнуть спонтанно. Страна за годы так называемой перестройки была доведена до всеобщего развала. Поэтому появление органа, противодействующего этому развалу, стало исторически и политически неизбежным. Именно этим следует объяснить образование Государственного комитета по чрезвычайному положению и его выступление за Конституцию, за сохранение Союза, за стабилизацию положения в стране, за наведение порядка в государстве, против обнищания народа и разграбления государства.

Появление и выступление ГКЧП — это объективная необходимость, и уже только поэтому оно — такое выступление — законно, как и Комитет, который явился органом этого выступления.

Известные политические фигуры стараются лиц, проходящих по делу ГКЧП, представить в глазах общественности злоумышленниками, которые якобы замышляли захватить власть, создать для всего народа ГУЛАГи. Они заявляют, что, мол, подсудимые боятся суда, боятся разоблачений.

Но мне, как и другим, нечего бояться! Наоборот, боятся те, кто ждет возмездия. Я же, привлеченный незаконно по делу ГКЧП, заинтересован, чтобы Суд установил истину и чтобы народ узнал всю правду, в том числе — кто виновен в развале нашей великой страны.

Свои показания я намерен построить следующим образом.

Вначале дать полные показания по факту происшедших событий в августе 1991 года (этому и будет посвящено мое выступление сегодня).

В последующем — дать показания по причинам и мотивам, побудившим меня к действиям в августе 1991 года, и, наконец, о своих принципах, мировоззрении и правовой и политической оценке августовских событий 1991 года, о противозаконных действиях против меня Генеральной прокуратуры СССР и РФ.

Показания по факту событий. Изложенные в обвинительном заключении доводы о моей виновности в совершении преступления, предусмотренного статей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, с моей точки зрения, являются несостоятельными, надуманными, никакими доказательствами не подтвержденными.

Отдельные части обвинения наполнены просто ложным содержанием, в чем легко убедиться.

Многие положения обвинительного заключения, как я уже говорил, мне непонятны или совершенно не имеют ко мне отношения.

Считаю необходимым особо подчеркнуть: в моих действиях нет никакого состава преступления, а потому виновным себя, конечно, я не признавал и не признаю.

Однако мое душевное и нравственное состояние угнетено, как у любого гражданина Советского Союза, кому дорого Отечество. Угнетено тем, что я не смог сделать все необходимое для сохранения единства нашей державы, не предотвратил катастрофу, не пресек гнусные действия предателей — архитекторов и прорабов перестройки.

Еще раз прошу, уважаемый Суд, обратить внимание на то, что принципы и суть показаний, которых я придерживался со дня моего ареста, постоянно выдерживались на всей стадии предварительного следствия. Я ни в чем не каялся в прошлом, не намерен делать это сейчас. Более того, я готов доказать беззаконие, допущенное должностными лицами по моему делу.

Показания по факту событий буду строить в хронологической последовательности с 16-го по 20-е августа 1991 года, а также с учетом места действий, согласуя все это с предъявленным обвинением.

Итак:

16 августа. Москва.

I. Том 4 л.д. 154 Обвинительного заключения. Записано: «16.8.91 года Язов к участию в заговоре привлек своего (подчеркиваю) заместителя Варенникова, посвятив его в планы: 1) срыва подписания Союзного договора и 2) введения чрезвычайного положения.

На него (т. е. Варенникова) как на Главкома СВ планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения» (конец цитаты).

Сразу хочу заявить, что это ложное, бездоказательное обвинение! Теперь по сути.

Во-первых, авторам Обвинительного заключения должно быть известно, что я — не заместитель Язова, а заместитель министра

обороны СССР. И это принципиально.

Во-вторых, мне совершенно непонятно, в какие планы Дмитрий Тимофеевич Язов мог посвятить, если ни плана срыва подписания Союзного договора, ни плана введения чрезвычайного положения (ЧП) не существовало.

В-третьих, мне непонятно: кто, где, когда планировал и мог ли планировать возложение на меня обязанностей по непосредственному обеспечению режима ЧП? И в деле это нигде не проходит.

Действительно, 16 августа 1991 г. у нас с министром обороны состоялся разговор, в ходе которого оценивалась социально-политическая обстановка в стране. Встречи с министром обороны были частыми, в том числе и по таким вопросам. Поэтому и эта встреча не была какой-то особенной. Что касается затронутых вопросов и почему он своими взглядами поделился именно со мной, то могу отметить:

— во-первых, все оценки ничего нового для меня совершенно не давали, я только лишний раз убедился, что и Язов также озабочен состоянием дел в стране, как, впрочем, все нормальные, честные люди, для которых интересы своего народа превыше всего;

— во-вторых, избрал он меня для изложения своих мыслей потому, что знал мое крайне отрицательное отношение к возникновению любых конфликтов, которые имели место у нас в стране и которые, к сожалению, не находили своего разрешения;

— в-третьих, зная мой объем работы, большую загруженность, министр обороны заблаговременно ориентировал меня о возможном появлении новых задач, чтобы я мог предусмотреть их в своих планах. Он предупредил меня: не исключено, что в некоторых районах страны в целях стабилизации обстановки может быть применен на практике Закон «О правовом режиме чрезвычайного положения». И в этом случае я должен быть готов отправиться в Киев и обеспечить вместе с республиканскими и областными органами спокойствие и порядок в оперативных границах Киевского, Прикарпатского и Одесского военных округов. Тем более что у меня там были и свои служебные дела (в это же время, т. е. в августе, продолжали рассматриваться вопросы по выводу наших войск с территории стран Восточной Европы, в т. ч. в эти военные округа).

Все это тоже для меня не было чем-то необыкновенным и неожиданным. Мы фактически уже жили в чрезвычайной обстановке, о чем официально говорил в своих документах Верховный Совет СССР в 1990 году: тяжелейшие события на Кавказе, в Приднестровье, Прибалтике и Средней Азии. Во

многих событиях приходилось мне принимать личное участие и с болью наблюдать, как разваливается государственность, народное хозяйство, страдают люди.

16.8.90 г. на нашей встрече Язов, акцентируя мое внимание на тяжелой обстановке в стране, говорил о том, что надо помогать народу!

О тяжелой обстановке и возможном введении чрезвычайного положения говорил и свидетель Горбачев в обвинительном заключении. Цитирую:»… все это открыто звучало (т. е. необходимость введения ЧП)… в декабре 1990 г. на Верховном Совете, когда давали мне особые полномочия. Одни говорили дать их, другие — зачем давать, когда он их не использует. Надо ввести президентское правление в Литве, Латвии. Это же открытым текстом шло» (конец цитаты).

Поэтому обстановка в стране для меня была предельно ясной. И то, что она требовала немедленных адекватных мер по пресечению губительных для государства и народа сепаратистских тенденций — мне тоже было ясно. И я сам открыто об этом говорил.

Таким образом, и до 16.8 у меня, как и у каждого советского человека, было очень тревожно на душе за судьбу Отечества. Думаю, что мои мысли — это отражение переживаний основной части нашего народа. Я хорошо знал наш народ и особенно настроение личного состава войск, офицерского корпуса, их семей, потому что был постоянно среди людей по долгу службы и депутатским обязанностям.

Мои мысли совпадали и с теми высказываниями, которые делались подавляющим большинством руководства страны, республик и областей.

Лишь Горбачев и еще два-три человека говорили, что в стране, так сказать, идет нормальный процесс демократического развития. До какой же степени цинизма и политической безответственности нужно дойти, чтобы резкое падение уровня жизни народа называть нормальным процессом! Кстати, мое личное восприятие складывающейся обстановки обусловлено было еще и тем, что ежемесячно получал аналитическую информацию о разрушительном спаде производства и небывалом падении уровня жизни.

К сожалению, эта информация подтверждалась, а прогнозы оправдывались. Учитывая тяжелую ситуацию в Вооруженных Силах и в военно-промышленном комплексе (имеются в виду уродливые формы конверсии), военные настояли, и 18.10.89 г. Горбачев провел Главный Военный совет. Ему доложили о критической ситуации. Он заявил, что все сказанное —

правильно! Будем поправлять и, чтобы действовать оперативно, будем встречаться не менее двух раз в год. А фактически? Никаких мер и ни одной встречи! Стало еще хуже, о чем я ему, Горбачеву, как и другие, высказал 18 августа 91 года в Крыму, т. е. через два года.

На встрече же 16 августа у министра обороны Д. Т. Язова ни одного слова не было сказано в отношении Союзного договора. И хотя в газетах уже был опубликован проект этого договора, и офицеры уже с возмущением у меня спрашивали, что это значит, почему проект договора не отражает результаты референдума, я Дмитрию Тимофеевичу на встрече не задал по этому поводу ни одного вопроса, а он совершенно не комментировал этот документ. Почему? Да потому, что мы уже привыкли, извините, к выходкам Горбачева.

В Обвинительном заключении (т. 1, л. д. 2) сделана потрясающая запись: «Результаты проведенного в марте 1991 г. референдума, восстановление государственности республик, реализация права на самоопределение потребовали разработки концепции нового договора — о союзе суверенных государств с существенным изменением соотношения функций центральной и республиканских властей». Ну, не фальсификация ли это референдума?

Ведь результаты референдума говорили о другом: сохранить Союз, а не разваливать его; 2) пользоваться существующим Союзным договором, а не создавать новый; 3) выполнять существующую Конституцию, и если жизнь требует, то вносить в нее изменения и параллельно готовить новую; 4) если какая-то республика хочет выйти из состава Союза, то делать это на основе принятого съездом народных депутатов закона, который предусматривает на этот процесс пять лет.

А в обвинительном заключении фактически делается попытка в угоду лицам власти изобразить политическую ситуацию в стране такой, какая их устраивает. Поэтому и объявили членов ГКЧП преступниками и незаконно посадили их под стражу.

Изложенные в Обвинительном заключении утверждения о том, что Язов 16.8. привлек к участию в заговоре Варенникова, посвятив его в планы срыва подписания Союзного договора — плод фантазии Генеральной прокуратуры, задавшейся целью не вскрыть истину, а обязательно обвинить, прибегая к любым методам. Ведь все это ничем не подтверждается. Ни в какие планы Язов меня не посвящал, никаких планов в природе не было. А следовательно, и не мог Язов втянуть меня в какой-то заговор. Это абсурд.

Что касается возможного введения чрезвычайного положения

в отдельных районах страны и некоторых отраслях народного хозяйства — да, об этом разговор шел! Но плана ввода ЧП не было, и поэтому министр обороны не мог меня в него вводить. Однако необходимо заметить, что существует Закон «О правовом режиме ЧП». Разумеется, обсуждение возможных действий, по закону, не может рассматриваться как преступление. Мало того, ведь это не было новостью. Много раз говорили и даже вводили чрезвычайное положение, когда не было и закона (например, в Баку). Никакого тут заговора! Разговор открытый, откровенный.

Отвожу также домыслы следствия о том, что на меня как на Главкома СВ якобы «планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения» (надо понимать, в стране в целом).

Совершенно это не планировалось. Откуда это все взялось? Совершенно непонятно!

Это опять очередная ложь, ничем даже слегка не подкрепленная.

Во-первых, в Законе «О правовом режиме по ЧП» первостепенное значение отводится правоохранительным органам, а не Вооруженным Силам; во-вторых, мне эту обязанность нигде, никогда и никто не поручал, никто не говорил, что это планируется, и даже не намекал, что я буду за это отвечать; в-третьих, нигде в деле не проходит, что планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима ЧП на Варенникова; в-четвертых, если бы это планировалось именно так, как думает (точнее, как хочет) следствие, то меня бы не послали в Киев и не оторвали бы от Москвы, где было введено чрезвычайное положение, не оторвали бы от моего основного органа управления — Главного штаба Сухопутных войск. Я же поехал в Киев, как и другие заместители МО и Главкома, — в Ленинград, Ригу, Тбилиси, Каунас, Ташкент.

В конце концов, во время этой встречи 16.8 в кабинете министра обороны было трое: Язов, Ачалов и Варенников. И о чем там говорилось, известно только этим лицам. На кого еще может ссылаться следствие и делать такие странные выводы — совершенно непонятно! Если же имеется в виду, что, мол, кто-то из этих троих уже с кем-то об этом говорил, то в деле это не отмечено.

Однако я хочу сказать, что если бы мне было поручено отвечать за режим чрезвычайного положения в стране, то я, несомненно, с этой бы задачей полностью справился и никакой деформации в стране не допустил. Возможно, это имели в виду авторы Обвинительного заключения?!

Итак, обвинения, выдвинутые против меня по деяниям 16.8,

— безосновательны, и я их отвергаю как недоказанные.

II. 17 августа — объект АБЦ. Москва. В Обвинительном заключении записано (том 4, л.д. 154): «Варенников совместно с другими участниками заговора (перечисляются), окончательно согласовав совместные действия по захвату власти, определили дату выступления 18 августа» (конец цитаты). И далее описывается, каким путем будет осуществлен захват власти. Обращаю внимание на слово «окончательно» — вроде до этого уже было многократное согласование, в том числе в принципе, а теперь вот, 17 августа, окончательно.

Констатируется, что Варенников, как и другие, знал, что до начала разговора у Горбачева будут отключены все виды связи, а при отказе выполнить требования — президент будет изолирован.

Заявляю, что 17 августа во время встречи на объекте КГБ АБЦ в моем присутствии рассматривались только две проблемы: первая — оценка обстановки в стране и вторая— что делать?

При этом:

1) никаких разговоров об изоляции президента, усилении его охраны, отключении у него связи и тем более лишении его власти и т. д. не было. Уверен, что все участники этой встречи подтвердят это;

2) никакого согласования совместных действий по захвату власти, т. е. разработки плана таких действий, не было. И вообще в природе нет такого плана, и само дело подтверждает, что его не было;

3) никто на встрече не говорил о какой-нибудь власти вообще и тем более о ее захвате, о перераспределении властных структур. Власть была в руках у каждого из нас;

4) никто не определял и дату выступления — 18 августа.

Эту дату (18 августа) никто и никогда не упоминал как «дату выступления». Перед нами — очередной вымысел следствия. Более того, сама терминология — «дата выступления» — мне лично чужда. А придумана она следствием, вероятно, для того, чтобы придать своим бездоказательным оценкам характер чрезвычайной опасности.

Прошу обратить внимание, что в материалах уголовного дела нельзя найти ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что на 18 августа 1991 года было запланировано так называемое «выступление».

Уже даже это как нельзя лучше характеризует уровень и «объективность» предварительного следствия. Налицо аргумент с обвинительным уклоном, и, по существу, на меня возлагают (т. е. на обвиняемого) задачу доказывать обратное.

Как известно, такие следственные приемы действующим

законодательством запрещены! Разве эти запреты не распространяются на Генеральную прокуратуру РФ?

В этих условиях я вправе надеяться, что по результатам судебного разбирательства к виновным в применении незаконных методов следствия будут приняты необходимые меры.

О том, что не было никакого заговора с целью захвата власти, говорят все участники этой встречи: Язов, Крючков, Павлов, Бакланов, Шенин, Болдин, Грушко, Ачалов, Варенников.

Если говорить об отключении связи и обсуждении этого вопроса 17 августа на АБЦ, то в Обвинительном заключении (том 1, л. д. 64) записано: «Затем, будучи уличенным конкретными доказательствами на последующих допросах, он, Крючков, дал следующие показания:

«Вопрос об отключении связи в резиденции в Форосе был решен 17 августа 91 г. на встрече на объекте АБЦ. Поручение на этот счет было дано Агееву и Беде» (конец цитаты).

Во-первых, мне лично непонятно, какими такими конкретными доказательствами был уличен Крючков? Где ссылки на эти доказательства? Во-вторых, что это за понятие — «конкретные доказательства»? Разве доказательства бывают и неконкретные? В-третьих, фактически ни Беда, ни Агеев, ни Плеханов на совещании на АБЦ 17.8 не были. А говорить о том, что было решено на совещании, а затем были отданы им, этим лицам, необходимые распоряжения, — тоже нельзя, т. к. Беда еще днем 17.8 уже сформировал группу из пяти человек (плюс требовалось время на вызов Беды из отпуска). Встреча же на АБЦ проходила вечером, т. е. после создания этой группы.

Коль не было никакого разговора об изоляции, об отключении связи, то, следовательно, и Варенников не мог знать заранее ни об изоляции, ни об отключении связи. Это все домыслы Генпрокуратуры. Вместо объективной оценки фактических обстоятельств следствие упрямо придерживается опубликованной в печати своей версии (хотя такие действия — публикации версий до суда — нарушение закона).

А что же было 17.8 на АБЦ? Сделаю небольшое отступление. В обвинительном заключении (том 1, л. д. 3) записано:

«Не добившись изменений государственной политики парламентским, законным путем, стремясь сорвать подписание нового Союзного договора, ввести в стране чрезвычайное положение, сохранить в неприкосновенности союзные структуры, группа лиц (перечисляются) встала на путь организации заговора с целью захвата власти» (конец цитаты).

Это очередной кульбит прокуратуры. Цель— прикрыть свои противозаконные действия в отношении арестованных.

Фактически же надо события понимать иначе, т. е. именно так, какими они были на самом деле, а именно: не добившись парламентским путем выполнения требований референдума, проведенного в стране в марте 1991 года о сохранении Союза, и отмечая реальную угрозу развала СССР, группа основных руководителей государства, близких к президенту, решила выступить в защиту Союза, не допустить его разрушения. Совершенно не ставился вопрос о захвате власти. Власти у всех было достаточно, так же, как и реальной силы.

На АБЦ 17.8 беседу, на мой взгляд, можно условно систематизировать по пяти вопросам: 1) социально-политическая обстановка в стране — информацию делал Крючков В. А.; 2) состояние экономики, финансов и уборка урожая — информировал Павлов В. С.; 3) проект Союзного договора — сообщение Крючкова и Павлова; 4) состояние подготовленных документов — офицеры КГБ; 5) создание группы для поездки в Крым.

То есть первые четыре вопроса носили информационный характер, а пятый — организационно-технический.

По ходу информации Присутствующие на встрече реагировали репликами. Выслушивая сообщение о тяжелой обстановке в стране, кое-кто вносил предложения о необходимости немедленно звонить президенту. Но окончательно решили, что надо не звонить, а ехать группе и все ему докладывать. Одновременно договорились, что надо Горбачева просить о принятии адекватных мер, т. е. о введении в некоторых районах и отраслях народного хозяйства страны чрезвычайного положения. Если же он пожелает остаться в тени и не захочет быть участником этих непопулярных, но необходимых мер, то мог бы поручить это другому, например, вице-президенту или еще кому-либо (в марте 1991 года, когда было ЧП в Москве, он поручал это Павлову).

О чем говорилось в информационных сообщениях Крючкова и Павлова? Крючков отметил резкое ухудшение социальной и политической ситуации. Управление страной утрачено — идет «война законов»; хаос в экономике, центробежные силы разрушили все связи; жизненный уровень народа падает, а наши меры в отношении экономики в основном ограничиваются обращениями за помощью к Западу; преступность не просто растет, но и политизируется; расширяются межнациональные конфликты, тысячи убитых и миллионы беженцев; начатая по инициативе Горбачева перестройка зашла в тупик.

Павлов в своем выступлении опирался на примеры, которые были подняты на только что проведенном заседании президиума

Кабинета министров. Подчеркнул, что инфляция приобрела очень тяжелые формы. Говорил о больших трудностях с уборкой урожая, просил военных помочь.

Крючков и Павлов говорили о проекте Союзного договора. Но и без их информации было видно, что с его подписанием узаконивается выпадение из нашего Союза ряда республик (в том числе Прибалтики, на чем настаивали постоянно США). Павлов заметил, что если нет другого выхода и договор надо подписывать, хотя он совершенно не отражает результатов общесоюзного референдума, то хотя бы вместе с договором подписали бы приложения и дополнения, которые делает Кабинет министров.

Говорилось о том, что Лукьянов А. И. критически отнесся к проекту договора.

Таким образом, это был деловой разговор ответственных людей, близких к президенту, озабоченных тяжелейшей обстановкой и желавших найти выход из этого положения. Все время звучала мысль: наша святая обязанность помочь народу и максимально подключить к этому президента. И близко не было разговора о каком-то захвате власти. Наоборот, речь шла о закреплении существующей власти, законности и Конституции. Но Обвинительное заключение чуть ли не на каждой странице говорит о захвате власти, постоянно навязывает эту мысль!

Для меня поднятые на встрече вопросы никаких открытий не делали. Это была квалифицированная оценка всех главных социально-политических проблем основными государственными деятелями.

Я был удовлетворен тем, что все это будет докладываться Горбачеву. Хотя и знал, что подобное не раз ему уже докладывалось, но толку не было. Однако теплились какие-то надежды — возможно, он прозреет! Сейчас, когда он сбросил с себя маску, это звучит наивно, а тогда это было вполне нормальное, точнее — добросовестное заблуждение по причине незнания, кто есть на самом деле Горбачев.

В то же время Обвинительное заключение — том 1, л.д. 92,93,112 — дает перечень ложных утверждений следствия.

Первое. Что якобы группа, направляемая в Крым, должна была предъявить ультиматум Горбачеву — либо введение ЧП, либо уход в отставку. Хотя этот вопрос никем на встрече не поднимался, и в деле этого нет.

Второе. Были оговорены якобы вопросы по изоляции, но 17.8 на встрече на эту тему никто ничего не говорил.

Третье. Якобы обсуждался состав ГКЧП, но фактически этот термин даже никем не упоминался.

Четвертое. Что якобы были оглашены документы ГКЧП. И этого не было — Егоров зачитал небольшой фрагмент из обращения к народу и все.

Пятое. Якобы Язов внес предложение обсудить взаимодействие МО, МВД и КГБ. Фактически он ничего об этом не говорил.

Шестое. Якобы обсуждался вопрос — заручиться поддержкой республик. Вопрос этот никем не поднимался, и в деле этого нет.

Седьмое. Наконец, якобы была определена дата выступления — 18.8.91 г. Но, как уже говорилось выше, эта дата вообще нигде не упоминалась.

Все это ложь! Как это ни прискорбно, но это возрождение тяжелых традиций 37-го года.

Что же касается раздела Обвинительного заключения «Анализ ситуации и подготовка документов в обоснование захвата власти» (том 1, л. д. 49), то, видимо, авторы этих документов ГКЧП не совершили нарушения Закона, поэтому никто из них не привлекается к ответственности хотя бы за недонесение! Видно, все документы ГКЧП написаны правильно и отступлений от Закона не имеют. И поручения, следовательно, были законны.

Итак, 17.8 не было и не могло быть в моих действиях каких-либо преступных деяний. Мне было предложено лететь в Крым — я согласился, хотя внутренне не мог понять, почему по таким вопросам не летят первые лица.

III. 18 августа. Крым. Цитирую Обвинительное заключение (т. 4, л. д. 154): «Захват власти должен был быть осуществлен путем: предварительно изолировав президента Горбачева в Форосе и отключив все виды связи, потребовать от него ввести в стране ЧП или подать в отставку. В случае его отказа подчиниться… объявить Горбачева больным и возложить его обязанности на вице-президента Янаева».

Далее: «Вылететь в Крым и предъявить ультиматум Горбачеву было поручено Бакланову, Шенину, Болдину и Варенникову. Язов поручил Варенникову после переговоров с Горбачевым вылететь в Киев и обеспечить через руководство Украины введение там ЧП… «Прибыв на объект «Заря», Варенников удостоверился, что узел связи МО СССР отключен. Затем, пройдя с помощью Плеханова к президенту, выступая от лица участников заговора, объединившихся в ГКЧП, они предложили ввести в стране ЧП. Когда Горбачев отказался сделать это, то непосредственно Варенников потребовал от него уйти в отставку. Не добившись от него выполнения предъявленных требований, Варенников и другие (перечисляются) покинули объект… Вечером того же дня перед отлетом в Киев Варенников в соответствии с указанием

Язова на военном аэродроме Бельбек провел встречу с лицами (перечисляются…), которых ориентировал на действия в условиях ЧП.

Кроме того, в Обвинительном заключении (том 1, л.д. 8) еще есть запись: «В беседе он (Варенников), скрывая наличие заговора, сообщил командующим, что Горбачев серьезно болен, поэтому обязанности президента страны будет исполнять Янаев и что последует введение ЧП (конец цитаты).

Начну с последнего. Непонятен вывод о том, что Варенников в беседе с командующими скрыл от них существование заговора. Это не в правилах Варенникова — скрывать. Но главное в том, что скрывать-то было нечего — никакого заговора не было! А если бы он был, то зачем скрывать? Наоборот, логичнее больше втягивать в этот заговор, тем более иметь поддержку командующих.

Горбачев же был действительно серьезно болен, о чем он сам нам говорил. Внешне он производил удручающее впечатление и в физическом, и в морально-психологическом плане. Мне не были в то время известны подробности, вопрос деликатный. Но он болел, и я об этом сказал! Если бы я сказал, что Горбачев здоров — вот это была бы ложь! Поэтому мне непонятно, почему моя объективная оценка рассматривается как противоправное деяние?

Что касается возможной передачи временного руководства страной вице-президенту, так это было мое личное предположение, и не больше. Но мне непонятно, почему следствие выбросило из моих показаний такие слова, которые имеются в деле и меняют существо мысли? А именно: «возможно», «временно» и т. п.

Например, «…возможно, временно обязанности президента будет исполнять вице-президент (но мог и премьер-министр или Председатель Верховного Совета СССР)».

Или: «…возможно, будет рассмотрен вопрос о временном введении ЧП в отдельных районах страны».

Кроме того, в Обвинительном заключении (том 1, л.д. 180) ложно записано: «Встретившись с президентом (перечисляются), заявили, что они и ряд других высших должностных лиц СССР не согласны с проводимой им политикой и, в частности, с концепцией Союзного договора». Однако заявлений ему таких не делалась. Но в этом нет никакого открытия. Можно только подтвердить этот тезис следствия. И в этом ничего нет преступного.

В связи с этим якобы (цитирую) «…они намерены не допустить назначенное на 20.8.91 г. его подписание… Потребовали ввести в стране чрезвычайное положение. Не сумев убедить Горбачева… предложили ему подать в отставку». Да,

чрезвычайное положение предполагалось ввести. Но это совершенно не ставилось в зависимость с отставкой президента. В этом и необходимости не было. Налицо опять факт очередной фантазии авторов обвинения.

В то же время возникает вопрос: если все рассчитывали на то, что Горбачев поймет сложность обстановки и поддержит введение ЧП в некоторых районах и отраслях народного хозяйства или поручит это введение кому-то из соратников, то зачем же тогда отключили связь? На мой взгляд, это было сделано для того, чтобы создать благоприятные условия для разговора. Мне кажется, это было и в его, Горбачева, интересах, и в интересах этой делегации. Постоянные звонки, которые бы отвлекали Горбачева от очень важной беседы, нанесли бы только ущерб. Хотя такой шаг и был некорректен в отношении Горбачева. Но вопрос стоял о судьбе страны, а не о судьбе власти.

Заявляю, что если руководствоваться фактическими обстоятельствами, то мои действия не содержат признаков противоправных деяний. А обвинение следствия в этой части я рассматриваю как безуспешную попытку оговорить меня в угоду авантюристов-политиков.

Ложное же утверждение о том, что я настаивал на отставке, потребовалось самому Горбачеву для создания ореола мученика. Не исключено, что мысль о том, что во время беседы ему это вот-вот предложат, возможно, угнетала его. Ведь он проводил антинародную политику. Естественно, что кто-то должен положить конец этому. Плюс надо учесть, что Горбачев по своей натуре человек очень трусливый.

Варенников вел себя активно в беседе с президентом, как он — Горбачев — сам об этом говорил: «Варенников что-то кричал…»

Во-первых, я действительно проявил активность, особенно когда Горбачев сказал, что после подписания Союзного договора он подпишет ряд указов президента по экономическим вопросам. Понимая, к чему ведет подписание договора и зная цену этим указам, а также — какая на них будет реакция, я считал своим долгом высказаться.

Во-вторых, Горбачев отмечал активность Варенникова (я действительно говорил с напором), но он умалчивает умышленно, в чем же она, активность, заключалась, что именно Варенников конкретно говорил?

Фактически же Горбачеву я сказал, что последнее время мне по долгу службы приходится очень много разъезжать по стране. У меня было много встреч, особенно с офицерским составом. Везде и всегда я стараюсь представить нашего президента в лучшем

свете. Особо показывал его заслуги в развитии демократии у нас в стране и его вклад в дело сближения Запада и Востока. Но всегда и везде мне задают такие вопросы, на которые фактически невозможно ответить.

Вот о чем спрашивают офицеры (говорил я Горбачеву):

1. Почему проект Союзного договора не отражает результатов всенародного референдума и требований съезда народных депутатов СССР по сохранению Союза?

2. Почему сепаратистским, националистическим и экстремистским силам всех мастей дозволено действовать так, как они считают нужным, и никто им не ставит никаких преград?

3. Почему продолжается обнищание народа?

4. Почему военнослужащие, и в первую очередь офицеры и их семьи, ущемлены во всем, особенно в связи с выводом наших войск из Восточной Европы и Монголии, а также в связи с конфликтными ситуациями на Кавказе, в Прибалтике и других горячих точках?

5. Почему непомерно растет преступность, а эффективных мер по ее пресечению не предпринимается?

6. Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент в свое время присягал на ней перед народом, клялся, что она будет безусловно выполняться?

7. Почему у нас в стране никакие Указы Президента СССР никем не выполняются?

Перечислив в резкой форме эти и другие вопросы, я одновременно обратил внимание Горбачева на то, что офицеры меня спрашивают: «Вы, товарищ генерал, можете назвать у нас в стране хоть одно направление, где уже наметилось улучшение или хотя бы стабилизация обстановки?» И я не могу ничего конкретного ответить. Приходится лавировать.

Все это вызвало у Горбачева раздражение. Он сказал, что это нам, военным, кажется, что можно все так просто сделать — «ать-два»! Я ему говорю, что не только искренне докладываю настроение офицеров, но и крайне обеспокоен этим настроением. Надо принимать меры. Однако он ответил, что все это он уже слышал и обстановку знает хорошо. Добавил еще несколько фраз и дал понять, что встреча закончена.

Мы попрощались. Он подал всем руку, сказав: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение». Спрашивается, какое? То есть опять: ни да, ни нет. Одновременно добавил, обращаясь ко всем: «Очевидно, после такого разговора мы не сможем вообще работать вместе», на что я тут же ответил: «В таком случае я подаю рапорт об уходе в отставку».

Странно, но Горбачев никак на это не отреагировал. Хотя мог

бы на месте как Верховный Главнокомандующий принять мою отставку. Мало того, он мог всех задержать — ведь позже он сказал, что все мы преступники. Однако ничего этого сделано не было.

В Обвинительном заключении (том 1. л.д. 40) говорится (цитируется Горбачев): «20 августа… реально договор будет подписан и подписан шестью республиками — это событие огромнейшее». И дальше говорит: «Война властей, законов, распад правового и экономического пространства — это угроза просто колоссальная».

Ну как тут не согласиться с Горбачевым? Из пятнадцати республик договор подпишут только шесть — конечно, это событие колоссальное, плюс война законов — это, конечно, уже развал, а не угроза. Это трагедия, и он сам это признает и открыто говорит.

Но еще более странным является то, что он лично ничего не предпринял во время нашего визита. Он мог вместе с группой вылететь в Москву, ведь такая обстановка! Тем более что к нему приехали, предлагали полететь вместе в столицу, разобраться, принять меры.

Что же он делает? Самоизолируется! В этот трагический, казалось бы, вечер после «платного» ужина (заказал водку, вино) он идет смотреть эротический фильм (естественно, в «суровых условиях изоляции»). Уже только это характеризует уровень морали Горбачева.

В Обвинительном заключении (том 1, л.д. 7) нас упрекают в том, что Плеханов обеспечил Варенникову и другим беспрепятственный доступ в резиденцию Президента СССР. Уместно информировать уважаемый Суд, что я тремя месяцами раньше, т. е в мае 1991 г., беспрепятственно, непротокольно встретился с канцлером Колем в Бонне. Без охраны, по моему настоянию. Коль радушно отнесся к этой встрече, ведь я — советский генерал! Он живо поинтересовался, как проходит визит, дал некоторые советы, поручил Главкому Сухопутных войск бундесвера генералу Ондарца, который при этом присутствовал, решить все проблемы. Коль даже проинформировал меня, что летит в Баварию «развязывать» политический узел с партией ХДС.

Была толковая беседа с лидером чужой страны. Но почему я, Главком Сухопутных войск Вооруженных Сил Советского Союза, народный депутат СССР, не могу свободно встретиться непротокольно с лидером нашей страны, с нашим Верховным Главнокомандующим? И, наконец, встреча ведь не на рядовую тему, а на чрезвычайную! Просто странно и дико! У нас это даже

возводится в ранг преступления: «Плеханов обеспечил доступ».

Что касается моей встречи в Крыму с командующими на аэродроме Бельбек, то она была проведена по поручению министра обороны с целью ориентировать их о возможном введении в действие Закона «О правовом режиме ЧП» и в связи с этим — о возможном повышении степени боевой готовности. Ничего предосудительного в этом нет и тем более нет ни малейших признаков каких-либо противоправных деяний. Наоборот, эти действия обеспечили порядок и организованность в границах трех военных округов на территории всей Украины.

Несколько слов об узле связи министерства обороны на объекте «Заря» (на черноморской даче Горбачева).

Даже сейчас мне неизвестно, существовал ли на объекте «Заря» узел связи МО. Но в то время, когда мы длительно (около 40 минут) находились в гостевом доме дачи президента, ко мне действительно кто-то привел офицера в общевойсковой форме (то ли майора, то ли подполковника), который сказал, что он связист, и спросил, как ему быть. Я подумал, что у президента, кроме правительственной связи «ВЧ», есть еще и военная «ЗАС». Это практиковалось. Сказал офицеру, что здесь есть лица, которые этими вопросами занимаются (очевидно, у него возник вопрос в связи с отключением связи) и он должен действовать по их указанию. Но для порядка предупредил, чтобы у них было все нормально, чтобы не допустили происшествий. Такие предупреждения я делаю всегда.

Уже позже, знакомясь с делом, я понял, что, очевидно, разговаривал тогда с одним из офицеров, обеспечивающих корреспондентскую связь через переносные средства (специальные чемоданы), имеющие отношение к стратегическому ядерному оружию.

Но если говорить вообще о системе управления стратегическими ядерными силами, то я в роли Главнокомандующего Сухопутными войсками к этому вопросу по службе не имею отношения, ни от кого никаких указаний на этот счет не получал и сам не имел намерений что-то изменить в этой структуре. Да и необходимости такой не было.

Таким образом, ни на одно из перечисленных в Обвинительном заключении по 18 августа обвинений нет ни одного обоснованного доказательства. Все это вымысел Генеральной прокуратуры.

Иногда раздаются голоса, что, мол, зачем было лететь в Крым? Ведь Горбачев собирался 20.8 прибыть в Москву — вот тогда можно было бы с ним и поговорить. Дело в том, что он последнее время всячески избегал личных разговоров на сложные

темы. Он старался, чтобы разговоры были публичные, надеясь на то, что никто в присутствии посторонних на обострение не пойдет.

По каждому из положений, особенно по вопросам «принуждения президента к отставке», «изоляции президента» и другим, есть показания в материалах предварительного следствия, которые полностью опровергают обвинение и еще раз доказывают, что это фантазия. При необходимости я могу привести содержание всех показаний. Что касается связи, то она в его кабинете дачи была отключена. И только. Но были другие объекты. Все виды связи работали в административном доме дачи (это в одной-двух минутах ходьбы от главного дома), автомобили оборудованы закрытой космической связью.

Одновременно обязан высказать свое мнение по поводу следующего утверждения Обвинительного заключения (том 1, л. д. 201) — цитирую: «Заведомая ложь о болезни Горбачева была необходима для придания видимости конституционности передачи президентской власти вице-президенту Янаеву, и это понимали участники заговора».

Лично я считаю, что не надо смотреть на это явление поверхностно. Здесь все значительно глубже.

На мой взгляд, члены ГКЧП, во-первых, считали, что у Горбачева благоразумие все-таки возьмет верх и он воспользуется такой версией, таким именно вариантом выхода из сложившейся обстановки (вариант сохранения своего имиджа), т. е. скажет: «Да, я болен» — и будет наблюдать из Крыма за действиями ГКЧП. Если эти действия начали бы приносить положительные результаты, то он бы мог сказать: «Это я им поручил» и т. д. Если же у ГКЧП ничего не получилось, то можно было бы их отстранить от занимаемых должностей и сказать: «Я им говорил…» Но Горбачев этой возможностью не воспользовался.

Во-вторых, считали, что в этой ситуации не столь важно, по каким мотивам временно будут переданы функции президента вице-президенту, важнее — не допустить подписания Договора, а с ним и разрушения Союза. Одновременно с введением ЧП там, где это нужно, — стабилизировать обстановку. Надо было спасать страну! Это была крайняя необходимость.

IV. 19, 19, 20 августа, Киев. Обвиняюсь в том, что в период нахождения в Киеве потребовал от руководства Украины:

1) поддержки действий ГКЧП и 2) введения чрезвычайного положения в ряде областей Западной Украины.

Кроме того, дал пять шифротелеграмм в адрес ГКЧП и отдал распоряжение командующему ЧФ об усилении охраны и подготовке к «обороне аэродрома Бельбек». Особо акцентирую

внимание Суда на том, что якобы я из Киева давал указания командующему Черноморским флотом на различного рода действия.

Учитывая, что я на Украине пребывал в качестве должностного лица, определенного штатным расписанием, что официально отмечено в постановлении следствия от 11.10.91 г. (см. том 104, л.д. 121), где сказано: «Бывший Главком Сухопутных войск СССР Варенников, находясь в Киеве в качестве представителя Министерства обороны СССР…» и т. д., а также имея в виду, что власть Главкома Сухопутных войск, даже если он народный депутат СССР, распространяется только на Сухопутные войска ВС, то можно было бы больше никаких доводов не приводить. Уже из этого видно: не мог я, придерживаясь своих рамок (а я их придерживался), совершить преступных деяний ни по отношению к республиканскому руководству Украины, ни по отношению к командованию Черноморского флота! Никакие мои требования и распоряжения по отношению к этим субъектам не имели юридической силы.

Но невозможно обойти вниманием устремления прокуратуры оболгать обвиняемого. В связи с этим заявляю, что показания Язова, Кравчука, Гуренко, Чечеватова и других свидетей говорят о том, что Варенников выступал от своего имени. Никто из них также не подтверждает, что Варенников предъявлял требования поддержать ГКЧП или ввести чрезвычайное положение.

Да, Варенников говорил, что Западная Украина и особенно Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области находятся под давлением националистического сепаратистского РУХа и что в этих районах уже нет Советской власти. Поэтому во избежание беспорядков можно было бы рассмотреть введение ЧП в этих районах. При этом сказано, это было после вопроса — а как я думаю. Я сказал, как думаю. Во время разговора на эту тему позвонил Кравчуку Крючков, они договорились вообще на Украине ЧП не вводить. И вопрос отпал. Дальше шел разговор только по вопросам обеспечения на территории республики спокойствия и порядка. Я внес ряд предложений — все они были приняты, в том числе Кравчуком, и выполнены (в частности, выступления руководства республики по телевидению, создание единой оперативной группы для сбора данных в границах Украины и т. д.).

Говоря о предъявлении так называемых требований к руководству республики, уместно привести выдержку из одной телеграммы, которую я давал из Киева в Москву. Том 104, л. д. 127. В телеграмме я указываю, что Кравчук просит: прислать документы ГКЧП, определить, где ввести чрезвычайное

положение. А далее записано (цитирую): «Желательно предварительно посоветоваться с Кравчуком и другими руководителями Украины по этим вопросам. (Такие пожелания они высказали.)». Конец цитаты. Это еще раз доказывает, что не было никакого давления в отношении руководства Украины. Наоборот, все согласовывалось.

А в подтверждение того, что на западе Украины (а сейчас уже и не только на западе республики) ликвидирована Советская власть, говорит хотя бы статья в «Комсомольской правде» от 26 января 1993 года «Переписывая заново».

Цитирую: «Дошло до того, что из их обихода (т.е. украинцев) преднамеренно исключается само понятие Великая Отечественная война. Встал вопрос о том, чтобы уравнять в правах ветеранов войны и бандеровцев. Они, мол, тоже воевали… Политическая реабилитация Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) на Украине уже завершилась. Стоит только включить телевизор — обязательно услышишь откровения бывшего бандеровца о его борьбе с партизанами. Газеты пестрят воспоминаниями об их доблестных победах над москалями». Конец цитаты.

Хочу добавить, что в 1993 году на Украине было широко отмечено 50-летие так называемой Украинской повстанческой армии, в составе которой была дивизия СС «Галичина». Очевидно, комментарии здесь излишни.

Но то, что я в оценке обстановки на западе Украины в августе 1991 года не ошибся, это факт.

Не было с моей стороны и распоряжений Черноморскому флоту об усилении охраны и подготовке к обороне аэродрома Бельбек, как это утверждает Обвинительное заключение. Не было таких распоряжений и 18.8, когда я находился непосредственно на этом аэродроме, о чем говорит Хронопуло (том 50, л.д. 5) — цитирую: «Мне никакой конкретной задачи Варенников не ставил».

Не было таких распоряжений и из Киева 18, 19 и 20 августа. Вообще у меня из Киева ни с кем по поводу Черноморского флота или аэродрома Бельбек ни по телефону, ни лично разговора не было. И в деле нигде это не проходит. Но обвинительное заключение ложно дает понять, что я именно из Киева давал распоряжения ЧФ. Цель— показать так называемую отведенную мне роль в этом мнимом заговоре и что якобы было заранее все спланировано.

Не было никаких распоряжений и из Москвы 20 августа. В 21.00 я звонил Хронопуло и сказал, что 19.8, когда был на аэродроме, то не видел вообще никакой охраны. Это очень

странно. Придет любая группа и свободно захватит этот объект (хорошим примером были действия крымских татар, захватывавших в то время много пахотных земель). Я предостерегал Хронопуло от неприятностей. А 19 августа он (командующий флотом) сам был обязан это сделать в условиях повышенной боевой готовности.

О том, что охрана аэродрома была плохая, свидетельствуют хотя бы такие показания. Командир разведывательного батальона подполковник Грошев говорил (том 49, л.д. 100) — цитирую: «… прибыли на аэродром Бельбек в 14.30. Вышел сторож, пожилой гражданский человек, молча открыл ворота, колонна въехала». Ну, разве это служба? Да еще в условиях повышенной боевой готовности.

А вот что говорил Хронопуло о нашем с ним разговоре 20 августа (том 50, л.д. 7). «Вечером 20 августа после 21.00 мне позвонил на службу Варенников и сказал, чтобы с утра 21.8 усилить охрану аэродрома Бельбек морскими пехотинцами для предотвращения возможного нападения «группы захвата», но что за группа, он мне не сообщил… С утра 21.8 мне позвонил начальник Генерального штаба и сказал, что к нам вылетает министр обороны Язов» (конец цитаты).

Прошу обратить внимание Суда: 1) никаких требований Варенников не предъявлял и предъявить не мог; 2) ни о какой обороне речи не было (как сказано в обвинении), а речь шла только об охране; 3) ни о каких конкретных силах для этой охраны тоже не говорилось; 4) тем более не было разговора об уничтожении самолетов в случае их несанкционированной посадки, о чем записано в Обвинительном заключении (том 4, л.д. 157).

А события развивались совершенно иначе:

1. Начальник штаба флота Гуринов показал (том 50, л.д. 11) — цитирую: «Во второй половине дня 19.8 (обращаю внимание — 19.8) комфлота Хронопуло предложил для охраны аэродрома Бельбек роту морских пехотинцев. Перед этим мне звонили: из штаба корпуса ПВО из Киева и просили оказать помощь в охране аэродрома Бельбек (поясню — объявлена с утра 19.8 повышенная боевая готовность, отсюда и просьба; она законна — это предусмотрено планами).

Далее Гуринов продолжает: «Я об этом сообщил Хронопуло. Вопрос рассматривался 20.8. Я отдал команду начальнику береговых войск Романенко — выделить роту для охраны аэродрома. Рота убыла вечером».

Таким образом, еще до нашего разговора с командующим Черноморским флотом уже все было решено и 19, и 20 августа.

2. Командир бригады морской пехоты Кочетков (том 50, л.д. 119) говорит: «Командующий флотом удивился об использовании на аэродроме разведывательного батальона, считая, что роты Онуприенко было достаточно» (т. е. той роты, которая прибыла на аэродром еще днем 20.8.).

3. Постановление Лисова — заместителя Генерального прокурора от 23.12.91 г. (том 51, л. д. 248 и 250), цитирую:

«21.8 с места постоянной дислокации на аэродром Бельбек убыли две сводные роты морской пехоты. После их прибытия на аэродром выяснилось, что зам. командира бригады по вооружению направил эти роты на аэродром ошибочно» (конец цитаты). То есть ни о каком разведбате и противотанковом дивизионе с полным вооружением и речи нигде не было…

Далее цитирую. «Постановил: уголовное дело в отношении Хронопуло, Романенко, Кочеткова и Нецветаева прекратить. Лисов». Конец постановления.

Ну, а в отношении Варенникова в части этого вопроса? А в отношении его дело продолжать, т. к. он якобы «отдал указание об усилении охраны и обороны аэродрома Бельбек (как записано в этом же постановлении) с целью предотвращения возможной посадки самолета с группой захвата». Хотя об этом никто и нигде не говорит. Но если бы об этом и говорилось, то ничего преступного в этом нет. Военные должны уметь оборонять свои объекты, как и страну в целом!

Какие, на мой взгляд, можно сделать разъяснения Генеральной прокуратуре и какие выводы напрашиваются по этому разделу?

Во-первых, никакой флот, в том числе Черноморский, Главкому Сухопутных войск не подчинен. И какие бы распоряжения и указания этот Главком флоту ни отдавал, они не имеют никакой юридической силы. Кроме того, в Уставе внутренней службы, в статье 12 четко и ясно записано, что генерал армии, как и другие генералы и адмиралы, «а также полковники и капитаны 1-го ранга являются начальниками для всех младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов, состоящих на действительной военной службе», и только! В данном случае были даны лишь рекомендации с благими побуждениями, и именно адмиралу, который ни по каким каналам мне не подчинен.

Во-вторых, Черноморский флот (как и все флоты и военные округа), еще до моего с Хронопуло разговора, обязан был по повышенной боевой готовности, объявленной в Вооруженных Силах с утра 19.8, без указаний усилить охрану всех важных военных обектов, находящихся в оперативных границах, в том

числе и аэродромов.

В-третьих, в штаб флота еще с утра 19.8 обращались, как уже говорилось, штабы корпуса ПВО и 8-й армии ПВО из Киева с просьбой усилить охрану аэродрома Бельбек. И эта задача, по показаниям начальника штаба флота, была решена, т. е. далеко до моего разговора с Хронопуло.

В-четвертых, ни о каких самолетах у меня с Хронопуло вообще не было разговора, и в показаниях этого нет.

В-пятых, никакого отношения к содержанию распоряжений внутри флота, в том числе по определению сил и средств для охраны аэродрома, задач этим подразделениям я не имел. Это их служебная обязанность.

Но самое главное: налицо очередное позорное действие Генеральной прокуратуры РФ — это гнусная ложь! Как можно опуститься АО такой фальсификации, раболепствуя перед своими начальниками? Ведь служители Фемиды! Слуги Закона! Борцы за истину! Фактически же — все наоборот! Я же ведь из Киева вообще с Черноморским флотом не говорил. И это известно. А как все преподнесли?!

Наконец, о моих шифротелеграммах из Киева в Москву. Да, я действительно, находясь в Киеве и наблюдая за вакханалией в районе Красной Пресни, направил телеграммы в адрес ГКЧП с настоятельной просьбой пресечь беспорядки, которые таили в себе тяжелые последствия, принять меры к авантюристам, разжигающим страсти. Подчеркиваю — к авантюристам!

Меня на допросах следователь Леканов упрекал, что я, как он выразился, активно-инициативный (том 102, л.д. 86). Я тогда ему ответил и сегодня это подтверждаю — да! Когда речь идет об интересах народа, я веду себя активно. Мне реально довелось встречаться с тяжелейшими ситуациями, каких не видел в таком объеме, пожалуй, никто. Когда речь идет о жизни и смерти людей, когда на глазах убивают, а я это видел не только в годы Великой Отечественной войны, войны в Афганистане, Анголе, Эфиопии и других районах, но и у нас в Баку, Нагорном Карабахе, Южной Осетии — для меня эти переживания были не только свежими, но и крайне тяжелыми. Я мог и должен был писать в шифровках еще более жестко, чем написано. И сожалею, что этого не сделал.

Учитывая, что вопрос с шифротелеграммами имеет прямое отношение к моему делу, я прошу суд взглянуть на меня хотя бы глазами январских 1990 года событий в Баку и трансформировать все это на августовские события 1991 года.

В связи с этим я обязан кратко описать Баку. Это имеет прямое отношение к содержанию моих шифровок из Киева.

В январе 1990 г. были приняты запоздалые, как всегда, меры к пресечению экстремизма и реакции в Баку. Сотни советских людей были зверски убиты, в основном зарезаны, тысячи или сами бежали, или их на баржах отправили в Красноводск. Это была первая волна. Вторая волна должна была смести, уничтожить всех, кто представлял Советскую власть, и установить власть так называемого Народного фронта, верхушка которого к этому времени уже не представляла интересы народа, а была захвачена уголовными элементами (типа Панахова).

В Баку объявили ЧП. Подтянули силы МВД, МГБ и армейские части. Экстремисты, играя на националистических нотах, взвинтили обстановку, оболванили людей и, как в Тбилиси, вывели их на улицы. Забастовали все предприятия, естественно, под страхом расправы. Были блокированы военные городки, в частности, Сальянские казармы, где находилась мотострелковая дивизия (центр города), а также подступы к аэродромам, на которые прибыли десантники. 16, 17 и 18 января я был в Гянже. Обеспечил там порядок. Никакой крови не было.

19.1 я прибыл в Баку и с небольшой группой офицеров (9 человек) пробился через толпу к центральному КПП Сальянских казарм, выступил перед народом, призвал людей к благоразумию, спокойствию и прекращению блокады военного городка. Обратился к лидерам и организаторам этих беспорядков — потребовал развести людей и не подвергать их опасности.

Однако экстремисты не пошли по мирному пути. С наступлением темноты они включили прожекторы, установленные на балконах окружающих военный городок зданий, создали эффект стадиона. На балконах и крышах помещений свободно расхаживали вооруженные боевики. Начались отдельные выстрелы. Среди военнослужащих появились раненые. Выхода не было. Среди ночи провели де-блокаду. Но с началом действий экстремисты открыли ураганный огонь. На моих глазах гибли люди. Это было дико! Я много видел смертей и сам с ней встречался. Но это все на войне! И жертвы были понятны. Но чтобы Наши люди убивали Наших людей, я не видел, и моему возмущению не было предела.

Я также убедился воочию, что может творить ослепленная национализмом, обезумевшая толпа. Это была дикая стихия, Кошмарная обстановка в течение трех суток в этом военном городке (я находился все это время с личным составом. Сюда же сбежались семьи тех, кого преследовали). Тяжелые переживания.

И то, что мне докладывали из Москвы в Киев в августе 1991 года о нагнетании обстановки, о том, что люди призываются к борьбе с несуществующим противником, к разгрому ГКЧП, что

возводятся баррикады, народ спаивают, — это меня тоже глубоко возмущало. Я реально предполагал, что наэлектризованная публика в ажиотаже, в состоянии аффекта, доведенная в своем раздражении до предела, могла ринуться в Кремль, сметая и уничтожая все на своем пути. Отсюда — невинные жертвы.

Поэтому я и писал в шифровке, что не смерть каждого из нас лично должна страшить, и даже не позор на наши головы, который возведут экстремисты в результате своих преступных действий, а новые страдания народа и катастрофа, в которую они могут ввергнуть нашу страну. Что, к сожалению, и произошло.

Поэтому все то, что мной было написано три года назад» я сегодня подтверждаю и ни в чем не раскаиваюсь.

Излагая ситуацию в Баку, я преследую цель — Суд должен понять мое психологическое состояние в то, другое время в Киеве. И хоть написано все в резких тонах, но общая направленность моего призыва была одна — погасить все, что образовалось вокруг российского Дома Советов. И это было правильно!

Таким образом, в период моего пребывания 18, 19 и 20 августа в Киеве в моих деяниях не было ничего преступного. Мало того, все мои помыслы и действия были направлены на поддержание стабильной, спокойной обстановки.

V. 20-е августа. Москва. Обвиняюсь в том, что, вернувшись 20.8 в Москву, принял участие в обсуждении вопроса о применении якобы военной силы для захвата здания Верховного Совета России и руководства Российской Федерации.

Кроме того, для реализации якобы этих планов дал указание подготовить три танковых роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом.

Прежде чем давать конкретные показания по факту событий второй половины дня 20 августа в Москве (именно в это время я прилетел из Киева), обязан сообщить суду, что на совещании в Генеральном штабе, которое проводилось заместителем министра обороны В. Ачаловым, присутствовало не менее 12–15 человек (не считая Язова Д.Т., который появился на 3–5 минут и ушел). Я же попал на совещание, когда оно уже началось. Никаких указаний никому не давал, задач не ставил, требований не предъявлял, но проявлял интерес по многим вопросам (надо было «врасти» в обстановку). Однако оказался под арестом. А все остальные не только остались на свободе, но многие успешно продолжали работать.

Я привожу этот фрагмент из августовских событий 1991 года не для того, чтобы высказать свое возмущение тем, что остальные участники совещания не привлечены к уголовной ответственности. Отнюдь! Говорю об этом лишь с одной целью —

подчеркнуть, что все в отношении этих людей сделано правильно: не было и нет причин привлекать их к ответственности и тем более брать под стражу, т. к. нет состава преступления.

Особо хочу подчеркнуть решение Верховного Совета Российской Федерации, который отказал Генеральному прокурору РФ в санкции на арест народного депутата России Ачалова, хотя он и действовал вместе со всеми, в т. ч. 16,17,18,19 и 20 августа был в Москве. Нет преступления, и нельзя привлекать к ответственности. Правильно действовал Верховный Совет РСФСР и совершенно неправильно действовал Президиум Верховного Совета СССР.

Народные депутаты Бакланов, Стародубцев, Болдин, Шенин и Варенников арестованы Трубиным и Степанковым обманным путем. Президиум Верховного Совета Союза под руководством Нишанова, нарушая все законы и регламент в угоду Горбачеву, разрешил арестовать народных депутатов, не имея для этого никаких оснований. Не проводя даже голосования. Тем более — не заслушивая депутатов, которых прокуратура намерена арестовать.

Я считаю, что фактически был арестован за то, что, как показал свидетель Горбачев, вел себя активно в беседе на его даче в Крыму, т. е. сообщил ему горькие слова упрека офицеров армии о его бездеятельности в условиях, когда разваливается страна. Горбачев дал прямые указания — арестовать и судить, назвав перед этим всех преступниками и определив состав их преступления. А кто из его окружения мог ослушаться? Да и при чем здесь закон? Ведь к этому времени никто в стране не выполнял ни законы, ни Конституцию, ни тем более указы президента.

Особым долгом считаю высказать свое отношение к следующей записи Обвинительного заключения — том 1, л. д. 10.

Цитирую: «Для обеспечения практической деятельности ГКЧП, поддержания режима чрезвычайного положения, Язовым, Крючковым и Пуго были задействованы Вооруженные Силы, а также спец. подразделения КГБ и МВД СССР». Конец цитаты. Даю пояснение, т. к. это меня тоже касается.

Во-первых, не Вооруженные Силы, а только несколько частей Московского военного округа и Воздушно-десантных войск, и только в Москве. А все Вооруженные Силы страны были в пунктах постоянной дислокации и никуда не выходили. В Москве же было привлечено из двух дивизий 3806 человек и около двух тысяч от ВДВ. Всего пять тысяч для поддержания порядка в десятимиллионном городе!

Во-вторых, в самой Москве воинские части фактически

использовались (были задействованы) не ГКЧП (точнее, не только ГКЧП), а руководством России для охраны Дома Советов и проведения митингов.

В-третьих, части Вооруженных Сил использовались псевдодемократией во всех возможных ролях, в том числе и в роли врага, как это было с западней, в которую попала колонна БМП в районе Смоленской площади. Делалось все, чтобы из этого фактора — Вооруженных Сил — выкачать возможно больше дивидендов для псевдодемократов, используя доверчивость и открытость как руководителей Министерства обороны, так и личного состава войск.

Теперь непосредственно о фактах, по которым обвиняюсь в своих действиях 20 августа.

В первый же день моего ареста, т. е. утром 23 августа (арестован в 3.00) я показал на допросе следующую картину событий.

Подробно зачитаю выдержки из нескольких листов (т. 102) моих показаний. Это очень важно — показания сделаны в первый же день ареста и допроса без адвоката: «Вернувшись из Киева в Москву по указанию министра обороны и разобравшись в общих чертах с обстановкой, я понял, что ни разборка заграждений на проспекте Калинина (для чего мы приготовили 5 инженерных машин разграждения), ни проведение других мероприятий не снимают напряжения вокруг Российского дома и к положительным результатам не приведут. Надо было выводить войска. Переговорили с министром обороны — он сам был склонен именно к такому решению. Дело в том, что, несмотря на то, что по отношению к Белому дому никаких шагов не предпринималось, экстремистские силы продолжали нагнетать обстановку и во второй половине дня 20.8 взвинтили ее до Предела. А это таило в себе тяжелые последствия и могло вылиться в большую трагедию…»

Далее. «Войска из города вывел Язов Д. Т. Он принял по этому поводу вечером 20.8 решение, о чем я знаю, а 21.8 утром объявил его и отдал соответствующим командирам необходимые распоряжения. Мало того, при мне в 7 часов утра говорил с Лужковым и сказал, что окажет помощь в расчистке улиц от завалов».

Продолжая цитировать выдержки из моих показаний того времени и подтверждая их сегодня, обращаю внимание суда на такие слова (том 102, л.д. 46): «Никто и не думал об ущемлении демократии и благополучия народа. Решением ГКЧП создавались условия для поддержания порядка и пресечения возможных действий преступных лиц и организаций.

Введение чрезвычайного положения в столице предусматривало охрану важнейших объектов от возможных их погромов. В том числе: танковая рота МВО охраняла радио России, которое передавало указы президента России и другую информацию в его интересах; танковая рота МВО и батальон десантников охраняли дом Верховного Совета России; батальон прибыл также на охрану Моссовета, но Лужков сказал, что он не нужен, и командующий МВО его убрал.

Не менее примечательно, что с танка МВО выступал Президент России Ельцин (а затем он же, не имея никаких на то прав, незаконно отстранил почему-то командующего МВО Калинина Н. В. от занимаемой должности. Это мог сделать только Президент СССР, но последний не поправил Ельцина. Побоялся. А ведь обязан был это сделать)». Конец цитаты.

Продолжение. Л.Д. 93: «На совещание, которое проводилось Ачаловым и Агеевым в Генеральном штабе, я попал по рекомендации министра обороны с целью изучения обстановки в Москве. Агеев сообщил, что в районе Смоленской площади, гостиницы «Украина» и в других пунктах города отмечены выстрелы из боевого оружия, что это представляет общественную опасность. Отмечено было, что таких вооруженных боевиков много и в Белом доме, и что их надо изолировать и разоружить в первую очередь.

Об этих вооруженных людях говорил и генерал Лебедь, это же подтверждал позже офицер КГБ от Плеханова, который также ходил в Белый дом.

Кроме того, на совещании говорилось, что в Белом доме усиленно ходят слухи о том, что будет штурм, что готовится этот штурм Белого дома».

«Инициатива по взвинчиванию обстановки исходила именно из этого дома. Кому-то это было крайне необходимо. В этих же целях подогревалось и руководство России, которому внушалось, что будет штурм, что их жизням грозит опасность, а вместе с этим нависла якобы опасность вообще над демократией, над государственным строем, Конституцией и протрессом. На совещании говорилось, что в КГБ имеется отряд, который способен всех незаконно вооруженных гражданских лиц изолировать»…

> «Если будут разоружены боевики, то открывается возможность и создаются необходимые условия для встречи руководства. Фактически же все это был пустой разговор. Почему? Я у Ачалова спрашиваю: «Мне непонятно, о каких действиях может идти речь, о каком

проникновении в Белый дом можно говорить, когда это здание охраняется десантниками? Как можно даже ставить этот вопрос, если в Белый дом спокойно ходят генералы Воздушно-десантных войск (имеется в виду Лебедь)? Так о каком действии может идти речь?» (л. д. 95)…

«Я унес с совещания у Ачалова недоумение — с одной стороны, идут схоластические разговоры об организации проникновения в Белый дом в условиях, когда его охраняют наши подразделения десантников, а генералы ВДВ свободно ходят по этому зданию; с другой стороны — о необходимости такого проникновения, т.е. надо ли это делать вобще, если мы этот дом охраняем. Одновременно я был убежден, что все присутствовавшие на совещании говорили одно, а будут делать другое, каждому было ясно, что ни о каких действиях в отношении Белого дома не может быть и речи. И формальные рассуждения, и различные реплики являлись только затяжкой времени и имитацией деловитости. Никто не думал реально что-то предпринимать и фактически никто ничего и не предпринимал» (л. д. 115)…

«На этом же совещании был обостренный разговор с генералом Лебедем, после того как он сказал, что если прорываться, то будет много крови. Это вызвало у меня возмущение, и я его оборвал, сказав, что это не его дело. Задача состоит в том, чтобы вообще не допустить кровопролития и даже столкновения. Я ему также сказал: поставлена десантникам задача охранять Белый дом, значит, надо охранять и что он обязан как генерал проявлять оптимизм и воодушевлять людей, а он проявляет пессимизм и сеет среди личного состава панику.

Это заявление было вызвано неправильным пониманием генералом Лебедем обстановки и его роли и места в решении тех задач, которые ему были определены. Ему надо было охранять здание, а не распространять слухи о штурме и не вселять страх в солдат, что они могут при этом погибнуть». Т. е. генерал должен был заниматься своим делом» (л. д. 187).

Таким образом, если мои показания, о которых я говорил выше и которые я давал в августе—сентябре—октябре 1991 года, сопоставить с показаниями других обвиняемых и свидетелей по этому вопросу (я эти показания сейчас приведу), то суду будет видно, что моя оценка этого совещания была реалистичной и мое недоумение было законным. А также будет понятна и моя роль во всем этом деле.

Даю показания других — в подтверждение отсутствия в моих

действиях состава преступления.

Показания военных.

1. Министр обороны Д. Т. Язов — том 99, л.д. 207:

«Ачалова я предупредил, чтобы он вместе с работниками КГБ и МВД рассмотрел вопросы действия войск по обеспечению охраны порядка в Москве. О Белом доме речь не шла. После возвращения Варенникова из Киева я попросил его принять участие в рассмотрении мероприятий по координации действий с правоохранительными органами».

2. Начальник Генштаба Моисеев — том 105, л.д. 130: «В Министерстве обороны никаких планов штурма Белого дома не разрабатывалось».

3. Командующий ВДВ Грачев — том 109, л.д. 70. Точнее, даю высказывание следователя, проводившего допрос Грачева:

«Из Ваших показаний получается, что реально никто и не планировал штурмовать Белый дом». (Правильный вывод делает следователь.)

4. Зам. командующего ВДВ Чиндаров (том 109, л.д. 96 и 99): «Вообще на совещании у Ачалова задачи по-военному не ставились. План не вырабатывался. Детали не прорабатывались. Никакого плана захвата не было, никаких док ументов по этому вопросу не имелось и не прорабатывалось…

С военной точки зрения так не делается. Все говорило о том, что никто не был заинтересован и не хотел совершать захват здания Правительства России».

Вопрос следователя: «Слышали ли вы на этом совещании чье-либо предложение усилить формирование КГБ (группу А) транковыми подразделениями, разградителями и боевыми вертолетами?»

Ответ: «Такого предложения я на этом совещании не слышал».

5. Зам. командующего МВО Головнев А. А. — том 103, л.д. 221: «План штурма Белого дома при мне не обсуждался, и мне об этом ничего не известно».

6. Командир Таманской дивизии Марченков В. И.: «Распоряжения нашей дивизии о штурме Белого дома нам никто не давал».

Все эти показания уже достаточно убедительно говорят о том, что никакого штурма Белого дома не готовилось, никакого плана на этот счет не создавалось, и никто никому никаких соответствующих распоряжений не давал. Одновременно показано, что все военные структуры подчинялись и управлялись.

Но для полной картины по этомуъопросу необходимо привести показания и представителей КГБ:

1. Начальник управления правительственной связи генерал Беда — том 10, л.д. 176: «План штурма здания Верховного Совета РСФСР на совещании не обсуждался. На совещании никаких решений принято не было, и утверждать, что на совещании у Ачалова шел разговор о штурме, я не могу… Так вопросы штурма решаться не могли. И мне кажется, присутствующие понимали, что подобным образом этот вопрос решен быть не может. В ходе совещания не было выработано никакого конкретного плана и решения».

2. Начальник 3-го управления КГБ генерал Жердецкий — том 9, л.д. 220: «Сначала к Ачалову зашли Грачев, Агеев, Прилуков и я. Договорились, как проводить заседание. Потом пригласили остальных. Кроме того, запомнил прибытие Варенникова».

3. Начальник УКГБ г. Москвы генерал Прилуков, — том 9, л.д. 232: «Нашу позицию на совещании у Крючкова об отказе от всех насильственных действий поддержали все, в том числе Ачалов, Варенников и Громов».

4. Зам: начальника УКГБ г. Москвы Корсак — том 9, л.д. 210: «Отношение к штурму Белого дома присутствовавших определять затрудняюсь, т. к. обсуждения не было».

5. Наконец, показания председателя КГБ СССР Крючкова В. А. — том 2, л.д. 15. Следователь: «Был ли приказ или устное указание на штурм Белого дома?» Ответ: «Нет! Мы знали, что в Белом доме было определенное число боевиков. Они были вооружены… Позже оказалось, что у них в Белом доме был свой ОМОН — кооператив «Алекс». У гостиницы «Украина» стреляли по БМП.

Возник вопрос — как нейтрализовать опасность, которая создавалась в районе Белого дома. Агеев и Карпухин получили задание устранить опасную ситуацию. Я дал согласие на проработку этого вопроса с МО и МВД… Конечно, сил у МО МВД и КГБ было вполне достаточно для того, чтобы решить задачу в отношении Белого дома. Но политические соображения плюс нежелательные жертвы — это должно быть на первом плане. Речь могла зайти (если разбирать идею штурма) о том, чтобы войти в Белый дом и обезоружить находившихся там людей — вооруженных боевиков.

Но и это было не решение, а всего лишь один из вариантов… Никакого решения о штурме Белого дома не принималось. Но из Белого дома шли призывы к неповиновению… Никаких препятствий со стороны военных для прохода в Белый дом не чинилось. Однако ораторы у Белого дома призывали людей к разгрому ГКЧП. Я не виню ораторов — они просто ничего не знали о ГКЧП. Но беспорядки могли быть. События могли выйти

из-под контроля. Поэтому возник вопрос о разоружении лиц в Белом доме (после этого — договориться)… Конечно, технически операцию можно было провести. О каком-либо отказе исполнителей от проведения операции я не слышал. Да и не мог слышать, потому что команды на ее проведение не было».

Итак, о штурме вопрос не стоял, а о разоружении боевиков говорили.

Мне не известно ни одного случая отказа подчиненных от выполнения распоряжений начальников — правомерны эти распоряжения или нет. Все команды выполнялись беспрекословно. И никто из следствия ни одного примера неповиновения не привел. Но по этому поводу уместно отметить, что различного рода политиканы в августе 1991 года и сейчас продолжают эксплуатировать мысль: «Армия не поддержала ГКЧП и осталась на стороне народа». Несложно понять цель таких заявлений — настойчиво продолжать внушать, вдалбливать народу ложь об антинародном характере ГКЧП. Тем самым отвести от себя удар, избежать ответственности за развал Союза, за нанесение ущерба суверенитету, государственной безопасности и обороне страны, за развал экономики, обнищание народа и за другие аномалии, а также за изменение и деформацию общественного и государственного строя. Вот это-то как раз и является преступлением.

Таким образом, и подсудимые, и свидетели, не договариваясь и не имея такой возможности, говорят об одном и том же. Но самое главное, что на совещании не проводилось обсуждения применения военной силы, как записано в Обвинении, для захвата здания Верховного Совета России и тем более — захвата руководства Российской Федерации (о последнем вообще никто ничего и нигде не говорил). Следовательно, и мое присутствие на таком совещании никак не могло повлиять на решение как первого, так и второго вопроса, т. е. ни о захвате здания, ни о захвате руководства.

Теперь — о второй части обвинения по 20 августа. По этому вопросу в томе 4 Обвинительного заключения есть даже два варианта обвинения.

Первый (л.д. 140): «Для усиления намеченных для участия в штурме подразделений Варенников, возвратившийся по указанию Язова из Киева, отдал приказ подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов».

Второй (л.д. 157): «Для реализации этих планов (т. е. планов захвата здания Верховного Совета РФ и захвата руководства РФ) Варенников отдал указания подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом».

Совершенно разный смысл. Ну, разве все это не может вызвать недоумение? Хотя и то, и другое — вымысел авторов обвинения.

Придерживаясь истины и принципа — говорить только правду, я обязан заявить, что к этому абсурдному обвинению необходимо присовокупить еще одно — мною было отдано распоряжение подготовить и доставить вечером 20.8 в Москву пять инженерных машин разграждения. По этому вопросу я также намерен дать показания.

Теперь по существу обвинения. Прошу обратить внимание Суда на то, что все это происходит 20.8, во второй половине дня. А накануне, т. е. 19.8, все войска были приведены в повышенную боевую готовность, по которой во все виды боевой техники, в том числе и вертолеты, и танки, загружается боезапас. Следовательно, вертолеты и танки, о которых идет речь, уже были с боезапасом. Мало того, танки к этому времени уже были в Москве.

Уже 20.8 в разговоре с министром обороны просматривалось, что надо поправлять положение в районе Белого дома и что в этих условиях (в интересах разрядки обстановки) надо войска из города выводить. Спрашивается, если министр обороны думает о выводе войск, то как я мог думать о другом? Тем более о штурме? Просто странно.

Таким образом, подводя итог по предъявленным по 20-му августа обвинениям, можно утвердительно сказать, что ни принятие участия в совещании, которое проводилось в Генеральном штабе, ни отданные мной указания по танкам, инженерным машинам разграждения и вертолетам не несли в себе признаков преступного деяния.

Принятие участия в совещании имело цель изучить сложившуюся обстановку в Москве в целом и подробно вокруг здания Дома Советов РФ для принятия решения на последующие действия.

Применение танков мыслилось как запасной вариант на случай, если не будут поданы инженерные машины разграждения для наведения порядка — расчистки магистрали Калининского проспекта и других районов (точнее, для растаскивания стоящих на проезжей части машин и троллейбусов).

Применение вертолетов мыслилось проводить для воздушной разведки района Красной Пресни, маршрутов выхода войск из города и сопровождения частей во время совершения марша.

То, что мною были отданы только предварительные распоряжения и не было поставлено конкретных задач, — вполне логично: конкретные задачи могли быть поставлены только после объявления министром обороны решения о выводе войск.

Общий итог по разделу предъявленного дбвинения.

Первое. В план срыва подписания Союзного договора 16 августа 91 г. министром обороны маршалом Д. Т. Язовым я не посвящался, как это записано в Обвинительном заключении, да и такого плана в природе не существует, так же как никто на меня не делал ставку по обеспечений) режима чрезвычайного положения.

Нигде в материалах предварительного следствия вы, уважаемый Суд, не найдете ни одного доказательства по событиям 16 и 17 августа, подтверждающего существование какого-то плана «срыва Союзного договора». Руководители прокуратуры выдают желаемое за действительное. Хотя теперь я понимаю, почему это произошло.

Господа Степанков и Лисов, видимо, знали, что их литературное творение может вызвать интерес у читателей лишь в том случае, если в нем будет присутствовать соответствующая детективная атрибутика типа: «Дата выступления», «План срыва Союзного договора», «Изоляция президента», «Захват власти» и т. п. Конечно, все это звучит! Интригует.

Более того, я выскажу предположение, что и текст Обвинительного заключения составляли не только юристы. Поэтому выдвинутые обвинения являются умышленно надуманными.

Второе. Открытой ложью звучат утверждения Обвинительного заключения и по 17 августа 1991 г. при встрече на объекте КГБ АБЦ, где якобы были оговорены вопросы: по изоляции президента; о составе ГКЧП; оглашены документы ГКЧП; обсуждены вопросы взаимодействия МО, МВД и КГБ; а также о том, что надо заручиться поддержкой республик, что была определена дата выступления на 18 августа и, наконец, что направляемая в Крым группа должна была предъявить Горбачеву ультиматум — либо он вводит чрезвычайное положениег либо он уходит в отставку. Ни одно из положений не нашло подтверждения на завершающей стадии предварительного расследования и сейчас, в судебном разбирательстве.

Лишь факт организации поездки в Крым действительно имел место, но цели преследовались иные в сравнении с обвинением, а именно: предложить президенту, а не предъявлять ему ультиматум (хотя как народные депутаты мы могли бы и потребовать) — объявить ЧП в ряде районов страны и т. д.

Третье. Ни на одно из обвинений, перечисленных по 18 августа 1991 г., нет ни единого обоснования. В том числе о принуждении президента уйти в отставку, так как этого не было, как и не было его изоляции. Он, Горбачев, использовал

сложившуюся ситуацию и организовал самоизоляцию, рассчитывая на многое. Но сами события подтвердили крайнюю ограниченность такого его решения.

Следовательно, все обвинения следствия, касающиеся 18 августа, — очередная фантазия, не имеющая ни малейшего подтверждения. Хотя сегодня приходится только сожалеть, что все мы, являясь народными депутатами, могли потребовать от Горбачева сдать пост президента — как условие крайней необходимости, что предусматривал УК РСФСР.

Четвертое. Обвинение, предъявленное в связи с моим пребыванием в Киеве 18,19 и 20 августа 1991 года, еще более возмутительно и абсурдно. Я не только не требовал от руководителей Украины введения на Украине чрезвычайного положения, а наоборот — внес предложение, обеспечивающее спокойствие и стабилизацию ситуации в республике. Что касается трех областей запада Украины, то они действительно вызывали у меня сомнения. И последующие события 1991,1992 и 1993 годов подтвердили правильность моих опасений.

В беседах в Киеве о ГКЧП вообще не шло речи, и это подтверждается показаниями руководителей Украины. А направление в Москву на имя ГКЧП телеграмм любого содержания совершенно никого ни к, чему не обязывало, а только позволяло старшему органу ориентироваться в обстановке, а также в оценке лицами, находящимися за пределами Москвы, и той ситуации, которая сложилась на Красной Пресне.

Ложь и полуправда об этом периоде — вот основание, на которое опирается обвинительное заключение.

И, наконец, пятое. Вторая половина 20 августа 1991 года. Ни мое участие в совещании, проведенном в Генштабе, ни отданные мной предварительные распоряжения о возможном применении инженерных машин разграждения, танков и вертолетов без конкретного определения целей и задач их использования, так как министром обороны Д. Т. Язовым решение о выводе войск еще не объявлялось, не несли в себе даже признаков преступного деяния.

Таким образом, анализируя каждую позицию следствия и подводя общий итог Обвинительному заключению, я вправе сделать однозначно следующие выводы.

Во-первых, в нашем законе говорится (статья 7 общей части УК РФ), что преступлением признается предусмотренное особой частью настоящего кодекса общественно-опасное деяние, посягающее на советский (именно — советский) общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства (именно — социалистическую!), социалистическую

собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное посягание на социалистический правопорядок. Это — общественно-опасное деяние.

Но все мои деяния, как и деяния моих товарищей в августовских 1991 года событиях, были направлены не против советского общественного и государственного строя.

Эти деяния, их сущность не выражала посягательства на социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность. Наоборот, все было направлено только на защиту всего этого! Об этом свидетельствуют и изданные ГКЧП документы, и все его действия.

Так же, как не было посягательства на личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан. И вообще все было направлено на сохранение и утверждение социалистического правопорядка, который, к сожалению, рушился и продолжает рушиться, чего никто не может отрицать. Поэтому общественная опасность, которая могла быть выражена реально причиненным вредом перечисленным объектам или реально содержала бы в себе такую возможность причинения вреда, фактически отсутствовала!

Во-вторых, о Президенте СССР Горбачеве как о личности, т. е. как гражданине и как должностной фигуре.

Поскольку следствием Горбачев признан не потерпевшим, а свидетелем, то вопросы о нанесении ему ущерба как личности или ущемлении его гражданских прав отпадают.

Руководители страны 17 августа, после обсуждения и изучения обстановки в государстве, решили не звонить Горбачеву, а послать к нему группу и предложить с учетом критического положения принять адекватное решение. Все были уверены, что такое решение будет принято, потому что другого выхода из этой ситуации не могло быть.

В сложившейся обстановке, которую доложила руководству страны группа, вернувшаяся из Крыма, ясно вырисовывалась главная опасность. Горбачев, никак не желая ввязываться в процесс пресечения теневых тенденций в экономике, межнациональных отношениях и пресечения преступности, одновременно намерен был подписать проект Союзного договора, подготовленного в Ново-Огареве, что фактически означало узаконивание развала Союза.

Этого нельзя было допустить, и руководство страны, находясь в условиях крайней необходимости, создает ГКЧП и принимает решение — временно передать функции президента вице-президенту, одновременно еще надеясь, что Горбачев правильно

оценит обстановку даже лично для себя и подключится к действиям ГКЧП.

Конечно, если ГКЧП и его решения рассматривать в отрыве от складывающейся в стране ситуации, их можно условно (подчеркиваю — условно) назвать не совсем конституционными. Почему условно и почему не совсем конституционными? Формально на несколько дней предполагалось передать обязанности президента вице-президенту в целях срочной стабилизации обстановки. Формально решения по этим вопросам принимал не Горбачев. И эти обстоятельства никто не отрицает, в том числе и я.

Однако фактически ГКЧП действовал не от своего имени, а от имени народа, который выразил свою волю на референдуме о необходимости сохранения Союза. Поэтому фактически действия ГКЧП были направлены на сохранение нашего Отечества — Советского Союза, отвечали интересам защиты нашей Родины, в измене которой меня и моих товарищей обвиняют.

Теперь о чисто юридической оценке наших действий. Действуя в состоянии крайней необходимости, устраняя единственным имеющимся у нас путем опасность развала страны, когда устранить ее при данных обстоятельствах другими средствами было невозможно, я и все остальные действовали абсолютно конституционно, законно и обоснованно. Состояние крайней необходимости есть состояние критическое. Действия, которые мы совершили и которые вытекают из этого состояния, никакой опасности не образуют, ибо они являются абсолютно конституционными.

Итак, деяния ГКЧП совершены в состоянии крайней необходимости, т. е. в интересах устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, что реально выражалось в недопущении развала Советского Союза. Опасность была в наличии — сам проект договора по схеме 9 плюс 1 уже говорил о выпадении из Союза ряда республик. Источником такой опасности был, в первую очередь, Горбачев — Президент СССР. Реальные условия причинения этого вреда стране, т. е. ее развала, уже были созданы, и это не мнимая, а действительная опасность — сроки и место подписания договора уже были определены и согласованы. Других средств, другого пути, как я уже сказал, другого выхода в это время не было: 20 августа должен был быть подписан новый Союзный договор, а 19 августа предпринимается этот шаг и оглашается всему народу; Что касается ГКЧП, то и он, предполагалось, должен был быть утвержден или отвергнут на Верховном Совете СССР. Ведь неконституционно созданный Горбачевым в 20-х числах августа Госсовет только 5 сентября был

утвержден съездом народных депутатов СССР. Хотя съезд, в свою очередь, был разогнан Горбачевым сразу же, на следующий день — 6.9.91 г.

Что же касается соотношения причиненного и предотвращенного вреда, то здесь эти величины просто несопоставимы: вред нанесен только личному престижу Горбачева, который предал свой народ! Но ГКЧП делал все во имя спасения Отчизны! Участвующие в этих событиях военные, кроме того, во имя достижения цели, т. е. во имя безопасности Отчизны, обязаны были и рисковать своей жизнью — так записано в Комментариях к УК.

Таким образом, деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, было вызвано объективной необходимостью, и оно законно.

В-третьих. Об умышленных моих действиях, якобы направленных в ущерб государственной безопасности.

В обоснование этого абсурдного обвинения Обвинительное заключение приводит следующие доводы: 1) смещение главы государства — Президента Горбачева; 2) нарушение нормальной деятельности системы высших органов власти; 3) использование в антиконституционных целях Вооруженных Сил; 4) срыв подписания Союзного договора.

В связи с этим прошу Суд обратить внимание на следующее.

Первое. Ни я и никто другой Горбачева с поста президента не смещал и не имел такой цели, хотя основания для этого были, и надо было это сделать — изолировать и доложить Верховному Совету СССР. Он же как был на отдыхе в отпуске в этот крайне тяжелый для страны период времени, так спокойно и продолжал пребывать в своей резиденции в Крыму, не меняя ни режима отдыха, ни методов лечения, ни даже содержания своих развлечений. Временное же исполнение Янаевым Г. И. обязанностей президента не является его смещением. Тем более что все это должен был рассмотреть Верховный Совет СССР.

Второе. Деятельность системы высших органов власти в этот период не только не была нарушена, но, наоборот, обострена и подтянута. А все основные руководители исполнительных органов государства, кроме президента, вошли в состав ГКЧП, находясь по-прежнему на своих постах. Президент же находился в отпуске. Таким образом, никакого нарушения нормальной деятельности органов власти не было.

Третье. Вооруженные силы в стране вообще нигде, тем более в антиконституционных целях, не применялись. Ввод же нескольких частей Московского военного округа только в столицу в связи с объявлением в городе чрезвычайного положения

выполнен в соответствии с Законом «О правовом режиме чрезвычайного положения». И если бы провокаторы не организовали нападение несмышленых ребят на военную колонну БМП, которая была в 1,5 километрах от Белого дома и двигалась в противоположную от этого здания сторону, то и этой трагедии — гибели трех молодых людей — не произошло.

Что касается принятого в ночь с 18 на 19 августа решения по срыву подписания Союзного договора, то этот вопрос уже разобран.

Надо только дополнительно обратить внимание на два факта:

1) никто не мешал Президенту СССР и президентам республик подписать этот договор в конце августа — начале сентября (главные противники этого акта уже были арестованы), однако подписание не состоялось;

2) вместо подписания Союзного договора Президентом СССР в нарушение Конституции СССР и принятого съездом народных депутатов СССР закона был подписан документ о выходе Прибалтийских республик из состава Советского Союза. Этим актом плюс разгоном съезда народных депутатов СССР было уже реально, физически обозначено разрушение нашей страны, которую сотни лет создавали наши предки. Было совершено вопиющее преступление, на что правоохранительные органы никак не отреагировали, и в первую очередь — Генеральный прокурор СССР.

Следовательно, мной, как и моими товарищами, не был нанесен, тем более умышленно, ущерб государственной безопасности. Она, государственная безопасность, в дни августовских событий пребывала в обычном режиме и в нормальных условиях, если не считать незаконные антиконституционные действия органов союзной и российской прокуратур, арестовавших обманным способом лиц, отвечающих за государственную безопасность в стране. Вот этим, конечно, был нанесен ущерб госбезопасности СССР, что со временем, я уверен, будет оценено по достоинству, т. к. этим воспользовались все враждебные строю силы как внутри страны, так и за рубежом. Этим воспользовался в том числе и Горбачев.

Четвертое. О моих якобы умышленных действиях, направленных на нанесение ущерба обороноспособности страны.

Обвинительное заключение пытается обосновать это обвинение следующим: якобы Президент СССР, он же — Верховный Главнокомандующий, был отстранен от своих полномочий путем изоляции и тем самым лишен возможности принимать решения по использованию стратегических ядерных сил.

В связи с этим еще раз заявляю: никто Горбачева не отстранял ни от каких постов в государстве и партии, хотя он этого заслуживал. Любые манипуляции с переносными средствами (чемоданами), обеспечивающими только конфиденциальную связь, никакой угрозы и ущерба управлению СЯС не наносили, о чем подробно могу доложить на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда. Думаю, что можно, если требуется, еще раз провести экспертизу.

Пятое. О неконституционности действий, что подчеркивается в заключительной части Обвинительного заключения.

Зададимся вопросом: чем вызвано появление ГКЧП и его действия? Причин много, к ним я еще вернусь в других разделах. Но сейчас только о главных из них.

Это — обстоятельства крайней необходимости. Необходимости недопущения развала Советского Союза, что было разобрано выше:

— Провокационный характер трагедии. Горбачев спровоцировал и появление, и выступление ГКЧП. А глава российского государства или его окружение распустили слухи о штурме Дома Советов РФ.

— Отсутствие мер по пресечению грубых нарушений Конституции, невыполнения указов президента, что выливалось в «войну законов».

— Все ухудшающееся экономическое, социально-политическое положение в стране, обнищание народа, ухудшение криминогенной и межнациональной обстановки.

— Катастрофическое падение авторитета нашего государства.

— Наличие фактов нарушения лично Горбачевым Конституции, о чем буду еще докладывать.

Кроме того, большой ущерб государству Горбачев наносил анархическими лозунгами, которые он необдуманно бросал с трибун съездов и пленумов. Например: «Все разрешено, что не запрещено законом!» А если учесть, что нашими законами многое не предусматривалось, то вполне объяснима и вакханалия, которая поднялась в ответ на горбачевский вексель — призыв к беззаконию, и это тоже привело к развалу Союза и тоже оказало влияние на создание ГКЧП.

Шестое. Об общей направленности Обвинительного заключения, моем отношении к нему и к предъявленному мне обвинению.

В любом процессе, а тем более в таком, как этот, т. е. в процессе, который рассматривает крупные политические проблемы, касающиеся всего государства, к которому привлечено внимание общественности не только нашей страны, но и мира и в

котором по делу проходят все основные руководители законодательной и исполнительной власти страны, особое значение имеет Обвинительное заключение.

Наряду с другими мерами и документами оно должно было, на мой взгляд, максимально продемонстрировать стремление Генеральной прокуратуры РФ обеспечить объективность, беспристрастность и справедливость, создать все условия для Суда, чтобы тот нашел истину. Ведь в обстановке возможного возрождения демократии в России и освобождения ее от тех уродливых форм, которые она уже приняла в течение последних лет, исключительное значение имеют итоги этого политического процесса. Они, эти итоги, покажут:

1) или что у нас уже начинает налаживаться жизнь по Закону, и декларация «О правах и свободах человека и гражданина», принятая Верховным Советом России в 1992 году, находит свое материальное воплощение в жизни;

2) или же все это продолжает оставаться лишь на бумаге и является декорацией, прикрывающей беспредел.

Но Генеральная прокуратура не нашла в себе сил и мужества для признания своих грубых ошибок и не направила в Суд объективное Обвинительное заключение. Наоборот, продолжает отстаивать абсурдные и даже лживые позиции с целью сохранения чести своего мундира. Она предпринимает все, чтобы не обнажились ее истинное политическое лицо и ее услужливые действия в угоду исполнительной власти, в угоду проводимой этой властью политике реставрации капитализма — антиконституционной политике, если говорить о Конституции Советского Союза, Конституции моей Родины — Конституции, которую я защищал 30 лет, в том числе с оружием.

А жаль. Ведь в этом просматривалось не только раскрытие путей дальнейшего развития нашей демократии, но и международный авторитет России, нашего общества. Пора, наконец, нам опять встать в. строй развитых, цивилизованных стран мира, хотя бы в области права!

Нет больше смысла раскрывать неуклюжие действия этого высокого государственного органа — Генеральной прокуратуры РФ. Но полезно заметить, что действия Генпрокуратуры по данному конкретному делу не только вредны, но и представляют общественную опасность.

Что касается моих деяний, то в них нет даже формальных признаков преступления. Я не признавал и не признаю себя виновным в измене Родине! Нет в моих действиях признаков и любых других преступлений, а не только вытекающих из статьи 64.

На этом я заканчиваю показания по факту происшедших событий. Прошу Суд учесть, что вторая часть моих показаний также займет по времени весь день и будет в себя включать: мотивы, побудившие к выступлению, причинно-следственные связи событий и нарушение законности Генпрокуратурой РФ».

* * *

Итак, первая часть показания была закончена. Вечером после заседания мы с адвокатом Дмитрием Давидовичем Штейнбергом обсудили уже доложенное и внесли некоторые поправки в показания на следующий день. Вот продолжение моих показаний.

«Уважаемый суд!

Докладываю, вторую часть моих показаний. Они затрагивают три принципиальных вопроса: о моих идеалах; мои политические и правовые оценки событий августа 1991 года и нарушения прав человека Генеральной прокуратурой.

Первый вопрос — о моих идеалах, принципах и жизненных позициях, о причинах и мотивах, побудивших меня к действиям в августе 1991 года.

На мой взгляд, все тяжелые проблемы нашего общества и в августе 1991 года, и до сегодняшнего дня, как в фокусе, сосредоточены в известной публикации «Слово к народу», которая была предстаблена общественности нашей печатью в июле 1991 года, т. е. за месяц до событий. Этот документ (я именно так его оцениваю) был подписан не формально. Я вложил в него лично все, что думал, как и другие авторы, в т. ч. В. А. Стародубцев и А. И. Тизяков, тоже проходившие по делу ГКЧП.

Несмотря на то что прошло уже три года, как это «Слово» появилось, и хотя за это время произошли колоссальные изменения в нашей стране, актуальность поднятых в нем вопросов не только не утрачена, а наоборот — приобрела еще бульшее значение. Разве «Слово к народу» не взывает к единению, консолидации во имя мира, спокойствия и сохранения Отечества?

Прошу Суд обратить внимание только на два фрагмента этого знаменательного обращения.

Вот что там говорилось:

> «Родина, страна наша гибнет!.. Умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего… Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти не любящих эту

страну, а раболепствующих перед заморскими покровителями?.. Неужели мы допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну?»

В обращении к армии в этом «Слове» подчеркнуто: «Мы убеждены, что воины армии и флота, верные своему долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом всех здоровых сил общества».

И в заключение сказано: «Не пожалеем же сил для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимые отчуждения человека от власти труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия жизни и самовыражения… Советский Союз — это наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в годины черных нашествий! Россия — единственная, ненаглядная! — она взывает о помощи».

В этих фразах предельно четко выражены жизненная позиция и духовные идеалы, которые могут толкнуть человека на действия только во имя и на благо СССР, нашей великой Российской империи, нашего великого народа. Прошу именно с этих позиций оценивать все мои поступки и деяния.

Вот почему я, как и большинство у нас в стране, в свое время приветствовал также и «Обращение к советскому народу», подписанное Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР 19 августа 1991 года.

Этот документ духом и буквой перекликается со «Словом к народу». Считал и считаю сейчас, что в нем честно и убедительно дается оценка и характеристика обстановки того времени в нашей стране. А также определены пути выхода из сложившейся ситуации — кто, когда и как конкретно будет это делать.

«Обращение к советскому народу» (как и другие документы ГКЧП) было Судом оглашено, поэтому я его зачитывать не стану. Но одну цитату приведу. Это очень важно: «Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса».

И далее перечисляется, что он намерен сделать. Спрашивается — правильно ли этот документ отражает обстановку? Намеченные меры были реально выполнимы, или же все изложенное сделано в популистском духе? А главное — есть ли в этом что-то преступное? Нет! Все сказано во имя интересов народа и ничего преступного! Естественно, что подавляющее

большинство населения страны восприняло этот документ не просто положительно, но и с радостью и надеждой: наконец-то руководители начнут заниматься своим делом — наведением в стране порядка.

Я не член ГКЧП, но если бы довелось мне этот документ подписывать, я бы это сделал без колебаний. Мало того, я бы добился, чтобы он был выполнен.

Конечно, издание Государственным комитетом по чрезвычайному положению «Обращения к советскому народу» еще не означало, что народу сразу уже все стало ясно и что ГКЧП полностью довел до сознания масс свои идеи и цели. Многие еще были в неведении, что происходит, и самое главное — во имя чего. Этим максимально воспользовались враждебные комитету силы.

Утопизм ГКЧП состоял в стремлении найти контакт и общий знаменатель, доброе согласие с теми, кто уже фактически открыто порвал с Советской Конституцией. Приспособленчество и соглашательство в тех условиях означали чистейшей воды оппортунизм. Это очень плохо! Но это не предательство, не измена Родине и своему народу. Мое мировоззрение полностью совпадает с принципами, изложенными и в «Слове к народу», и в «Обращении к советскому народу». То есть я за социализм в истинном его понимании, а не в тех уродливых формах, в которых мы жили в последние годы. Я за Советы и Советскую власть, за соблюдение Конституции и законов, за дисциплину, порядок и истинную демократию в стране, за многоукладную экономику, в т. ч. за частную собственность в масштабах, которые не угрожают социализму, за регулируемый рынок, как в большинстве стран мира, в т. ч. в США, ФРГ, коммунистическом Китае. Я — за былой авторитет нашего государства, его безопасность, суверенитет, полную независимость и надежную оборону.

Все в этих документах было изложено правдиво, очень конкретно, понятно и главное — все было реально выполнимо!

Но когда народу годами не только не могут открыто и честно сказать, как не говорят и сейчас, какое, в конце концов, мы строим общество: социалистическое, капиталистическое или какое-то новое, — это возмутительно! Это оболванивание народа.

Нет сомнения, что демократия должна присутствовать и в том, и в другом, и в третьем случае, т. е. и при социализме, и при капитализме, и при новом социально справедливом обществе. Одни считают, что в капиталистическом обществе демократии больше, другие утверждают, что демократия по-настоящему существует в социалистическом обществе. Но обе эти демократии

в том виде, в каком были на 1991 год, на мой взгляд, имели и пороки.

В одном случае — убивают президентов (Кеннеди), политических лидеров (Лютер Кинг), нагло вмешиваются во внутренние дела других стран, устраивают геноцид (Гренада, Ливия, Панама, Ирак), я уже не говорю о Советском Союзе, который они вообще разрушили. В другом случае — как были, так и остались многочисленные преследования инакомыслящих, демагогия о демократии, о правах и свободах человека, в том числе о свободе слова— в марте 1991 года провели референдум, народ высказался за Союз, а Горбачев подготовил к подписанию проект нового Союзного договора, который предусматривает развал Советского Союза. Такая же ситуация со средствами массовой информации.

Но все это мои личные взгляды, которые не влияют на официальный государственный курс, на государственную политику. В то же время эти взгляды опираются на незыблемые принципы, которые позволяют мне делать соответствующие оценки и выводы. Именно это подтолкнуло меня к действиям в августе 1991 года и фактически выступить против политики Горбачева.

Что касается внутренней политики (социально-политической и экономической ее сторон, благосостояния народа), то, на мой взгляд, наша политика в отношении каждого человека должна быть крайне честной, открытой, правдивой, понятной и реальной. Никакого намека на лживые заявления и фальшивые действия, никаких вихляний и экспериментов! Не нужно никакого «гуманного демократического социализма», как не нужны и «рельсы»… Внутренняя политика должна из года в год приумножать национальный доход (взаимодействуя с внешнеполитическим курсом), увеличивать и улучшать благосостояние всего или абсолютного большинства нашего населения, внедрять в общество истинную демократию. При этом независимо от того, кто и сколько находится у власти, в т. ч. правительство, президент. И без кивков в сторону предшественников, которые будто оставили тяжелое наследство, застойное время, как это постоянно делает Горбачев. И без критики, так сказать «порочного строя», который был якобы прежде, как это делают нынешние власти (Ельцин и его окружение).

Говоря о своих взглядах, хочу подчеркнуть:

1) Да, я был и остаюсь сторонником сохранения, укрепления и процветания Советского Союза, который имел все необходимые объективные условия для такого процветания. Не было только с

середины 50-х годов лидера с «царем в голове», который мог бы сохранить темпы развития и обеспечить уже действительное процветание страны.

Являясь реалистом, я понимаю, что сегодня возврата нет к тому Советскому Союзу, но возрождение нашего Отечества — это вполне реальное дело! Такое возрождение обеспечило бы сохранение существовавшей экономики, культуры, науки, искусства. Оно обеспечило бы единые эффективные меры в области экологии, позволило бы иметь единую оборону. Наконец, обеспечило бы сохранение нашей единой семьи народов Великой Руси, чего так не хотят и боятся на Западе.

2) Я всегда был против развала Союза, против вульгарного выхода каких-либо республик из состава Советского Союза, тем более по указке из-за рубежа, по сценарию Запада. Если уж выходить из Союза, то в соответствии с принятым на съезде народных депутатов СССР Законом «О порядке выхода из состава СССР».

3) Я был против анархии в экономике и войны законов, что в итоге привело к небывалому обнищанию народа, моральному и физическому угнетению советских людей, развалу хозяйственных связей и бесконтрольному грабежу богатств нашего Отечества, развалу СССР.

4) Я был против всевозрастающего национализма, сепаратизма и экстремизма всех мастей, которые приводили к крови, большим жертвам, миллионам беженцев, к полнейшей обреченности ни в чем не повинных людей. А в это время Горбачев делает вид, что всего этого нет.

Характерно, в связи с этим, заявление бывшего советника президента РФ Старовойтовой в «Известиях» № 180 от 11.08.92 г. (статья «Декларация прав человека должна получить гарантии во всех странах»). Цитирую: «Недавно в Америке на встрече, организованной Биллингтом, директором библиотеки Конгресса, Горбачев признался, что он начал понимать значимость национальных проблем только осенью 90 года (!). Мне сказали об этом пораженные конгрессмены — участники встречи». Вот вам лицо нашего лидера! Уже была бойня и в Сумгаите, и в Карабахе, и в Тбилиси, и в Баку, и в Средней Азии… А он только начал понимать.

5) Я был против роста не имеющей на своем пути преград преступности всех видов; против разложения и растления молодежи — будущего нашего Отечества; против падения демографических показателей нашей нации, что особо важно.

Демографическая катастрофа — самый убедительный показатель краха всех проводимых с 1985 года реформ.

Ранее, несмотря на годы Гражданской и Великой Отечественной войн, а они унесли десятки миллионов жизней, у нас в России население все-таки росло, хотя динамика роста была не столь яркой. Так, на каждую тысячу человек в 1913 году был прирост 15 человек, в 1950 году, т. е. при Сталине, — 17, в 1960 году — 16, а в 1970–1980 годах — уже только 6–7 человек. Но прирост был.

Сегодня самым тяжелым для нас показателем (и это опубликовано в докладе Детского фонда ООН) является то, что с 1985 по 1991 год уровень общей смертности в России вырос на одну треть, это в 3–4 раза больше в сравнении с другими неблагополучными странами. И главное — отмечается тенденция роста смертности: в первом полугодии 1993 года она возросла в 1,6 раза в сравнении с таким же периодом 1992 года. Резко уменьшилось количество браков, сократилась рождаемость.

6) Я выступал против ущемления интересов и авторитета нашего государства, против одностороннего сокращения Вооруженных Сил и вооружений, нарушения принципа равной безопасности, против уродливых форм конверсии военной промышленности, что вместе взятое наносило колоссальный ущерб обороноспособности, государственной безопасности и, естественно, суверенитету нашего государства. Вот куда надо было смотреть прокуратуре!

7) Я протестовал, когда ущемлялись интересы личного состава и особенно офицеров и членов их семей, выводимых спешно из стран Восточной Европы и Монголии в не подготовленные у нас в государстве районы. Категорически возражал в отношении дискриминационных условий пребывания наших военнослужащих в Прибалтике, Закавказье и некоторых районах Средней Азии.

Фактически по всем вопросам я вносил в разных инстанциях конкретные предложения и готов был включаться в их осуществление. К примеру, предвидя, что Варшавский Договор в течение года развалится, и зондируя почву среди натовцев, как они отнесутся к предложению распустить оба блока, сделал вывод, что последние не только не намерены предпринимать что-то ликвидационное в отношении НАТО, а наоборот — будут этот союз укреплять. Поэтому, учитывая обреченность Варшавского Договора, а к этому его привел Горбачев, я написал министру обороны и начальнику Генерального штаба доклад (конечно, в надежде, что он был представлен и Президенту — Верховному Главнокомандующему), где предлагал хотя бы за несколько месяцев до наступления признаков агонии Варшавского Договора заявить о его роспуске и гласно призвать Запад последовать

нашему примеру в отношении НАТО. Этим шагом мы способны были приобрести в свой актив хотя бы общественное мнение мира. Но и этого не было сделано. А получилось так, что весь мир оказался свидетелем позорного краха нашего оборонительного союза. Конечно, народы мира видели одновременно и другое: что все это — результат хорошо проведенной акции Западом (и в первую очередь ЦРУ) с помощью и активным участием лично Горбачева, а также его друзей по предательству.

Или вот еще пример. Зачем нам надо было брать, унижаясь, деньги у ФРГ для строительства жилых домов офицерскому составу частей Западной группы, выводимых из Германии? Ведь предлагалось вообще ничего не брать. На мой взгляд, немцы обязаны были сами построить нам столько военных городков и жилых помещений для офицеров, сколько требуется, а не ограничиваться теми крохами, которые Коль посулил Горбачеву в обмен на решение Советского Союза дать согласие на объединение Восточной и Западной Германий. Мы только недвижимости и военного имущества оставили в ГДР на 90 млрд. западных марок, а Коль давал 13,5 млрд. и из них лишь 7,8 на строительство. Ведь было бы прекрасно, если бы по мере готовности военных городков и жилого фонда офицерам выводились бы и наши воинские части из Германии. Куда нам с этим спешить? В конце концов, мы же победители! Не по своей инициативе мы оказались в Германии. Это гитлеровцы развязали войну. И мы, громя их, вынуждены были прийти в их логово.

Но ведь даже солидных торгов по этому поводу не было — Запад продиктовал, а Горбачев принял к исполнению. Но кто ему это разрешил? Никто! Я опять возвращаюсь к вопросу, который часто уже задавался: самолично Горбачев управлял страной или с кем-то считался? Ответ однозначен — только самолично и только в ущерб стране (не считая, разумеется, Яковлева и Шеварднадзе, которые с Горбачевым составляли одно лицо). Ни Верховный Совет, ни Кабинет министров, ни Совет Федерации, ни тем более другие государственные органы для него не имели никакого значения!

Так же, не торопясь, надо было поступить в отношении наших войск в Венгрии, Чехословакии и Польше. Ведь Советский Союз освободил народы этих стран от гитлеровской оккупации. И эти страны должны хотя бы компенсировать то, что мы за все десятилетия там настроили. А это тоже миллиарды долларов. Мы же, по милости Горбачева, спешно покинули страны Восточной Европы, подгоняемые бывшими нашими друзьями, которых Горбачев в короткие сроки сделал нашими врагами.

Когда в стране всем уже стало ясно, что мы живем

значительно хуже в сравнении с недалеким прошлым, то Горбачев и его приспешники начали увещевать, мол, не надо драматизировать обстановку. Когда же страна встала на грань катастрофы и должна была уже развалиться, то они заговорили: надо что-то предпринимать, создавать хотя бы какую-то конфедерацию.

Еще и еще раз подчеркиваю: все доводилось до степени необратимости процесса! И делалось это умышленно. Это очень важный вывод, и я прошу Суд обратить на него особое внимание.

Мне, как военному человеку, нельзя обойти Вооруженные Силы. В годы перестройки все делалось Горбачевым только в ущерб стране и Вооруженным Силам, обороноспособности государства, а прокуратура не сделала ему даже замечания. То, что армию надо было сокращать (как и старое вооружение), никогда ни у кого из военных не вызывало сомнений. Но то, что это надо было делать на условиях равной безопасности с Западом, а не односторонне, как это фактически имело место, — это тоже всем было понятно!

Ну, а что было на самом деле? Что у нас вызывало особое возмущение и явилось причиной моего несогласия с политикой Горбачева? Приведу лишь некоторые примеры.

Первый. О стратегических ядерных силах. Под лозунгом «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и якобы в целях «прорыва» в отношениях между Западом и Востоком подписали особо ущербный для Советского Союза договор о сокращении ракет меньшей и средней дальности. Мы сократили своих носителей в 2,5 раза больше и своих боеголовок в 3,5 раза больше в сравнении с США. Возможно, и надо было пойти на прорыв таким методом. Но совершенно непонятно, почему в число подлежавших уничтожению был включен ультрасовременный, превышающий все зарубежные аналоги по всем характеристикам (даже в настоящее время) оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока»? Ведь кроме того, что в то время он только пошел в производство, что перешли на это вооружение армии некоторых социалистических стран и наши военные округа на Западе, что он стоил большого труда ученых и рабочих, что он обошелся народу в миллиарды рублей — он просто по своим параметрам не подпадал под сокращение. И не должен был быть ликвидирован! Кто бы инициативу ни проявлял, — Шульц или сам Горбачев с Шеварднадзе, этот ракетный комплекс должен был остаться. Даже у многих американцев такой дикий шаг вызвал удивление — по соглашению должны были ликвидироваться ракеты наземного базирования с дальностью 500 км и выше (кроме

межконтинентальных), а у «Оки» дальность до 400 км. Ведь уничтожение «Оки» — это государственное преступление. Где же была прокуратура?

Второй пример. Преступлением является и то, что без ведома Верховного Совета американцам передано более 50 тысяч кв. км в Беринговом море. Это лишило наш Военно-Морской Флот районов рассредоточения в этих водах, а армию и погранвойска заставило пересматривать свои планы обороны. Не говоря уже о колоссальном материальном ущербе — запасы нефти в шельфе, как известно, соизмеримы с кувейтскими; потеряно также 10 процентов улова ценных пород рыб. Согласно Конституции, право изменять границы имеет только парламент. В данном случае все сделано без ведома Верховного Совета.

Третий пример — о сокращении обычных вооружений и Вооруженных Сил. Да, у нас Сухопутные войска были больше, чем в США, и танков больше. Так у нас и соседей— десятки и сухопутная граница тянется на десятки тысяч километров. Но Горбачев почему-то все-таки пошел на одностороннее сокращение, хотя мы настаивали на том, чтобы в связи с этим предложить американцам одновременно рассмотреть крупное сокращение своего ВМФ, который значительно превышает флоты всех стран. Эта мера позволила бы сохранить паритет в мире. Однако США не только не допустили обсуждения этого вопроса, но, словно в насмешку над нами, Буш присутствовал на церемонии ввода в строй нового авианосца. Горбачев же в период нахождения у власти и пальцем не повел, опасаясь вызвать заокеанский гнев.

Четвертый пример — о выводе наших войск с территории стран Восточной Европы и Монголии. На самом деле это был не вывод, а позорное, трусливое бегство. Бегство в совершенно неподготовленные районы. Даже высокоразвитая, весьма экономически благополучная страна Канада выводила из Европы свою одну тысячу человек в течение двух лет. А мы за год выводили по 100–120 тысяч человек.

В итоге все это нанесло колоссальный ущерб государству, нашей экономике и обороне, моральному духу нашего народа и его Вооруженных Сил. Несомненно, все это делалось осознанно и вопреки несогласию и нежеланию Министерства обороны СССР.

Пятый пример — ликвидация радиолокационной (с фазированной решеткой) станции слежения за космическими объектами в Красноярске. Да, она была построена с некоторыми нарушениями договорило ПРО, где сказано, что станции такого типа должны размещаться по периметру страны (располагать их в глубине страны или выносить за пределы государства не

разрешалось). У нас станция была поставлена несколько в глубине. Политбюро ЦК КПСС и Совмин СССР приняли совместное постановление по этому вопросу с подачи министра обороны Д. Устинова. Это было сделано с целью уменьшения расходов на строительство (в Красноярске станция обошлась около 400 миллионов, тогда курс рубля на рынке шел один к одному; а если бы ее строили на Камчатке или Чукотке, то затраты составили бы более миллиарда). Создание такой станции требовала обстановка — надо было надежно закрыть «дыры» в системе СПРН на важнейшем северо-восточном космическом стратегическом направлении.

США подождали, пока мы почти полностью построили станцию, а затем предъявили претензии: нарушается договор по ПРО — надо станцию демонтировать! Но дело в том, что к этому времени сами США грубо нарушали этот же договор, размещая станцию такого же профиля в Туле (Гренландия) — не в одной тысяче километров от границ США.

Кстати, США сейчас настаивают, чтобы Россия демонтировала станцию на самом главном — северо-западном стратегическом направлении в Скрунде (Латвия). Клинтон даже выделил 7 миллионов долларов на демонтаж. Если это состоится, можно определенно сказать: наша система предупреждения о ракетном нападении полностью разрушена (имеется в виду система наблюдения наземными станциями).

Шестой пример — вывод войск из Афганистана. В феврале 1994 года мы отмечали пятую годовщину вывода советских войск из Афганистана. На официальном вечере, посвященном этой дате, Горбачев сделал беспардонное заявление, проведя аналогию между пребыванием наших войск в этой стране и войной американцев во Вьетнаме (проклиная при этом своих предшественников, принявших решение о вводе войск). Все это делалось, чтобы заретушировать и свою вину в Афганистане. Но фактически ни по целям, ни по задачам, ни по методам действий, ни по привлеченным силам и средствам, ни по потерям, ни по итогам этих событий никакого сходства они не имеют. Наоборот, здесь абсолютно полярная противоположность.

В то же время Горбачев умалчивает о другом. Политбюро ЦК КПСС в 1984 году уже четко знал, что разрешить афганскую проблему можно только политическим путем (на этом постоянно настаивали военные). Однако пришел 85-й, 86-й, 87-й, и только в 88-м начали вывод, а закончили его в 89-м. Но и эта акция, что особо важно подчеркнуть, была умышленно проведена с максимальным ущербом и для нас, и для афганского народа, и с максимальной выгодой для США.

Когда возникла идея проведения Женевских переговоров по афганскому вопросу, военные поставили условие: если предполагается участие в этом процессе США и Пакистана, то они тоже должны нести нагрузку, выполнять обязанности. В частности, мы предлагали, чтобы одновременно с выводом наших войск из Афганистана они ликвидировали на территории Пакистана всю инфраструктуру оппозиции (базы, арсеналы, лагеря и центры подготовки банд, командные пункты и т. пт). Горбачев и Шеварднадзе уверяли нас, что именно так и будет. Причем все будет проводиться под контролем наблюдателей ООН. Выполнение этого условия мы расценивали не только как залог мира на афганской земле, но и как средство воспрепятствования возможной угрозе переброски войны на территорию Средней Азии, что многократно обещал сделать Г. Хекматиар.

Что же произошло фактически? Наблюдатели ООН прибыли. Мы войска свои из Афганистана вывели. Но оппозиция не только ничего не ликвидировала, но с помощью США даже укрепилась. Сразу после ухода советских войск развернула широкомасштабные боевые действия на территории Афганистана. Появились талибы.

Спрашивается, кому нужны были тогда переговоры в Женеве? Ведь мы могли на двусторонней основе так же успешно вывести свои войска, как это сделали и при вводе?! Без участия США и тем более Пакистана. Но нет! Соединенным Штатам надо было показать миру, что якобы благодаря именно их участию, их давлению созданы были условия, когда Советский Союз был вынужден наконец убрать свои войска из этой страны. На всем этом США заработали колоссальные политические дивиденды. А в отношении нашей страны это выглядело позорно, преступно, и это факт.

Седьмой и последний пример — о конверсии военного производства в Советском Союзе. Это вопрос особой важности.

Уже в 1989 году стало понятно, что конверсия военно-промышленного комплекса приняла уродливые формы. Это наносило ущерб не только оборонным предприятиям и обороне страны, но и всей экономике государства. После настоятельных требований военных и руководителей ВПК Горбачев соглашается и 18.10.89 года проводит Главный военный совет. В нем принимают участие не только коллегия МО, руководители ВПК, но и все командующие войсками военных округов и флотов, многие главные и генеральные конструкторы, имеющие отношение к проблеме. После выступлений Горбачев, подводя итоги, сказал, что он полностью разделяет нашу тревогу и оценку

обстановки, даже поблагодарил выступавших и согласился со всеми внесенными предложениями. И пообещал, что в интересах оперативного разрешения всех проблем в этой области и в Вооруженных Силах он будет собирать Главный военный совет в этом составе не реже двух раз в год. А по заявленным критическим вопросам примет самые энергичные меры немедленно.

А что же было в итоге? Ни одной встречи! Проблемы же приобрели катастрофическую форму, т. к. никаких мер по предотвращению развала принято не было.

Но как Горбачев относился к этой сфере? Обычно он разглагольствовал о том, что военная промышленность изуродовала нашу экономику и что Вооруженные Силы — это бремя для советского народа. К этим выводам он подталкивал и других (Арбатова, Коротича). Эта демагогия и постоянное угнетение армии и ВПК имели главную цель — развалить эти две силы в угоду Западу, в первую очередь США. Часто с трибун и со страниц журналов и газет эти лица задавали «эффектные» вопросы: «С кем вы собираетесь воевать? Скажите, кто собирается на вас нападать?» Это была открытая провокация. Кстати, кое-кто из руководителей буквально эти же вопросы задает и в наши дни (например, Черномырдин).

Всем им уместно задать встречные вопросы, а именно:

1) Для какой цели существует блок НАТО и почему он не распущен, как Варшавский Договор, тем более что статусом ООН предусмотрено создавать под эгидой ООН временные формирования для принятия мер в каких-то районах мира?

2) Почему блок НАТО не только не сокращается, а расширяется и укрепляется за счет принятия в свой состав новых членов?

3) Кто командует этим блоком и какие он ставит перед собой цели?

4) Претендуют ли США на мировое господство и как мы должны на это реагировать?

5) Почему все без исключения страны Запада постоянно совершенствуют свое оружие и широко им торгуют, а мы, наоборот, — свернули военное производство?

6) Почему у западных стран существует долговременная программа развития вооружений и укрепления своих национальных Вооруженных Сил, а мы все развалили?

7) Почему страны Запада захватывают все новые и новые рынки тоговли оружием, а мы эти рынки добровольно сдаем?

Эти и другие подобные вопросы тоже имеют прямое отношение к мотивации моего выступления против политики

Горбачева.

Но сейчас хочу еще раз подчеркнуть роль ВПК в общей системе экономики страны, в снижении расходов народа на военные нужды и в укреплении наших внешнеполитических позиций. Лучший способ хорошо все представить— это посмотреть, что делали в прошлом (копируя нас) и делают сейчас руководители крупных держав, которые не предали свой народ, не распродавали богатства своей державы, не ввергали народ в нищету, не уродовали экономику страны, хотя и имели и имеют сейчас мощный ВПК.

К примеру, наш сосед — коммунистический Китай. Он широко развил свой ВПК (как и США, ФРГ, Франция, Италия, Англия и даже Бразилия) и успешно продает оружие на мировом рынке. За счет этого он полностью содержит весь ВПК и частично армию. А с 2000 года всю армию будет содержать на средства, которые приобретает от торговли оружием.

А мы? Мы утратили все традиционные и очень выгодные рынки — их захватили в основном США. Мы полностью развалили свой ВПК. Намерены, очевидно, в ближайшее десятилетие отстаивать свое Отечество с вилами в руках. Во всяком случае, уже известно, что промышленность страны не только не способна поддерживать в боевом состоянии наш ВМФ, но и перестает выпускать боевые самолеты. Теперь, видимо, авиацию будем приобретать за рубежом, как Замбия. Не производим танки.

Если до 1990 года СССР имел устойчивую прибыль от продажи оружия в размере 12–15 млрд. долларов в год (а иногда и 20) — это значительно больше, чем США, то уже в 1992 году все страны СНГ продали оружия только на 2,6 млрд. долларов, в том числе Россия — на 1,5 млрд. Но и это — за счет ранее произведенного вооружения. А США увеличили свою прибыль от торговли оружием в 1992 году в два, а по некоторым видам в три раза. Сейчас на мировом рынке страны НАТО занимают в продаже оружия 70–80 процентов (в т. ч. 50 % США). В 1993 году экспорт оружия в России составил менее 1,5 млрд. долларов, а в США — более 34 млрд. долларов.

Важно отметить, что с утратой рынков продажи оружия мы утратили и политическое влияние на многие страны. Торговля оружием ведется не только ради получения экономических выгод. Параллельно разрешаются и долговременные политические цели. Часто они являются главными.

Я, как и все нормальные люди, видел пагубность политического курса Горбачева, не соглашался с ним, вносил конкретные предложения.

В связи с этим хочу заявить, что готов в любое время дать подробные показания Суду, Генеральной прокуратуре либо парламентской комиссии о том, как политическое руководство страны во главе с Горбачевым целенаправленно разваливало наши Вооруженные Силы и оборону страны в целом.

Приведенные выше примеры можно было бы продолжать. Но даже сказанное говорит о том, что все было сделано так, чтобы нас максимально принизить, превратить в пыль авторитет нашего государства, нанести политический, морально-психологический, военный и невосполнимый материальный ущерб. Отбросить Советскую державу на десятилетия назад.

Я был против такой внутренней и внешней политики и такой позорной перспективы для нашего народа. Не за это мы и наши предки боролись, не за это мы потеряли миллионы жизней в годы Великой Отечественной войны, в том числе в Европе. Не за это! Мы думали о счастье наших советских людей.

Вот мое мировоззрение! Поэтому предателей и изменников ненавидел всегда! И презираю их сейчас. Патриотов поддерживал и вижу себя в их рядах.

Своих взглядов и позиций никогда, нигде, ни перед кем не скрывал, не скрываю и не намерен скрывать и тем более менять. Могу только подтвердить, что мои взгляды, мое мировоззрение создавались и созревали с юных лет. И в первую очередь, в годы Великой Отечественной войны, в годы суровой службы в послевоенное время, в годы войны в Афганистане, в других странах Ближнего и Среднего Востока, Африки, а также в период проводимых нами, военными, миротворческих шагов на Кавказе, в Прибалтике и других районах страны, в период ликвидации катастроф и аварий в России, на Украине, в том числе в Чернобыле.

Я был, есть и останусь человеком коммунистических убеждений. Я не отрицаю весьма далекую перспективу некоторых его положений, но я всегда считал и буду считать, что только социализм способен принести народу социально справедливое общество. Принципы социализма отражают и социальную сущность библейских сказаний, т. е. они — глубинные.

Насмотревшись за четыре с лишним года на все мытарства и страдания афганского народа и видя, что есть, хоть и хрупкая, возможность стабилизировать ситуацию в нашей стране, предпринимал к этому все необходимые меры. На местах во встречах с гражданскими организациями или военными частями, а также в личных встречах с руководителями республик и страны, в выступлениях с трибун различных форумов — везде и всегда старался правдиво, кратко и популярно показать, куда мы

катимся и что конкретно надо делать, чтобы не допустить беды.

Этому были также посвящены мои выступления на съезде народных депутатов СССР и на закрытом заседании Верховного Совета СССР в 1990 году по вопросу обстановки на Кавказе; выступление на заседании Совета Федерации, проведенном Президентом СССР весной 1991 года, по вопросу обстановки в Прибалтике (там также выступал народный депутат А. Денисов); мои телеграммы из Прибалтики и с Кавказа (особенно из Баку), в адрес руководства, кстати, это подтверждает в своих показаниях и свидетель Горбачев; мое письмо председателю КГБ с оценкой обстановки в стране (1990 год) — оно имеется в Генеральной прокуратуре; мой письменный доклад министру обороны и начальнику Генштаба (1990 год) о том, что Варшавский Договор непременно развалится и какие необходимо, на мой взгляд, предпринять выгодные для нашего государства упреждающие меры; доклад Военного совета Сухопутных войск Верховному Совету СССР о недопустимости порочной практики призыва на службу в Вооруженные Силы.

А возьмите мое выступление на научной конференции руководящего состава Вооруженных Сил,7.12.90 года. Оно помещено в журнале, изданном Министерством обороны СССР, и полностью посвящено насущным проблемам нашего государства. Я позволю сообщить только отдельные фрагменты. В расследовании моего дела Суду будут небезынтересны эти взгляды.

Цитирую:

> «Сейчас на первый план выдвигаются причины политического характера. При этом возможность решения оборонных задач ставится в прямую зависимость не только от внешнеполитической ситуации, но и от внутренней стабилизации в стране. Фактически именно отсюда сегодня грозит смертельная опасность разрушения нашего государства. Поэтому теория и практика должны учитывать и эти особенности.
>
> Сейчас нельзя просто опираться на традиционный опыт. Сложившаяся обстановка не имеет даже приблизительных примеров из прошлого.
>
> Мы отвечаем перед народом за оборону государства, и пренебрегать опасностью, которую таит в себе общая обстановка в стране, мы не имеем права.
>
> Нам надо наконец понять, что события, которые происходят у нас сегодня, полностью отвечают стратегическим интересам США и НАТО. Единственное

их опасение— чтобы в период развала государства (т.е. СССР) не могло бы произойти несанкционированное применение наших СЯС. Они внимательно следят за нашим самоедством. Наблюдают и ждут, что мы сами с собой сделаем. А затем без выстрела «помогут» нам завершить эти процессы».

Обратите внимание — это было сказано в декабре 1990 года. Открыто, с трибуны конференции. А сегодня 1994 год, и все это подтверждается.

По итогам научной конференции Вооруженных Сил министр обороны и начальник Генерального штаба направили Горбачеву доклад, где, конечно, были изложены и эти мои мысли.

Спрашивается, какое еще нужно было просвещение и тревожное предупреждение нашему президенту, если главком, заместитель министра обороны, народный депутат открыто поднимает такие вопросы? Ведь это уже протест!

Все это и многое другое я просил приобщить к делу. Однако Генпрокуратура отказала мне.

При встречах непосредственно с Горбачевым и его ближайшими соратниками я также стремился проводить эту же линию — т. е. показывать, что народ, в том числе офицеры и армия в целом обеспокоены положением дел, что они требуют принятия мер, и я называл ему меры и способы проведения их в жизнь.

Об этом я также докладывал Горбачеву на Главном военном совете еще 18.10.89 года; на Совете обороны в 1990 году и летом 1991 года; во время военных маневров проведенных в границах Одесского военного округа летом 1990 года (привлекались Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Военно-Морской Флот и Воздушно-десантные войска) — мне было поручено готовить, проводить и в ходе учения пояснять Горбачеву характер действий войск. Докладывая, я одновременно настойчиво проводил линию, о которой говорил выше, то есть посвящал его в настроения людей, в наши нужды. Кстати, показал ему также, что подготовка Буша к войне в Персидском заливе не что иное, как проверка возможностей и способностей НАТО мобилизовать и приобщить к своей коалиции другие страны, в т. ч. Советский Союз, принизить роль и место СССР в мире и, наконец, то, что Буш преследовал в этом конфликте и свои личные интересы — в Кувейте добывала нефть его собственная фирма, о чем писала американская газета «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт». Кроме того, я рассказывал Горбачеву о тяжелом положении офицеров в связи с выводом войск из стран Восточной Европы и Монголии.

Поэтому то, что я ему говорил уже в 1991 году в Крыму, было для него не ново, и он мне об этом сказал во время беседы. Да и Дмитрий Тимофеевич Язов постоянно и многое ему докладывал.

Во встречах и беседах с И. Силаевым, еще когда он был в положении первого заместителя предсовмина СССР, а затем В. Величко — тоже в этом же ранге (каждому из них поочередно поручалось заниматься Прибалтикой и возглавлять правительственную комиссию, а я в нее входил) я также тогда старался проводить линию на восстановление конституционности и стабильности в Прибалтике.

Смысл моих выступлений, бесед и телеграмм 1990–1991 годов можно проверить хотя бы по шифротелеграммам, которые я направлял из Вильнюса и Баку (кстати, некоторые из них обсуждались и были приняты на Политбюро ЦК КПСС, о чем мне, например, в Баку сообщали Е. Примаков и А. Гиренко). Всегда все в телеграммах я сводил к одному: спрашивал — какую мы ставим перед собой цель? Это, в свою очередь, должно определить соответствующие методы действий. И далее конкретизировал (прошу обратить внимание). Цитирую:

«Если мы решили, к примеру в Литве, заставить все органы работать по существующей Советской Конституции и выполнять положения Конституции Советской Литвы, Указы Президента СССР (а они постоянно подвергались надругательству со стороны Ландсбергиса, что вызывало возмущение народа Литвы), то должны быть и соответствующие меры, и методы наших действий. Я лично полагаю, что на территории Литвы необходимо ввести временно президентское правление (на период приведения всего в соответствие с законом).

Если же мы считаем, что надо только притушить возгорающееся пламя национализма, сепаратизма и анархии (чем, кстати, мы и занимаемся), то надо иметь в виду, что под образующейся коркой мнимого спокойствия будет обязательно создаваться критическая масса, которая в конечном итоге приведет к взрыву и тяжелейшим социально-политическим деформациям, жертвам и крови, и не только в Прибалтике.

И, наконец, может быть третий вариант нашей цели — дать полную свободу событиям, т. е. ничего не предпринимать и никого не трогать. Считать все происходящее нормальным процессом демократического развития, следовательно, не надо «драматизировать» обстановку, о чем нам постоянно напоминают некоторые члены Политбюро. В этих условиях вообще не следует вмешиваться в происходящие процессы, дать полную свободу центробежным силам. Но я предупреждаю: нам надо иметь в виду, что эти силы в конечном итоге разнесут не только

Прибалтику, но и весь Советский Союз».

Вот об этом я писал в докладах, и это можно подтвердить документами, телеграммами в Москву. Об этом в 1991 году я говорил на заседании Совета Федерации, где фактически провоцировал Горбачева к тому, чтобы он обрушился на меня. Но все прошло мимо. Он вообще ушел от ответов на поставленные вопросы.

К сожалению, события развернулись по третьему, катастрофическому варианту.

Что же касается моих практических шагов по умиротворению и стабилизации обстановки, то они имели место фактически везде и постоянно. Приведу только один пример — по Баку. Буквально на третий день после похорон погибших была организована по моей инициативе встреча с коллективом одного из крупнейших заводов города— имени лейтенанта Шмидта. Первоначально встретили меня «в штыки». Несколько часов шел тяжелый, но откровенный, правдивый разговор. Однако в итоге мы расстались не только мирно, но коллектив завода пообещал через два дня прекратить забастовку и приступить к работе. И действительно, через двое суток они разыскали меня по телефону уже в Нахичевани, где я налаживал функционирование железной дороги между Арменией и Азербайджаном, и доложили, что завод работает. И таких встреч было много, в т. ч. в Вильнюсе — с коллективом завода радиоизмерительных приборов; в Степанакерте — по просьбе покойного Поляничко встречался с первым секретарем горкома КПСС, которого я убедил в том, что надо прекратить забастовку хотя бы учителей, школы должны работать — дети не обязаны испытывать на себе гнет неурядиц, которые возникли у родителей. Школы открылись. Были встречи в Цхинвале (Южная Осетия) и т. д.

Так было везде, где мне приходилось бывать. В этих шагах можно проследить мое отношение и взгляды на социально-политические проблемы и явления, которые имели место у нас в стране. Они были однозначны и преследовали одну цель — мир, стабильность, законность и порядок.

В связи с изложенным, на мой взгляд, важно обратить внимание суда на картину, которую пытается сейчас выстраивать свидетель Горбачев в показаниях следователю.

В моих показаниях, как и в показаниях свидетелей Валентина Сергеевича Павлова, Владимира Александровича Крючкова, Дмитрия Тимофеевича Язова, Олега Семеновича Шенина, Олега Дмитриевича Бакланова в ходе предварительного следствия и в показаниях других, проходящих по делу ГКЧП, весьма четко отмечено, что и устными заявлениями в различных условиях, и

письменными докладами, и самими практическими действиями я и мои товарищи открыто и ясно еще до августовских 1991 года событий предпринимали шаги по недопущению катастрофы.

А пример из свидетельских показаний Станислава Ивановича Гуренко? Член Политбюро ЦК КПСС Гуренко ставит категорический вопрос о необходимости принятия мер по недопущению катастрофы, а Горбачев все это амортизирует, фактически игнорирует.

В то же время свидетель Горбачев в ходе предварительного следствия и особенно во время своих последних двухлетних выступлений по телевидению старается ввести общественность и правоохранительные органы в заблуждение. Он, в частности, говорит, что руководители, которые вошли в ГКЧП, всегда и во всем его поддерживали и что, мол, их выступление для него было неожиданным. То есть надо понимать, что вроде в лицо ему они говорили одно, то есть поддерживали и разделяли его политику, а сами фактически плели за его спиной «сети», готовили заговор!

Это лживое заявление! Оно, несомненно, является попыткой обелить себя, отвлечь внимание народа от преступных деяний Горбачева по развалу страны.

Во-первых, фактически все члены ГКЧП и другие лица ему лично официально не один раз письменно и устно докладывали о тяжелой обстановке и о необходимости принятия адекватных мер противодействия губительным тенденциям (в т. ч. речь шла и о ЧПГ о президентском правлении).

Во-вторых, сам он — Горбачев — не один раз давал личные указания многим (в т. ч. Валентину Сергеевичу Павлову, Александру Ивановичу Тизякову и др.) разработать вопрос о введении ЧП. Поэтому выход ГКЧП с предложением о введении в ряде районов ЧП не мог быть неожиданностью.

В-третьих, 23.11.90 года было принято постановление Верховного Совета «О положении в стране», где констатируется, что в стране создалась чрезвычайная обстановка, а в постановляющей части президенту четко и ясно предписывалось принять адекватные (т. е. чрезвычайные) меры.

В-четвертых, обстановка в стране, доведенная до критического рубежа, вынудила тех же членов правительства (впоследствии членов ГКЧП) просить Верховный Совет, и последний вынужден был в 1990 году принять Закон «О правовом режиме чрезвычайного положения».

В-пятых, выступление Павлова, Крючкова, Язова, Пуго на закрытом заседании Верховного Совета в июне 1991 года, их доклады — разве это не лучшее подтверждение принародного, открытого и прямого несогласия с линией Горбачева? Ведь они

требовали принятия экстренных мер, чтобы предотвратить катастрофу! В том числе имелись в виду в определенных районах и особые, чрезвычайные меры. Правда, докладывалось это культурно, цивилизованно, без непарламентских выражений, что позволяет себе Горбачев в общении со своим окружением, чем, кстати, гордится.

В-шестых, сам свидетель Горбачев, чувствуя, что введение ЧП неизбежно, тоже занимался изучением этой проблемы, находясь в Крыму. Показывал нам исписанные листы. И в своих воспоминаниях говорит об этом.

Таким образом, для Горбачева принципиально ни вопрос о введении ЧП в отдельных районах страны и отраслях народного хозяйства, ни само выступление ГКЧП, им же самим и спровоцированное, не были неожиданными. И он отлично знал мнения всего своего окружения, в т. ч. лиц, которые потом вошли в ГКЧП.

Весьма важно, что он ждал и желал этого! И хотел, чтобы кто-то ввязался бы в эту историю.

Горбачев, выслушивая такие предложения и даже требования, не говорил ни «да», ни «нет»! Своим бездействием он подталкивал добросовестное окружение к выступлению. При этом расчет был таким: в зависимости от успеха или неуспеха ГКЧП принять соответствующее решение — объединиться с нужными силами. А если выступление будет безуспешным — обвинить во всех грехах. То есть во всех случаях обеспечить себе положение «на плаву».

Что же касается моих действий, то я, с учетом своего служебного и депутатского положения, а также в меру своих сил и возможностей предпринимал все, чтобы наша страна не была ввергнута в пучину бед. И делал это открыто.

Мои действия, естественно, кое-кому не нравились и у нас (Горбачеву, Яковлеву, Шеварднадзе), и за рубежом (особенно руководству США). Американцы не могли простить мне моей позиции по Прибалтике. Даже в связи с этим дважды переносили мой официальный визит в США. Это было очень наглядно. А в итоге так и не пожелали, чтобы я приехал. Считаю, что правильно сделали: тем самым раскрыли свое отношение к тем, кто был против развала СССР.

У некоторых может сложиться мнение, что я именно сейчас высказываю критические замечания в адрес Горбачева. Отнюдь! В ноябре 1991 года мной на полях книги Горбачева «Августовский путч» были написаны комментарии, которые появились в прессе за месяц до свержения его с престола. Там я дал подробные разоблачения всех его основных измышлений. Одна из газет с

такой публикацией мною уже представлена в Суде.

Но очень важно, чтобы Суд обратил внимание на маневрирование, предпринимаемое Горбачевым. Цель одна— замести следы и уйти от ответственности за содеянное. Дико слышать, но факт — он думает баллотироваться в президенты России. Я вынужден еще раз сказать, что этот человек, опираясь на поддержку Запада, может пойти на любой безнравственный и беззаконный шаг.

Таким образом, причины и мотивы, побудившие меня к действиям в августе 1991 года, объективно существовали. Это дестабилизация обстановки в государстве и хаос в экономике, падение уровня жизни народа, реальная угроза государственной безопасности и обороноспособности страны, угроза развала СССР, что было реальным и самым главным.

А в целом — антинародная политика Горбачева. Все это вызывало у меня логичные адекватные законные действия! И никаких признаков преступных деяний я в них не усматриваю. Все законно опиралось на мои идеалы и жизненные позиции, на мои убеждения, а они отвечали требованиям Конституции СССР.

Второй принципиальный вопрос — мои политические и правовые оценки августовских событий 1991 года. Причинно-следственные связи этих событий с теми явлениями, которые их породили.

Августовские события 1991 года не возникли вдруг, внезапно, на пустом месте и на безмятежном политическом горизонте. Создание ГКЧП — это не плод действий беспечных, безответственных людей или лиц, рвущихся к власти. Члены этого комитета, как и я, как и многие миллионы поддержавших ГКЧП, прошли тяжелейшее морально-психологическое испытание, прежде чем решились на такой шаг протеста. Да, ГКЧП полностью не достиг поставленной цели. И это его вина и его беда. Но даже одно то, что члены ГКЧП пошли на такой благородный и ответственный шаг, уже говорит о многом. Это мужественный, патриотический шаг, на который могут решиться самые достойные люди, тем более в той партийно-государственной системе, в которой мы жили. Кстати, последнее, к сожалению, многие не могут себе представить даже сейчас. Такое выступление в тех условиях фактически просто исключалось.

С момента событий и по сей день существует один простой, но принципиальный вопрос, ответив на который можно, на мой взгляд, ответить и на все остальные. Вопрос пространный, но очень важный.

А именно — если бы Горбачев не подвел страну к катастрофе; если бы в государстве выполнялись хотя бы основные положения

Советской Конституции, на которой присягал и давал народу клятву Президент СССР; если бы выполнялись Указы Президента и не было войны законов; если бы не были разрушены хозяйственные связи и не наступила анархия в экономике и финансах, а вместе с этим и обнищание народа; если бы не разрастались межнациональные конфликты, кровопролитие, национализм, сепаратизм и экстремизм, а на пути все возрастающей преступности была поставлена преграда; если бы наша молодежь не подвергалась растлению и разложению; если бы Советскому Союзу не грозил развал, ущемление его суверенитета, государственной безопасности и обороноспособности; если бы всего этого реально не было, то появился ли бы ГКЧП? Или если бы со стороны Горбачева, которому дали неограниченную власть, предпринимались хоть какие-то меры противодействия этим тенденциям, имели бы место вообще августовские события?

Да нет, конечно! И само появление, и действия ГКЧП никакого сходства с путчем, мятежом или государственным переворотом не имели — этот ярлык был навешен в угоду Горбачеву лицами, которые желали использовать события как громоотвод в своих личных политических целях. Фактически же выступление ГКЧП — это протест против бездействия Горбачева в условиях приближающейся катастрофы — катастрофы, которую создал именно Горбачев.

Для членов ГКЧП и некоторых лиц (далеко не для всех), которые поддерживали ГКЧП или выполняли какие-то задания, все окончилось трагично. Но не это главное. Хотя совесть этих людей перед своим народом чиста, честь свою они не запятнали и закон в условиях правового беспредела не только не нарушили, а сделали попытку не допустить попрания Советской Конституции, сохранить Советский Союз. Главное же в том, что Горбачев и силы, стремившиеся к перевороту, использовали фактор появления ГКЧП для форсирования своих действий.

Важно обратить внимание Суда на один существенный момент. Горбачев и некоторые политики из руководетва сегодняшнего дня часто заявляют, что якобы ГКЧП повинен в развале Советского Союза, что если бы ГКЧП не выступил, то этого бы не произошло. Это ложь и стремление отвести удар от себя! Если бы ГКЧП и не выступил, то мы вползли бы фактически в ту же катастрофу. Мы к ней уже шли!

Но ГКЧП выступил и все обострил, раскрыл советским людям в своем «Обращении к народу» существо обстановки. Готов был принять меры к наведению порядка. И хотя еще и мер-то не было, а уже на рынках Москвы, у лавочников (особенно на Арбате) цены

на все товары понизились 19 и 20 августа в два раза. А 23 августа цены на те же товары подскочили в четыре-пять раз.

Не ГКЧП открыл путь экстремистским силам, а Горбачев, который обезглавил парламент, Кабинет министров, все силовые министерства, ЦК КПСС, посадив законопослушных руководителей (точнее, интеллигентных, но крайне наивных идеалистов) в тюрьму и тем самым нагнал страху на всех остальных — мол, их тоже может постигнуть та же участь. Таким образом, все было парализовано! Никто и ничто в государственных и партийных структурах не могло оказать какого-либо сопротивления экстремизму и сепаратизму.

Итак, называть ГКЧП антиконституционным, как это делает Генеральная прокуратура в Обвинительном заключении, — это не только безграмотно и совершенно неуместно, но и означает, что делаются умышленные шаги кому-то в угоду, в противоречии с истиной и с существом этого комитета и его действиями. Он, комитет, был ЗА Конституцию, а не против, не АНТИ. Уже только поэтому — конституционный.

И если сегодня еще раз охарактеризовать личности, входящие в ГКЧП (а это самое ближайшее окружение президента, стоявшее во главе всех властных и силовых структур государства), то ни у кого не могло быть сомнений в том, что они, взявшись за стабилизацию ситуации, могли бы справиться с этой задачей. Ни у кого, в том числе и у меня, не было сомнения, что в стране был бы наведен элементарный порядок и для народа была бы создана стабильная, безопасная обстановка, ликвидированы все межнациональные конфликты.

Заставили бы все и всех выполнять и Конституцию Советского Союза, и хозяйственные планы. Был бы положен конец анархии и войне законов, были бы созданы должные условия для развития истинной демократии и многоукладной экономики. А главное — была бы отведена угроза развала СССР, а республики, которые желали бы выйти из его состава, могли бы это решить цивилизованным путем, т. е. по закону. Во всяком случае, не было бы того кошмара, в который ввергли наш народ после августа 1991 года.

Стабильная обстановка, в свою очередь, привлекла бы и инвестиции иностранного капитала. Характерно: Клинтон продлевает коммунистическому Китаю режим наилучшего экономического благоприятствования! И не просто коммунистическому Китаю, а Китаю, который в 1992 году раздавил выступления студентов на центральной площади в Пекине (что, кстати, правильно сделал), а в 1993 году подавил выступления в Тибете.

А у нас десятый год идут по пути так называемой демократии» развалили по требованию и в угоду Западу Советский Союз, за последние годы размыли все коммунистическое, раздавили Советы, расстреляли парламент России, порвали с международным рабочим и коммунистическим движением, — и что же мы получили от Запада за все это усердие? Практически ничего! Продолжаем пребывать на третьестепенном уровне, в графе нестабильных стран мира с непредсказуемыми перспективами. А чтобы стратегическое ядерное оружие не могло представлять опасности для США, Клинтон принимает необходимые меры, о чем говорит его визит в Россию и недавний — в Прибалтику. Никто никогда не был и не будет заинтересован в развитии и укреплении России. Наоборот, будут стараться окончательно захомутать нашу Отчизну и командовать. Клинтон приказал к 31.08.94 г. вывести все наши войска из Эстонии — и мы покорно выполняем это требование.

Хочу подчеркнуть — все, входившие в состав ГКЧП, не имели амбиций на власть, большую той, которую уже имели. И никто эту большую власть и не получил в течение 19–20 августа 1991 года. У всех уже была чрезвычайно большая власть. А потом, это люди высокого долга, личной порядочности, для которых государственное, общественное — превыше всего. Никто не мог и помышлять зариться на президентскую власть — это обвинение выглядит неуклюже, в чем, надеюсь, Суд уже убедился (и это будет подтверждено в ходе допроса свидетелей, я уверен в этом). Наоборот, намеревались всячески помочь Горбачеву с учетом его трусливой и бездеятельной натуры, может быть, умышленно бездеятельной. А после установления порядка в стране, в т. ч. в народном хозяйстве, Горбачев по окончании своего отдыха мог и должен был вернуться на прежний трон, но уже в новых, более благоприятных для страны и для него условиях. И никто Горбачеву в этом не мешал. И хотя сегодня все это звучит глупо (Горбачева надо было решительно отстранять от власти любым путем), но все было именно так.

Вернемся в 1985 год. Все ринулись поддерживать идею всестороннего совершенствования нашей жизни: экономики, демократии, внешнеполитического курса, т. е. поддерживали перестройку. «Холодная война» заставляла народ беспокоиться о сохранении мира на земле, недопущении вооруженного столкновения. Все эти идеи, изложенные руководителем страны Горбачевым, были восприняты народом с большим энтузиазмом. Тем более что отдельные просветы от таких шагов по улучшению жизни народа уже конкретно просматривались в непродолжительный период руководства страной Ю.

Андроповым.

Уверовав в эти идеи и, следовательно, в Горбачева, все, как это было заведено, пошли за ним фактически вслепую, считая его достойным и верным народу лидером. Как это было, например, тридцать лет при Сталине.

В 1985 году в стране произошел взрыв демократии. Именно взрыв, а не преобразования с разумной подготовкой к ним народа и его всесторонним информированием. Первоначально внешне все казалось эффективным, вроде и правильным, прогрессивным. Якобы в этот период обеспечивалась гласность.

Вместе со взрывом гласности и демократии было якобы позволено говорить (выступать) всем и обо всем на равных: как тем, кому незаконно в прошлом запрещали это делать, так и тем, кто законно преследовался за соответствующие нарушения и преступления, т. е. не только инакомыслящим, но и уголовно наказуемым. Все всплыли! Взрыв так называемой демократии поднял все и всех со дна нашего общества. А социальное дно, как известно, есть в любом государстве.

Неопытному человеку, тем более нашему простому, доверчивому труженику, обычному обывателю в хорошем смысле слова, вдалбливалось, что он, как часто говорили Горбачев и Яковлев, вдохнул воздух свободы. И это внушали методически, постоянно, с напором всеми средствами массовой информации. В действительности же в этой мутной воде политиканы делали свое дело.

Какое же дело делали «архитекторы перестройки» со своими «прорабами»? Главное — провести четкую селекцию: в одном случае — кого допустить к так называемой демократии, а фактически к программе реставрации капитализма, т. е. тех, на кого можно было опираться; во втором случае — кому в этом отказать, а может, и дать по рукам, чтобы не мешал развиваться, так сказать, «естественному объективному демократическому процессу», как любил говорить наш генсек, т. е. по рукам давали тем, кто был против реставрации капитализма.

Но, говоря о демократическом процессе в обществе, целесообразно взглянуть на демократизацию в высшем в то время органе страны — ЦК.

При Сталине в здание ЦК можно было свободно пройти, предъявив партийный билет.

При Горбачеве разрешение на то, чтобы выписали разовый пропуск (при наличии партбилета), давал лично заведующий отделом. Но самое главное — обстановка в ЦК была такая гнетущая, душная, что не хотелось туда приходить. Царила какая-то всеобщая подозрительность, напряженность. Даже

разговаривали с посетителями (да и между собой) скованно, не по-человечески, с оглядкой.

И все это посеял Горбачев — «великий демократ». В итоге проводимой политики в стране и партии наступает гиперполяризация политических сил, в основе которой лежало полное перераспределение средств массовой информации и высоких трибун. Кто их раньше имел и выступал за Конституцию (пусть даже с ошибками и нарушениями), тот полностью лишался этих средств и соответствующих возможностей. А тот, кто якобы олицетворял демократию, но выступал против Конституции, против сохранения Советского Союза, против Советов, против социализма, за капитализм и, следовательно, за обнищание трудящихся, падение престижа, авторитета, государственной безопасности, суверенитета и обороноспособности страны, — тот получал широкую дорогу и все средства массовой информации для обеспечения своих действий.

Из года в год, начиная с 1985 года, у нас в стране становилось все хуже и хуже. Казалось, что давно надо было бы принимать меры, и в первую очередь лично к нему, Горбачеву, и к тем, кто непосредственно организует развал страны. Выражением необходимости таких мер были протесты, которые высказывались, и не один раз, в республиках, в областях, на производствах, на пленумах ЦК КПСС, на съездах народных депутатов. Настроение и возмущение народа, несомненно, доходили и до него. Следовательно, это доходило и до будущих членов ГКЧП. Они, конечно, аккумулировали информацию. Но Горбачев с помощью Яковлева, очень хитро и умело маскируя свою стратегическую цель, скрываясь за бутафорной демагогией о социализме, продолжал вместе со своими соратниками идти прежним предательским курсом. Новые инъекции радужных обещаний в воспаленное сознание народа — и Горбачев опять получает вотум доверия и продолжает вести страну к рубежу, на котором все перерождается, переходит в необратимые разрушительные процессы. Еще раз подчеркиваю этот очень важный вывод.

Для полного и правильного представления о моих переживаниях, о моем внутреннем состоянии в то время (а я уверен, что это переживали почти все мои соотечественники) я прошу Суд выслушать еще один довод. Оценивая сложившуюся обстановку, внутренне каждый из нас, людей, тертых жизнью, чувствовал, что должно произойти что-то тяжелое. Некоторые прямо говорили, что все идет к государственному перевороту. И что для организаторов таких действий было очень важно «спрятать концы», т. е. представить события в таком свете, когда

главный смысл всего происходящего, именно сам государственный переворот, был бы скрыт от общественности. А смена социального строя прошла бы под лозунгами социализма и Советской власти. А потом можно было бы и сбросить эту декорацию о социализме и Советах.

Для этого нужна была надежная ширма. Такой ширмой явился XXVIII съезд КПСС (1990 год).

Кратко прокомментирую несколько фрагментов. Вот фрагмент доклада Горбачева (см. «Материалы XXVIII съезда КПСС», стр. 3):

> «За пять лет (т.е. с 1985 по 1990г.) мы сделали революционный рывок, и это позволило нам выйти на главный перевал. Вопрос сегодня стоит так: либо советское общество пойдет вперед по пути начатых глубоких преобразований, и нас ждет достойное будущее, либо верх возьмут контрперестроечные силы, и тогда страну, народ ждет мрачное время… Так что разговор предстоит начистоту, надо поставить все точки над i».

И далее шла демагогия о том, какое тяжелое наследие нам досталось, о противодействии каких-то бюрократических слоев (безымянных) в управленческих структурах и т. п. «Но мы, — говорит Горбачев, — сделаем все, чтобы перестройка развивалась, как мирная революция, переводя страну в рамках социалистического выбора в новое качество без потрясений» (стр. 9).

Ну, не фарисейство ли это? Для большей убедительности, а точнее — обрлванивания людей на съезд было представлено так называемое «Программное заявление XXVIII съезда КПСС», озаглавленное — «К гуманному демократическому социализму» (автор, естественно, Яковлев).

К этому несчастному социализму, к строительству которого, как я уже говорил, за все годы Советской власти мы так по-настоящему и не приступили (при Сталине заложили фундамент), к этому социализму популисты-политики только успевали менять прилагательные и ничего не делали по существу. Вот и на XXVIII съезде социализм уже стал гуманным и демократическим. Хотя он должен быть просто по-настоящему социализмом.

Но «Программное заявление» звучало! И это убаюкивало всех, в том числе и меня.

На стр. 80 говорится: «…партия противодействует силам, которые хотели бы повернуть общество вспять — к буржуазному строю» (это я особо подчеркиваю). А фактически перестройка

была подчинена именно этой цели — возродить буржуазный, т. е. капиталистический, строй.

На стр. 89–90 сказано решительно: «Пока существует опасность вооруженных конфликтов, стране нужна надежная оборона».

Ну, не кощунство ли все это? Не цинизм ли высшей степени? Ведь Вооруженные Силы уже разрушались. И разрушались Горбачевым!

Все заявления, все декларации на протяжении всех лет перестройки были рассчитаны только на притупление бдительности, обман и оболванивание народа. Обстановка в стране уже была плохой и продолжала ухудшаться из месяца в месяц. Лозунги и решения съезда КПСС, съездов народных депутатов, пленумов ЦК КПСС и других форумов не только не выполнялись, но и мер к тому не предпринималось. Более того, демократическими СМИ высмеивались. Однако Горбачевым все подавалось так, что мы за пять лет якобы совершили революционный рывок, другого пути у нас нет, и иного нам не дано. А жизнь становилась уже нетерпимой.

Все это прекрасно видел весь народ. Росло возмущение. Приезжаешь в воинскую часть, в училище, военную академию, на завод, к труженикам колхозов, к ученым (я был народным депутатом СССР) и не знаешь, куда глаза девать, что отвечать на конкретные вопросы, а главное — почему у нас все хуже и хуже и не видно никакого просвета? Ведь перестройка предусматривает улучшение, а не ухудшение.

Поэтому заявление о том, что появлению ГКЧП предшествовал большой период все ухудшающейся жизни народа, считаю обоснованным. Ухудшение сопровождалось постоянным удобрением морально-психологической почвы идеологией Горбачева — Яковлева, рассчитанной на разрушение социалистического государства, нашего Союза, но под лозунгами:

> «Нам надо побольше социализма!»
> «Социализм должен быть с человеческим лицом!»
> «Мы должны больше заботиться об общечеловеческих ценностях».

В один из дней после вечернего заседания на XXVIII съезде КПСС Яковлев встретился в узком кругу с группой единомышленников и в своем выступлении без демагогической паутины прямо сказал, что им написана книга по переустройству «этой страны», но ее пока опубликовать нельзя. «Меня повесят на первом столбе», — так выразился Яковлев. Все это стало известно многим делегатам съезда, в связи с чем разразился скандал.

Отлично понимаю, что, говоря об этом сейчас, я делаю неоценимую услугу Яковлеву, представляя его «выдающимся борцом» против коммунизма, что, несомненно, должно быть оценено по достоинству Западом, ЦРУ и, естественно, российскими псевдодемократами.

Но я представляю и другое: во-первых, я обязан раскрыть истину. Народ должен знать правду. Во-вторых, оценка «подвига» Яковлева соответствующими кругами Запада уже состоялась — он, как при Брежневе и Горбачеве, и сейчас продолжает руководить СМИ России (никто его столкнуть не сможет, т. к. это номенклатура ЦРУ). В-третьих, как бы Запад ни ценил своих холуев и как бы он им ни платил, все-таки и там предателей считают предателями, как и везде.

Каждому теперь ясно, что творение Горбачева — Яковлева и есть все то, что у нас происходило в годы перестройки и к чему мы пришли сегодня. Задание Запада было выполнено. Хочется еще и еще раз вспомнить высказывание бывшего директора ЦРУ Роберта Гейтса, напечатанное в «Известиях» в декабре 1991 года: «Мы понимали, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно было разрушить только взрывом изнутри. И мы принимали меры. Но то, что творится сейчас у вас (т. е. в Советском Союзе), то это даже для нас какой-то кошмар». Это было сказано в начале декабря 1991 года, до полного разлома Союза и либерализации цен. Даже то, что было тогда, для них уже было кошмаром! То есть разрушительные деформации в Советском Союзе превзошли все их ожидания. А что произошло после, это уже не поддается и описанию. Запад только восторгается нашим саморазрушением и самоедством, что приведет к окончательному падению России.

Но почему у Запада такое неотступное влечение к Советскому Союзу, а сейчас — к его бывшим республикам и в первую очередь к России? Да потому что здесь несметные природные богатства, без которых Западу в перспективе не обойтись, а Европа вообще задохнется через 20–25 лет. Плюс человеческие ресурсы с огромным природным даром. Однако чтобы добраться до этих сокровищ, им надо было сломить нас, что и выполнено, благодаря предательству Горбачева, Яковлева и других.

Предвидя трагедию, мы предпринимали всяческие шаги по недопущению падения нашего государства. Бездействие Горбачева казалось в то время для нас результатом его ограниченных физических и умственных возможностей (власти дали больше, чем любому монарху, но он ею, не хотел, не мог и не знал, как распорядиться). Некоторые объясняли это также и

его нерешительностью, трусостью. Фактически все перечисленное действительно имело место. Но главное, как теперь ясно, в другом — бездействие было умышленным и преследовало одну стратегическую цель: довести все процессы разлома государства до такой степени, когда они уже будут необратимыми.

Чью волю исполнял Горбачев? Какую страну он разрушил? Какой ущерб он нанес нашим народам и миру? Эти вопросы интересуют всех. Для иллюстрации сошлюсь на лиц из прошлого и настоящего. Из прошлого — Черчилль, а из настоящего — Бжезинский (он уже прямо касается Горбачева). Плюс наши соотечественники.

Верховный Совет СССР уже в 1990 году говорил о том, о чем ГКЧП говорил в августе 1991 года, т. е. через 9 месяцев после принятия Постановления (23.11.90 г.).

В Постановлении говорится, что Законы и Указы Президента СССР не выполняются. Отмечено, что «надо признать функционирование и результаты деятельности высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти СССР, республик и местных органов не соответствующими изменившимся политическим и социально-экономическим условиям в стране».

Далее говорилось, что в связи с этим надо принять срочные меры и — цитирую: «…рекомендовать Президенту СССР в двухнедельный срок внести в Верховный Совет СССР предложения…» А далее идет перечисление, по каким вопросам будет разработана программа неотложных мер по улучшению продовольственного положения в стране.

Затем Президенту СССР предлагалось (что особо важно) — цитирую: «…в случае нарушения определенных Конституцией СССР прав граждан и возникновения угрозы их жизни, здоровью и имуществу принять все предусмотренные законодательством СССР меры, вплоть до чрезвычайных» — конец цитаты. Тоже все четко и ясно! У нас война уже шла в ряде районов страны.

Небольшие комментарии некоторых выступлений. О речи Назарбаева на съезде. Надо сказать, Назарбаев являлся Горбачеву близким человеком. И даже у него в декабре 1990 года уже кончилось терпение. Он прямо говорит то, что говорил и ГКЧП в своих документах: Горбачев подвел страну к небывалому за всю историю кризису, все его обещания оказались политическим трепом. Фактически он, Назарбаев, не согласен с политикой Горбачева, с тем, что народ СССР унижен и оскорблен.

Или Черняев — один из самых близких Горбачеву людей, с которым он делился всем и советовался. Даже он вынужден прямо сказать, что именно Горбачев создал ситуацию развала

страны, а основное окружение Горбачева отторгало его курс, его политику.

Ну, разве у меня могло быть иное отношение к политике Горбачева? Конечно, в этих условиях всем нам нужно не только реалистично оценивать общую обстановку, видеть правильно то, что на поверхности, но и умело строить тактику и стратегию по отношению к тем силам, которые не предусматривались, но были главными. Организовать решительные действия, а не увязнуть в схоластической трескотне.

Надо было уже не позже 89—90-го годов создать легальную, мощную оппозицию президенту. И это можно было сделать на базе депутатской группы «Союз», объединившей в себе несколько сот народных депутатов. Я тоже туда входил. И не лавировать, не идти на поводу у президента, доверяясь его очередным лживым заявлениям. Оппозиция должна была четко определиться — куда направить острие нашего удара. Ведь главный врагг который дирижировал всем и всеми, в том числе Горбачевым, Шеварднадзе, Яковлевым, был не на ладони. Его надо было умело выявить, разоблачить и разгромить идеологически и политически. Но этого не произошло. Горбачев не дал! А эта третья сила, воспользовавшись благоприятными условиями, подготовила и с помощью предателей нашего Отечества провела взрыв Союза изнутри, что впоследствии многократно подтвердило ЦРУ.

Эта сила, к которой никаких эффективных мер не было принято (о ее существовании только робко говорилось, в т. ч. и на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17.6.91 г.), и сейчас глубоко заинтересована в дальнейшем разломе нашей России, в разграблении наших богатств и проведении в жизнь своих замыслов — навсегда обосноваться в нашей стране, направляя, так сказать, ее дальнейшее «развитие».

Что же это за сила? Это элита западных держав, в руках которых находится формирование всей внешней и внутренней политики, плюс российская продажная компрадорская буржуазия, российские продажные политики и агенты влияния (собственно, это почти одни и те же лица).

Важно отметить, что на каждом этапе так называемого «нашего развития» за последние годы третья сила делает ставку на соответствующего лидера. Я согласен с утверждениями средств массовой информации о том, что как в 1990–1991 годах Запад переориентировался с Горбачева на Ельцина, так и сегодня Запад уже меняет свои ориентиры, понимая, что на Ельцине далеко не уедешь.

А Горбачев реанимируется. Но это все делается в пику

существующему российскому руководству, а не для того, чтобы его поставить у власти. Одновременно Горбачев нервничает. И это понятно — наступает время, когда ему придется наконец отвечать за все содеянное. И он, чтобы отвести от себя удар, теперь пойдет на все, на любую пакость, как это и было в прошлом.

Еще раз вернусь к мысли о том, что выступление ГКЧП, по словам Горбачева, якобы расчистило путь экстремистским силам к захвату власти. В связи с этим я бы хотел заявить следующее: во-первых, если бы Горбачев не обезглавил, как уже говорилось, все силовые структуры государства, если бы он не разогнал съезд народных депутатов и КПСС, разве это возможно было бы? Разве Язов, Крючков, Пуго так бы все отдали? Да нет, конечно! И, во-вторых, уместно спросить у свидетеля Горбачева: откуда взялись эти экстремистские силы? Они же не появились именно 19 или 20 августа? Кто их породил? Кто способствовал их появлению, формированию годами в определенные структуры, их закреплению и выступлению? Кто способствовал их вооружению? Кто предоставлял им в первую очередь все СМИ, в т. ч. телевидение?

Ведь до 1985 года и в помине не было ничего подобного! Горбачев и его подельники по разлому Советского Союза — вот кто авторы создания этих экстремистских сил. Этого и доказывать не надо. Но мне совершенно непонятно: человеку доверили уникальное государство — он его умышленно погубил, а сейчас на обломках этого государства этому человеку дают трибуну, чтобы он мог себя обелить. Почему все это у нас возможно?

Уважаемый Суд! Я умышленно изложил все это подробно для того, чтобы правильно и правдиво показать, с кем мы имели дело, и контурно обрисовать ГКЧП, августовские, 1991 года, события и мое отношение к ним. Показать их так, как я представляю. Высказать озабоченность судьбой нашей страны, нашего народа.

Бездействие Горбачева, непринятие им мер там, где этого требовала обстановка, не только выводило все на уровень необратимости разрушительных процессов, о чем я уже многократно говорил, но и подталкивало к действию наиболее сознательную и ответственную часть лиц из его окружения, действительно переживающих за судьбу страны и нашего народа, имеющих мужество, но и соблюдающих такт, а не проявляя грубую силу. Еще и еще раз говорю, что эти действия, безусловно, были спровоцированы бездействием Горбачева и его намеком в Форосе на возможное выступление. Они, эти лица из высшего эшелона власти, оказались одновременно в безвыходном положении, сознавая необходимость спасения Союза, недопущения развала страны, недопущения подписания Союзного

договора.

ГКЧП можно упрекать во многом: в нерешительности, в поразительной нерасторопности, в непоследовательности, в слабом информировании народа о целях своих действий, в отсутствии должного контакта со всеми государственными органами и республиками, особенно с Российской Федерацией.

ГКЧП можно критиковать за то, что он не добился встречи с Президентом РФ и не погасил своевременно совместными действиями возникший конфликт. Ведь тогда еще была надежда, что это можно сделать.

ГКЧП можно и нужно критиковать за то, что он не настоял на том, чтобы Горбачев 18.8 приехал в Москву и разобрал все вопросы, хотя он сам никакой инициативы в этом не проявлял, но это ему предлагалось. Надо было тогда же, 18.8, всему ГКЧП или его большей части вылететь к нему и разрешить все проблемы вместе.

ГКЧП заслуживает упрека и в том, что, взявшись за большое и жизненно важное для страны дело, не довел его до конца, а на первом же крутом повороте прекратил свое существование и предстал беззащитным перед оппозицией, которая, к всеобщему удивлению, оказалась кровожаднее любого врага.

Во всяком случае, ГКЧП можно упрекать, критиковать, ругать и говорить о нем все, что угодно, но обвинять комитет в том, что он антиконституционен и имел целью захват власти — это не только неубедительно и бездоказательно, но и абсурдно! ГКЧП предлагал не останавливаться и не идти обратно в экономическом развитии, а требовал двигаться вперед.

Сегодня еще можно услышать голоса, которые (чтобы хоть как-то смягчить ответственность Горбачева) говорят, что вообще-то у нас во второй половине 80-х годов дела шли не так уж плохо. Можно с ними согласиться, если сравнить эти дела с тем состоянием, в какое нас завели сегодня гайдаровские реформы, которые обрушились на страну с благословения Ельцина.

Наконец, может вызвать недоумение, что не делаются ссылки на существовавшую в стране систему, особенно в высших эшелонах власти, которая фактически не допускала открытых заявлений против лидера. Точнее, заявить можно было, но в таком случае тебя, увенчанного всевозможными ярлыками, немедленно отстранили бы от должности. Действительно, эта система у нас складывалась столетиями и во многом унаследована еще от царизма. Для нас было просто традиционно, что в стране присутствует монархизм или авторитаризм. Шаги же, которые были предприняты в области демократии, начиная с 1985 года, только размыли государственность, но не создали

истинной демократии.

Но я прошу Суд обратить внимание и на другую сторону этой проблемы — ведь Горбачеву тоже была известна ёта традиция, инерция поклонения монарху-генсеку. И если он — истинный демократ, то логично задать ему вопрос: почему же он не порушил все это?

Фактически же он только использовал эту систему полной бесконтрольности над собой — в своих интересах и в ущерб стране. Мало того, он постоянно ужесточал требования к окружению — убирал всех, кто мешал. Только из членов ЦК одним махом убрал сто человек — так сказать, «по собственному желанию». Вывел всех тех, кто мог бы на 100 процентов проголосовать «за освобождение Горбачева с поста Генерального секретаря».

В то же время налицо факт уникального парадокса.

В течение 19 и 20.08.91 г. был отключен телефонный аппарат Горбачева только на даче в Крыму, причем временно. Было объявлено также, что вице-президент временно исполняет обязанности президента. В связи с этим все члены ГКЧП и лица, его поддерживавшие, оказались в «Матросской тишине». Президент объявил, что все они — преступники и обвиняются по статье 64 УК РФ. Эти так называемые преступники добровольно свернули свои действия и добровольно отдали себя на милость Горбачева. А Горбачев опять сел в свое президентское кресло и продолжал начатое в 1985 году дело.

Однако странно: когда 8.12.91 г. в Беловежской Пуще руководителями трех республик СССР келейно, втайне от своих народов было принято решение о роспуске Советского Союза и ликвидации как таковых союзных государственных структур, в том числе поста Президента СССР (о чем было немедленно доложено Бушу, а не Горбачеву), в этом случае Горбачев вообще не предпринял никаких шагов ни по отношению к этим лицам, ни к сохранению Советского Союза. Следовательно, он умышленно подрывал суверенитет, государственную безопасность и оборону страны. Не было даже формального Указа Президента СССР о том, что принятое в Беловежской Пуще решение является антиконституционным и его надо считать недействительным. Не было ничего этого! Были только какие-то судорожные, невнятные реплики, заявление дрожащим голосом, а затем… затем переговоры Горбачева с Ельциным по «главным» вопросам: какую Горбачеву занимать дачу и квартиру, какую иметь машину, охрану и обслугу, какая ему должна быть назначена пенсия с учетом занимаемого поста, «вклада» в дело развития так называемой демократии в СССР и внедрения общечеловеческих

ценностей, а также многолетней (с 1985 г.) кропотливой работы по достижению высокого уровня обнищания народа и разлома Советского Союза.

А как же с нашим государством? Кто конкретно развалил Советский Союз? Как это произошло и почему это допустили? Кто персонально должен ответить перед народом за все случившееся? Эти вопросы на данном судебном процессе освещены, но ответа официальных государственных органов на них пока нет. Однако я уверен, что в свое время ответ на них будет. Во всяком случае, должен быть. Тем более что многое стало ясным.

Говоря об оценке событий 1991 года, законно задать вопрос: а был ли государственный переворот?

Ответ однозначен: да, был! На мой взгляд, он имеет три этапа. Первый этап — главный. По времени он шел все годы перестройки, вплоть до августовских событий 1991 года. В этот период определенными силами была создана идеологическая, социально-политическая, материально-техническая и даже кадровая основа для изменения советского общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства и социалистического порядка.

Начался развал государственности, хаос в экономике, встал в полный рост национализм. Все это видел ЦК КПСС. Но, воспитанные в духе беспрекословного подчинения генсеку, члены ЦК смотрели на него как на идола. Лишь отдельные лица могли, но робко, говорить об этой ситуации. Что же касается съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, то эти органы тоже наблюдали сложившуюся картину, но, не имея опыта и практики парламентской работы и борьбы, а также (что самое главное) имея в своем составе лиц, крайне противоположных по своим убеждениям и не способных отразить интересы народа, они не могли предпринять каких-либо радикальных мер по пресечению смертельно опасных для страны тенденций. Хотя отдельные выступления были: в интересах нашего государства Горбачеву предлагалось сложить с себя обязанности Президента СССР. Но эти предложения (в частности, народного депутата С. Умалатовой) развития не получили.

Тем самым в этот период не только умышленно создавались условия для нанесения ущерба государственной безопасности, суверенитету, обороноспособности страны, но такой ущерб уже реально наносился. Причем все это делалось от имени Советской власти под лозунгами социалистического строительства, которые фактически давно уже являлись бутафорией. Постоянно прогрессирующее обнищание народа было налицо, как и другие деформации нашего общества (рост преступности, коррупции,

развитие мафиозных структур и их политизация и т. п.).

Второй этап — промежуточный и очень короткий: 19 и 20 августа 1991 года. Он был вспышкой — выступлением руководителей высшего эшелона законодательной и исполнительной власти против разлома государства. Оно явилось протестом против бездействия Горбачева по пресечению негативных тенденций, ведущих страну к катастрофе, против подписания предательского Союзного договора, узаконивающего развал нашей страны. Но выступление ГКЧП ничем и никакие обеспечивалось. Этим быстро воспользовалась псевдодемократия.

В этот период оппозиционные силы сбросили все маски. Декорации, которыми прикрывались псевдодемократические и профашистские (как в Литве) силы, рвущиеся к власти и уже ранее, в ходе перестройки, пустившие в обществе глубокие корни, были за ненадобностью ликвидированы. В итоге были незаконно арестованы и посажены в следственную тюрьму все основные руководители законодательной и исполнительной власти Советского Союза (кроме, разумеется, президента), уволены или направлены в отставку ряд ответственных работников, неугодных новому режиму, что, конечно, нанесло ущерб государственности. Борьба со всеми теми, кто отстаивал Конституцию, была беспощадной. Таким образом, был открыт путь к беспрепятственным, неограниченным и, что самое главное, незаконным и бесконтрольным действиям псевдодемократии.

Третий этап — основной. С 21 августа 1991 года и все последующее время идет процесс политического, экономического, национального и физического разлома Советского Союза, советской социалистической системы, ее экономической основы, единой культуры, науки, обороны. Все перестраивается на реставрацию капитализма.

Первыми шагами этого развала были: разгон Горбачевым съезда народных депутатов СССР, выделение из его состава Прибалтийских республик в течение всего трех дней (тоже по решению Горбачева), разгром КПСС. А далее — всем известные события, приведшие к катастрофическому состоянию страны и нашего народа. И что самое страшное — развал и разложение общества продолжается, ни одно обещание высших органов власти фактически не выполняется. Во всяком случае — пока, на 90-е годы.

Кто же подготовил и осуществил этот переворот, а с ним и развал нашего государства?

На первом этапе главенствующая роль, безусловно, принадлежала Горбачеву и всем тем, кто в течение всей перестройки вместе с ним непосредственно вел страну к

катастрофе.

Нет сомнения, что каждый из членов ГКЧП и лиц, его поддерживающих, еще до его создания хотел все-таки сделать возможно больше для спасения страны и понимал, что, уйдя в отставку, хлопнув дверью, ничего не изменишь. Наоборот, Горбачев вместо ушедшего поставит более послушного и покорного, который будет слепо проводить то, что диктует «вождь», а не Конституция и народ. Это удерживало многих от подобного шага, т. е. от отставки. Но надо было действовать!

Нужна была мощная, единая, легальная оппозиция, которая бы и спасла наш народ. Однако это не состоялось.

На втором этапе — 19 и 20 августа — создалось, на мой взгляд, безвластие. Причина? Члены ГКЧП втянулись в тяжбу с Президентом РФ, Ельцин обвинил ГКЧП в антиконституционности его образования и действий, объявил членов ГКЧП преступниками, издал ряд указов, призвал народ к неповиновению, к всеобщей бессрочной забастовке, к борьбе против ГКЧП. По этому поводу у здания Верховного Совета РФ собирал митинги, где разжигались страсти. Но народ страны на это не реагировал.

ГКЧП же, включившись в эту перепалку, объявил, в свою очередь, все указы Ельцина неконституционными, а посему не имеющими законной силы. Вместо того, чтобы эффективно влиять на положение в стране, руководить государством, заниматься народом России и давать ему нужную информацию, фактически все время и всю свою энергию ГКЧП затратил на попытки погасить скандальную ситуацию на Красной Пресне.

Но ГКЧП не предвидел, что своим появлением и особенно действиями он создал для сил, рвущихся к власти, исключительно благоприятную возможность и условия не только для смены политической декорации, но и для реальных действий по захвату власти. Была обеспечена абсолютная гарантия успеха, и эти силы воспользовались ею быстро, нахраписто, не считаясь ни с какими законами, приличиями, нравственностью. И, не встречая ни малейшего сопротивления — ни идеологического, ни тем более силового, потому что никто из членов ГКЧП не мог допустить и мысли, что имеет дело с врагами и против них следует применить грубость, а тем более насилие. А эта сила — к своему собственному изумлению и радости — смогла (но это уже на третьем этапе) в течение несколько ких дней разгромить все, что считала нужным. За три последующих месяца она окончательно закрепила свое властное положение, хотя совершенно не понимала, что с этой властью делать, с чего начать, куда вести народ, страну? Оказалось, что захватившие

власть способны были только на обычную драку, но были совершенно далеки от элементарных понятий государственного управления в современных условиях.

А что же прежняя союзная власть? Оставшись без руководителей, напуганная и преданная Горбачевым, она тихо и безропотно оставила всех и все (в том числе помещения, имущество, созданные всем Советским Союзом и на средства народа и членов КПСС). Оставила и расползлась по своим квартирам, как протоплазма, не принимая никакого участия в судьбе народа. Это позорно, стыдно, но факт!

Самое же главное — это то, что ГКЧП не видел в лице субъекта российской власти врага. Да и как можно было своих соотечественников, выросших и воспитанных вроде бы в равных условиях, имеющих на вооружении, казалось бы, одну идеологию, считать врагами? Тем более что сам Ельцин еще недавно бьгл кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

А российское руководство ярлык врага на ГКЧП повесило и, реализуя полную свободу в использовании средств массовой информации, обливало грязью членов комитета, призывая народ буквально к разгрому ГКЧП. Члены же ГКЧП, как и многие в стране, наивно полагали, что их врагами и врагами народа могут быть только те, кто посягает на интересы народа извне!

Да и поехали члены ГКЧП к Горбачеву 21 августа в Крым не с покаянием, как это некоторые хотели представить, а с целью урегулировать проблемы, создавшиеся в связи со срывом подписания Союзного договора и возникшей конфронтацией с руководством России. Они ясно понимали, что им после этой встречи придется уйти в отставку. Но они верили в то, что сам факт выступления ГКЧП наконец подтолкнет Горбачева хоть к каким-то шагам в интересах спасения государства и народа. Однако тогда еще не могли предположить, что Горбачев — предатель, поэтому и допускали такую наивную веру, в том числе и в отношении себя, что к ним не будет применено насилия: причин-то к этому не было!

На третьем этапе решающую роль, конечно, сыграли и Горбачев с Ельциным, и организаторы беловежского сговора во главе с Ельциным. При этом личное соперничество и даже вражда Ельцина и Горбачева предопределили судьбу Советского Союза. А ведь даже последующие за августом обстоятельства еще не говорили о развале — страна могла остаться в рамках конфедерации или даже новой федерации. Но политики сделали все насильно! Им надо было избавиться от Горбачева, полностью не представляя главных последствий.

Таким образом, резонны следующие выводы:

1. Мои действия, как и действия всех обвиняемых по делу ГКЧП, не должны рассматриваться только в непродолжительный период трех-четырех дней августа 1991 года, в отрыве от всех предшествующих этим дням событий и явлений. Должны быть учтены — и я на этом настаиваю — все причинно-следственные связи. Именно вскрыв эти связи, можно прийти к истине. Вот почему я на протяжении всего периода пребывания в тюрьме постоянно (повторяю) ходатайствовал о создании парламентской комиссии в этих целях.

2. Августовские события 1991 года не появились внезапно, а созревали годами. И они не имели бы места, если бы Горбачев не привел власть к кризису, а страну и народ к катастрофе. Прикрываясь лозунгами о социализме и Советах, он фактически изнутри разрушал наше Советское социалистическое государство. И действовал Горбачев по сценарию Запада и в его интересах. Вот почему он пользуется популярностью на Западе, но вызывает презрение у советского народа.

3. Членов ГКЧП и поддерживающих его лиц можно упрекать во многих просчетах и ошибках. Но невозможно обвинить их в измене Родине с целью захватить власть, ту самую власть, которая у них уже была на протяжении многих лет и которой они с образованием ГКЧП пользовались только в рамках закона. Нельзя обвинить и в умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны. Это не только недоказуемо, но и абсурдно, тем более на фоне перечисленных мною фактов и с учетом высоких наград, полученных этими лицами именно за заслуги в этой области.

ГКЧП не был антиконституционным, он выступал только за Конституцию и действовал во имя Конституции и сохранения Советского Союза. Хотя практические шаги ГКЧП были недостаточными.

4. Я, как и каждый из членов ГКЧП, доведенный до состояния крайней необходимости, хотел максимально использовать имеющиеся у меня возможности и свои способности для наведения совместно с другими товарищами порядка в стране, Восстановления контитуционного строя и Советской власти там, где это уже утрачено, в целом стабилизировать обстановку. И действовал в соответствии с законом.

5. Предостережения, которые делались мной и моими коллегами на разных уровнях в течение 1989–1991 годов, к сожалению, не только оправдались, но и превзошли все наши опасения. Они превзошли все ожидания даже Запада, где так усердно работали над реализацией идеи разлома СССР.

6. Государственный переворот состоялся. Но подготовили его

и осуществили не те, кто выступил против политики Горбачева, не ГКЧП, а лица, которых должно наконец постигнуть справедливое и неотвратимое возмездие за ущерб, причиненный государству, за страдания и зло, принесенные народу, за падение нашей державы в глазах мирового сообщества.

Итак, преступление совершено. Но его надо видеть не в измене Родине с целью захвата власти членами ГКЧП и поддержавшими их лицами, а в измене Родине с целью полного разлома Советского Союза, изменения его общественного и государственного строя Горбачевым и Ельциным.

Это особый, исключительной важности вопрос, которому Суд, надеюсь, уделит должное внимание…

Перехожу к изложению последнего раздела моих показаний. Третий принципиальный вопрос — о нарушениях законности и прав человека Генеральной прокуратурой и другими официальными лицами.

Представляемый мною с соответствующими пояснениями перечень грубых нарушений Генеральной прокуратуры РФ и других официальных органов является не только классическим примером для нашего и тем более международного права, но и вечно будет хорошим наглядным пособием для всех поколений отечественных юристов.

Не затрагивая уже общеизвестных нарушений законности Генеральной прокуратурой РФ, допущенных ею в отношении всех лиц, проходивших по этому делу (такие, как: постоянные противозаконные угрожающие заявления в печати и по телевидению; издание книги «Кремлевский заговор», которая излагала версию следствия, была выпущена во время следствия и задолго до суда, и многое другое), хочу обратить внимание Суда на нарушения, имевшие место только в отношении меня лично.

Первый факт. О полном игнорировании моих ходатайств во всех властных инстанциях РФ по вопросу назначения парламентской комиссии в целях расследования событий августа 1991 года. По этому факту даю показания подробно.

Учитывая, что события августа 1991 года носят политический характер и что они признаны Генеральной прокуратурой преступными, а все обвиняемые, в том числе все основные руководители законодательной и исполнительной власти (кроме Президента СССР), были взяты под стражу, т. е. учитывая необычность явления, я с первых дней ареста постоянно настаивал на том, чтобы было назначено парламентское расследование событий.

В связи с этим мною были направлены ходатайства во все основные инстанции: Генеральному прокурору РФ, Верховному

Совету РФ, отдельно Председателю Верховного Совета, Президенту России. При этом каждому адресату по этому поводу было направлено несколько ходатайств. И все это делалось через Генеральную прокуратуру РФ, т. е. тем порядком, который был установлен в следственном изоляторе.

Для полного представления о сущности моих просьб приведу текст только одного такого обращения к Хасбулатову Р. И. и отдельные фрагменты из писем к другим лицам (копии писем имеются).

Цитирую:

«Обращение к Председателю Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатову от Варенникова В. И., учреждение МВД.

Уважаемый Руслан Имранович!

Мои многократные обращения к Вам непосредственно, а также в Верховный Совет Российской Федерации остаются без ответа. Лишь 27.6.92 г. Генеральный прокурор РФ якобы «по поручению руководства парламента» разъяснил мне в своей формальной отписке, что комиссия Верховного Совета РФ, о создании которой я длительное время ходатайствую, будто уже существовала и свою работу закончила. Но с кем она работала? Какие цели и задачи ей были поставлены? Как и какие она могла сделать выводы, ни разу не встретившись с каждым подследственным? Никто из обвиняемых не знает и не знал о существовании и тем более о работе такой комиссии. Комиссия же такого типа от Верховного Совета СССР вскоре после своего создания была распущена, не решив поставленной задачи (фактически не приступив к работе).

В связи с этим докладываю.

Первое. В моем ходатайстве изложена просьба создать Комиссию парламента России, которая могла бы расследовать и дать политическую оценку обстоятельств августовских событий. А следствие по факту событий уже проведено прокуратурой, как это и положено.

Второе. Расследование обстоятельств политических и ведение следствия по факту — несомненно, разные, на мой взгляд действия и разные категории. Следовательно, цели и задачи, а также их масштабы совершенно различны. Следствие по факту должно было вытекать из материалов расследования и политических оценок комиссии (а не из заявлений Горбачева М. С. и его требований). Но этого не произошло по причине и сложившихся в стране обстоятельств, и занятой в то время Прокуратурой РФ позиции.

Третье. В сентябре — октябре 1991 года Прокуратура РФ сделала все, чтобы не было «параллельного (как она выражается)

следствия». Заместитель Генерального прокурора Е. Лисов 26.10.91 г. в газете «Правда» заявил, что создание парламентской комиссии продиктовано только одним — желанием депутатов «оказаться в поле зрения общества». Далее там же Лисов говорит, что в зарубежной практике уголовное дело, если оно возбуждено прокуратурой, расследуется якобы только следственным органом. Но фактически это не так. «Чисто» уголовное дело — да! Но такого типа, как августовские 1991 года события, т. е. политические, наоборот — расследуются и оцениваются только парламентскими комиссиями. Эти же комиссии и далее контролируют ход следствия по факту события.

У нас так не получилось. Но без разбирательства парламентской комиссией вообще невозможны никакие выводы. Невозможно найти истину. Именно только эта комиссия Верховного Совета РФ способна и вправе давать политическую оценку действий высших должностных лиц и органов государства: президента СССР, вице-президента, Совета Безопасности СССР и других структур президентской власти, а также Совета Федерации, Кабинета министров, КГБ, МО, МВД — до и в ходе августовских 1991 года событий.

Почему у нас к этому вопросу подходят как к рядовому случаю? Невозможно установить конкретные составы преступлений, их субъективную и объективную стороны, степень вины каждого участника, не зная истинных причин и не представляя полной картины заговора (если он вообще существовал). А это можно установить, только обнажив политическую почву, на которой заговор мог появиться, анализируя хотя бы 90-е годы. Нельзя разорвать причину и следствие. А ведь все причины — именно в социально-политической ситуации, которая сложилась в ходе и в итоге «перестройки».

Четвертое. В свое время можно было понять ревностное отношение к проведению следствия по августовскому делу со стороны руководства Генеральной прокуратуры РФ. Но то был период поиска и утверждения. А сейчас? Сейчас — непоколебимое служение прокуратуры исполнительной власти — и только! А это может нанести непоправимый ущерб и самой прокуратуре, и законодательной, и особенно судебной власти. Поэтому сегодня нет смысла обвиняемым по августовскому делу возмущаться тем, что следствие явно проведено с обвинительным уклоном и что до суда уже фактически выносится решение — это все объяснимо! Но прокуратура, являясь проводником исполнительной власти, не может, не имеет права давать политические оценки и выступать с политическими обвинениями.

А в действительности это делается именно так (выступление Е. Лисова 23.01.92 г. в «Российской газете»). Ведь в таких шагах прокуратуры — не только судьба обвиняемых. В этом — испытание молодой демократии, всей правовой системы, авторитета нашего государства. Неужели мы не способны выкарабкаться из омута «права» прошлых лет, которое наиболее проявилось в 1937 году?

Сегодня даже в одной из отсталых стран мира — Афганистане, в условиях почти 14-летней кровавой войны объявлена стопроцентная амнистия для всех политических, государственных и военных деятелей. А многие из них даже взяты новым режимом на высокую службу (например, начальник Генерального штаба). И это после 14 лет войны! Сотни тысяч убитых, миллионы беженцев, тысячи разрушенных населенных пунктов!

А у нас? У нас — три неполных дня, и те с парадоксальным итогом: кто был в высших эшелонах законодательной и исполнительной власти, но «хотел якобы захватить эту власть», оказался в тюрьме, а тот, кто фактически подтолкнул их к таким действиям, спокойно и свободно живет, организовав заранее свой фонд за счет государства, разъезжает по миру, пополняя этот фонд «законно» заработанным усердием по развалу нашей страны.

Пятое. Ни о чем для себя не ходатайствую, но убедительно прошу рассмотреть возможность создания парламентской комиссии Российской Федерации, которая бы расследовала и дала политические оценки августовских событий. Ничего, что это делается после предварительного следствия (надо учитывать все, что произошло в стране). Но эта комиссия поможет во всем: развяжет затянувшийся правовой узел; поставит все на свое место; сохранит политическое лицо всех государственных органов РФ; даст полную основу для работы суда по объективному определению судьбы каждого обвиняемого человека; откроет перспективы утверждения истинной демоткратии.

Очень прошу о создании комиссии.

С уважением *Варенников.*

29.6.92 г.».

Аналогичное (и не единственное) обращение весной-летом 1992 года было сделано и в адрес Президента РФ, но там была, кроме того, такая фраза: «Конечно, в ходе политического расследования обязательно «всплывет» Горбачев. Но, учитывая, что им пока еще дорожит Запад как лицом, которое сделало

сказочные услуги, комиссия ставить его в сложное положение, возможно, и не будет (во имя государственных интересов)».

Такие же письма были направлены в адрес Генерального прокурора РФ, которые кончались словами: «В связи с этим ходатайствую и прошу Вас поддержать мое предложение о создании указанной комиссии или принять меня лично для беседы».

Что касается прокуратуры, то она периодически мне отвечала одно и то же (цитирую): «Такие комиссии от Верховных Советов СССР и РФ создавались. Они получили необходимые материалы от Генеральной прокуратуры России и свою работу закончили».

Но я не из тех, кто бросает начатое дело на полпути. Я продолжал настаивать на создании парламентской комиссии и проведении ею работы с подследственными. Требовал, чтобы были вскрыты причинно-следственные связи по факту событий. Подчеркивал, что не мог появиться ГКЧП, если бы страна не катилась к катастрофе, а президент принимал бы необходимые меры по пресечению негативных явлений в обществе. Даже по факту события в Тбилиси (апрель 1989 г.) была назначена парламентская комиссия, которая всесторонне изучала все, что было связано с трагедией. Комиссия многократно опросила сотни свидетелей. Сделала письменный доклад Верховному Совету СССР. Председатель парламентской комиссии А. Собчак докладывал результаты на съезде народных депутатов СССР. Все было показано по телевидению и представлено в прессе. Но ведь это событие касалось только одной республики нашей страны, точнее, только одного города Тбилиси. В нашем же случае проблема охватила весь Советский Союз, а комиссии фактически не было. И то, что она якобы работала и т. д., так это не только не убедительно, но и странно — ни с одним из обвиняемых никто из членов комиссии ни разу не побеседовал.

Понимая, что наличие в материалах дела заключения и политической оценки событий со стороны парламентской комиссии значительно упростит судебное разбирательство и поможет суду определить истину, я до последнего дня нахождения в следственном изоляторе продолжал настаивать на создании такой комиссии.

Но всем было ясно, что ее работа означала бы обязательное разоблачение допущенных Генеральной прокуратурой РФ нарушений, поэтому последняя сделала все, чтобы решение по этому поводу не состоялось.

В этом я усматриваю то, что мое законное конституционное право было умышленно бюрократически затерто. Поэтому ходатайствую перед Военной коллегией Верховного Суда РФ

провести разбирательство этого противозаконного действия.

Второй факт. О задержании Генеральной прокуратурой РФ моих ходатайств, направленных из следственного изолятора через Генеральную прокуратуру в различные официальные инстанции.

Если на письма и ходатайства, направляемые мной в адрес Генеральной прокуратуры РФ, я почти всегда получал хоть и формально-бюрократические, но ответы, то ни на одно ходатайство, ни на одну жалобу, ни на одно письмо, направленные в другие инстанции через Генеральную прокуратуру, я не получил ни одного ответа.

У меня, естественно, появились сомнения в добропорядочности аппарата Генеральной прокуратуры РФ, да и самого Генерального прокурора лично. Потом некоторые письма, касающиеся общегосударственных проблем, а не меня лично и не имеющих никакого отношения к делу по ГКЧП, я начал передавать через адвоката (в частности, в МО свои взгляды на некоторые насущные проблемы строительства ВС России).

К сожалению, мои сомнения в отношении Генеральной прокуратуры оправдались. Приведу лишь один пример.

В 1992 году, накануне Дня Победы, я, учитывая, что мною дело было уже изучено (статья 201 УПК подписана) направил в Верховный Суд РФ ходатайство о пересмотре меры пресечения. Но к этому времени было принято дополнение к УПК РФ, в котором определено, что ходатайство такого рода рассматривается в судах по месту заключения. В связи с этим мое ходатайство переправляется в Куйбышевский районный суд г. Москвы, о чем меня уведомляют. Зная «объективность» именно этого районного суда и не желая лишний раз быть униженным, я направляю председателю Куйбышевского районного суда просьбу вернуть мое ходатайство мне, заявив при этом, что я отказываюсь от своих ходатайств. Что и было сделано. Но каково же было мое удивление, когда я получаю одновременно и документ из Генеральной прокуратуры РФ от 13.7.92 г. за номером 34-П-55292/6214-91 (копия имеется). Зачитываю текст:

> «Председателю Куйбышевского районного суда г. Москвы Купцову А. Ф. Начальнику Учреждения ИЗ-48/4 ГУВД Панчуку В. Н. (для ознакомления подследственного Варенникова).
>
> В связи с рассмотрением в суде жалобы Варенникова направляется его заявление о незаконном содержании под стражей, адресованное Президенту РФ.
>
> *Начальник отдела по надзору за расследованием*

особо важных дел

старший советник юстиции А. Ф. Козусев».

Что это фактически означает? Во-первых, направление такого документа и с такой препроводительной из Генеральной прокуратуры уже не что иное, как прямое указание, как надо поступать суду (довольно прозрачно намекается: президент, мол, не стал рассматривать этот вопрос и вам вроде велел поступать соответственно).

Во-вторых, характер документа, подписанного ответственным работником Генеральной прокуратуры, свидетельствует о том, что вообще заведен стабильный «порядок» прокурорского надзора — невзирая на закон, право, свободы и т. п., держать подследственных, как и в прошлом, в «ежовых рукавицах».

В-третьих, в этом обращении к президенту мною фактически выражалась главная мысль о назначении парламентской комиссии для определения политических оценок по событиям, о чем не говорится в документе Генеральной прокуратуры РФ.

В-четвертых, письмо к Президенту РФ, написанное мною и направленное через Генеральную прокуратуру РФ еще в мае 1992 года, никуда дальше канцелярии прокуратуры не ушло. И лишь в конце июля было переправлено председателю Куйбышевского районного суда г. Москвы, а не адресату, т. е. не президенту.

В-пятых, факт направления копии документа в следственный изолятор для моего ознакомления говорит или об ограниченности работников Генпрокуратуры (уж если мои ходатайства дальше ее стен не уходят, так хоть молчали бы об этом), или же это — наглый цинизм и издевка — вот, мол, знай: куда бы ты ни писал и о чем бы ни просил, все находится у меня, Козусева, и я что захочу, то и сделаю.

Это тоже ущемление моих прав и требует должной оценки судом действий прокуратуры.

Третий факт. Об игнорировании моих просьб встретиться с Генеральным прокурором Российской Федерации.

Учитывая сложившуюся вокруг меня обстановку, я начал настаивать на личной встрече с Генеральным прокурором РФ, тем более что никто из руководства следственной группы за год ни разу со мной не встретился.

Однако мои ходатайства и на этот раз не были удовлетворены. Тогда я иду на крайнюю меру — пишу Степанкову письмо уже как народному депутату России и прошу принять меня буквально на 20–30 минут. Ответ получаю 5.8.92 г. за подписью старшего прокурора по надзору за расследованием особо важных дел младшего советника юстиции Павлова А.

следующего содержания (копия имеется):

«По поручению Генерального прокурора РФ сообщаю, что по вопросам, изложенным в Ваших заявлениях от 27.2.92 г. и 25.7.92 г., состоится личная встреча с Вами при очередной проверке следственного изолятора».

Но встречи и на этот раз не было, хотя Степанков в тюрьме неоднократно бывал. Как же так? Ведь необычное дело! Месяцами прошу встретиться. Я вправе просить о такой встрече?

Все это — единая система психологического пресса. И, конечно, она дает свои результаты — губительно сказывается на здоровье. И в этом случае я так же прошу соответствующего разбирательства.

Четвертый факт. О встрече с народными депутатами Российской Федерации.

Летом 1992 года внезапно была проведена встреча в здании следственного изолятора с народными депутатами РФ Исаковым, Павловым и Саенко. Характерно, что встреча проводилась в присутствии Генерального прокурора Степанкова. Цель встречи — выяснить, не допускаются ли к нам противозаконные действия, и на месте установить возможность и целесообразность изменения меры пресечения.

Я высказал всю правду о грубых нарушениях законности, принципа презумпции невиновности лично Генеральным прокурором РФ, его заместителями. Степанков в ходе моего сообщения бросил несколько реплик, которые сводились к тому, что надо, мол, в своем докладе опираться не на сообщения средств массовой информации, а на его личные заявления. Но, во-первых, находясь в тюрьме, мы не имели возможности слышать и видеть его лично. Во-вторых, если бы все это была ложь и подтасовка прессы или телевидения, то Степанков мог заявить опровержение. Однако такового не последовало. Мои высказывания, возможно, были резкими, но правдивыми.

Группа депутатов в итоге встречи сообщила, что ею будут предприниматься шаги по изменению меры пресечения.

Прошло еще полгода. И только тогда, когда состояние моего здоровья стало совсем плохим и я был помещен в госпиталь под стражей, Генпрокуратурой была пересмотрена мера пресечения. Необоснованное, точнее — преднамеренное затягивание решения этого вопроса в условиях, когда один из подследственных был давно освобожден, убедительно говорит о стремлении Генпрокуратуры РФ побольше поиздеваться надо мной, сломать человека. Поэтому по изложенному факту прошу провести разбирательство и также дать оценку.

Пятый факт. О грубых нарушениях, допущенных при

предъявлении мне третьего обвинения.

Сложилась парадоксальная ситуация: мне неоднократно предъявляют бездоказательные обвинения, заставляя меня же доказывать свою невиновность, хотя по закону именно следствие обязано доказать мне мою вину. Но оно этого не делало и не собиралось делать. Генеральная прокуратура фактически бесконтрольно чинила произвол. Каждый раз, опровергая абсурдное обвинение, я все-таки был вынужден доказывать свою невиновность. Фактически я готовил следствие к тому, чтобы оно, используя мои аргументы, могло бы заново предъявить обвинение в совершенно другой редакции. Причем Генпрокуратура каждый раз подчеркивала, что следствие располагает (или ею добыты) убедительными доказательствами моей вины. Об этом, к примеру, свидетельствует и один из последних документов Генпрокуратуры — постановление заместителя начальника следственного управления от 12.8.92 г. (копия имеется).

В связи с этим я, естественно, потребовал, чтобы мне, в соответствии со ст. 68 (пункт 2) УПК РФ (где говорится (кроме прочего), что при производстве предварительного следствия подлежат доказательству «виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления»), представили эти доказательства. Кстати, там же записано, что «подлежат выявлению также причины и условия, способствовавшие совершению преступления». То есть именно то, на чем я настаивал в течение года, требуя создания парламентской комиссии.

29.09.92 г. заместитель Генпрокурора РФ Лисов Е. К. в своем постановлении пишет, отвечая на мое ходатайство: «На основе имеющихся доказательств конкретные преступные деяния Варенникова и обстоятельства, при которых они были совершены, подробно изложены в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого от 24.08.92 года». То есть постановление от 24.08.92 года — это фактически третье обвинение. И он, Лисов, подталкивает меня, чтобы я с этим обвинением знакомился, как и с предыдущими, опять доказывая ему свою невиновность. Однако третье обвинение я проигнорировал, и в первую очередь потому, что фрагменты из этого обвинения (которое было подписано и предъявлено мне 25 августа 1992 года) уже 19 августа 1992 года (т. е. на наделю раньше) были опубликованы в «Независимой газете» в статье М. Карпова «Хроника ГКЧП» (газета передана в суд). С публикацией я ознакомился 19.08.92 года, увидел там ложь и попросил адвоката разобраться, откуда все это появилось. Он разбирался и сообщил еще до предъявления мне обвинения, что в газете все напечатано слово в слово из постановления

Генпрокуратуры.

Это было открытое глумление — мне еще не предъявлено обвинение (хоть оно, как и всегда, лживо, но все-таки официальный документ), а газеты уже это обвинение разнесли по всей планете.

Вот только две выдержки из газеты:

1. «В течение дня находившийся в Киеве Варенников направил в адрес ГКЧП пять шифротелеграмм, в которых требовал решительных действий, в том числе ликвидации группы «авантюриста» Ельцина».

2. «Во второй половине дня (надо полагать 19.08.91) по команде Варенникова на аэродром Бельбек в Форосе были выдвинуты разведбат и противотанковый дивизион, перед которыми поставлена задача — по команде уничтожить воздушные средства в случае их несанкционированной посадки».

Несмотря на то что я опротестовал этот выпад газеты и не стал читать третье обвинение, Генпрокуратурой текст этого обвинения с незначительными изменениями был вписан в обвинительное заключение. Это обвинение лживо от начала до конца (см. т. 4, л.д. 156 и 157).

Несомненно такие действия Генпрокуратуры РФ должны быть оценены судебным разбирательством.

Шестой факт. О безосновательном заявлении Президента РФ Ельцина на встрече с руководителями некоторых средств массовой информации 21.08.92 года.

В связи с тем, что в этом заявлении Ельцина было допущено в отношении меня ложное обвинение, будто я требовал Ельцина расстрелять, я вынужден был поместить в ряде газет (в т. ч. в «Советской России», «Правде») свой протест. Сейчас я не буду зачитывать весь текст опровержения, но заключительную часть этого документа я процитирую:

«У меня возникли основательные предположения, что руководство Генеральной прокуратуры РФ, не располагая доказательствами моей вины и пренебрегая имеющимися документами дела, фальсифицирует различные справки и тем самым провоцирует руководителей России на безответственные заявления.

Поэтому я категорически протестую и заявляю, что в условиях существующей в России Конституции и принятой в прошлом году Декларации «О правах и свободах человека и гражданина России» недопустимы оскорбления чести и достоинства людей и тем более их оговоры. Такие действия я расцениваю как внесудебную расправу.

Ä Варенников. 23 августа 1992 года».

Я потребовал от Генеральной прокуратуры разъяснений. На это мне Генеральный прокурор РФ 8.09.92 года в документе за № 34-П-55-92/6214-91 (копия имеется) отвечает: «…с показаниями Президента России Ельцина Б.Н., допрошенного в качестве свидетеля, Вы ознакомлены». Действительно, в деле по августовским событиям есть показания Ельцина (том 67, допрос от 13.01.92 года). Но ни одного слова о Варенникове, как и о Киеве вообще, в показаниях этого свидетеля нет. Лишь свидетель С. И. Гуренко показал, что все это от начала до конца вымысел. Таким образом, Степанков, вихляя, прямого и четкого ответа мне не дает.

Так никто и не соизволил объяснить мне, чем вызван такой выпад — заявление Президента РФ. Все это также является частью общей системы угнетения, организованной Генпрокуратурой РФ, что также требует судебного разбирательства.

Седьмой факт. О ложном выступлении Е. Лисова в «Курантах». Выступление 17 сентября 1992 года, то есть после того, как псевдодемократы безуспешно пытались пышно отметить годовщину так называемой победы над ГКЧП в Москве в целях поддержания тонуса идеологического давления на узников, заключенных в «Матросской тишине», и продолжения формирования у общественности негативного мнения об этих людях, в «Курантах» выступает заместитель генпрокурора Лисов. Красной нитью в его беседе с корреспондентом под рубрикой «Чего бояться прокурору?» у него проходит два положения: первое — показать гэкачепистов преступниками, пытающимися якобы извратить истину с целью выпутаться из этой истории; второе— представить себя идеальным блюстителем закона и права, в т. ч. строго соблюдающего презумпцию невиновности.

Как это было в действительности, можно показать на его же ответах корреспонденту. Последний, обращаясь к Лисову, замечает: «Где-то промелькнуло сообщение, что генерал Варенников звонил из Киева и интересовался, почему российские руководители не расстреляны». Лисов отвечает: «Это не совсем верно. Не знаю насчет звонков…» Обратите внимание: начальник следственной группы более чем год ведет такое важное дело и не знает насчет звонков. Да их просто не было, но он об этом умалчивает, хотя в деле все представлено очень ясно, и он знает.

Цитирую дальше: «…не знаю насчет звонков, но в деле есть телеграмма — она звучит примерно так…» То есть, что значит примерно? Ведь говорит заместитель генерального прокурора страны о человеке, который обвиняется по 64-й статье УК, по которой предусматривается мера наказания— расстрел или срок

от 10 до 15 лет с конфискацией всего имущества! Разве допустимы какие-то примерные, приблизительные (а фактически полярно противоположные истине) высказывания? Даже если это не касается 64-й статьи?

Цитирую дальше: «…телеграмма звучит примерно так: требую самых жестких и решительных мер, в первую очередь в отношении Ельцина». Фактически же это презренная ложь. Ложь, которая выпущена на страницы газеты, чтобы умышленно показать в самом извращенном виде то, что было на самом деле, и тем самым продолжать давить узников, создавать нужное режиму общественное мнение. А на самом деле в телеграмме шла речь о принятии мер к группе (именно к группе) авантюристов, которых возглавляет Ельцин, а не «в первую очередь в отношении Ельцина», как это заявляет клеветник Лисов.

Прошу обратить внимание суда, что не небрежность Лисова и не просто допущенная им ошибка, а умышленный шаг. Месяцем раньше была скандальная история с заявлением Ельцина на пресс-конференции, по поводу чего я выступил с протестом и о чем уже было сказано выше. Лисов, несомненно, в этом детально разбирался (ведь речь идет о чести президента) и знал, конечно, не примерно, а точно, что именно было написано в шифровке — исх. № 17/1970 (том 104, л.д. 118 и 119). Подтасовка в высказываниях Лисова, конечно, имела цель еще раз опорочить меня, оклеветать. И это требует судебной оценки.

Восьмой факт. О провокационных действиях Леканова Ю. И., бывшего следователя Генеральной прокуратуры РФ, что также нанесло мне ущерб.

Первоначально со мной работал, т. е. вел допрос следователь Любимов Ю. М. Это тонкий, старой закалки следователь, видевший на своем веку многие аномалии в юриспруденции и поэтому в меру своих уже уходящих сил и способностей всячески лавировал, приспосабливаясь к обстановке. Для того, чтобы я давал ему такие показания, какие нужно, и чтобы своих следов нигде не оставлять, он наговаривал мне целый перечень вопросов. А фактически составлялась наводящая схема моих показаний. Я добросовестно набрасывал их в черновик, а затем давал письменные показания. Прочитав их, Любимов вновь наговаривал вопросы, уточняя кое-что, и т. д. Я давал дополнительные показания, строго придерживаясь навязанной мне схемы. Опыта не было, знания в этой области тоже весьма ограничены, вот нами и могли варьировать следователи так, как им было угодно, чтобы достичь поставленных целей.

Затем мое дело было передано следователям Леканову Ю. И., Стоумову А. Н. и еще одному, проводившему съемки допроса (как

я позже понял — это то лицо, которое будто вместе с Лекановым продало германскому журналу «Шпигель» кассеты с допросами премьер-министра, министра обороны и председателя КГБ СССР).

За три дня до начала допроса Леканов заходил к нам в следственную комнату, где со мной работал Любимов и адвокат, и в присутствии свидетелей открыто и грубо провоцировал меня. Он говорил, что сейчас проводит допрос другого обвиняемого (называл фамилию Язова). Так вот он, этот обвиняемый, якобы показывает все, как было. «А Вам (то есть мне), боевому генералу, тем более надо брать все на себя — Вы будете выглядеть авторитетно, солидно, как и подобает Вашему служебному положению. Да и вообще, возьмите Ельцина — к нему давно надо было принять меры! Помните его выступление в Доме кино, когда он выходил на трибуну, закатывал рукава и говорил: «Хватит! Нам пора действовать». И такая обработка Леканова шла трое суток по 15–20 минут.

Я, конечно, не вступал с Лекановым в дискуссию, но после его ухода каждый раз обращался к присутствующему при этом адвокату и другим лицам и спрашивал: почему я должен брать на себя то, чего я не совершал? О каком выступлении Ельцина говорит Леканов — я впервые слышу, что он выступал в Доме кино? Я действительно в то время об этом ничего не знал.

Прошу обратить внимание суда также на методы самого допроса, которыми пользовался Леканов.

Накануне своего допроса Леканов еще раз встретился со мной — я предложил ему следующий порядок на предстоящем допросе: вначале чтобы он выслушал мое изложение событий, как я их представляю и как оцениваю, а затем он задает мне все интересующие его вопросы, хотя и в ходе сообщения тоже я предполагал отдельные уточнения. Леканов согласился. Но начал свой допрос со слов: «Вы (то есть я) не совсем искренни! Изменилась ли ваша позиция, и что сейчас можете сказать по существу предъявленного обвинения?» (том 102, л.д. 59).

О какой искренности и о какой позиции может идти речь, если я еще вообще с ним ни о чем не говорил? И вообще, корректно ли ставить так вопрос, даже если у следователя есть сомнения в искренности?

Я понял, что Леканов задался целью с первых минут, образно говоря, свернуть мне шею. И хоть я и попытался все-таки сделать сообщение по той схеме, как было спланировано, как мы с ним договаривались, однако из этого ничего не вышло. Все пошло кувырком — бесцеремонно и постоянно перебивая, не давая полностью ответить практически ни на один им же поставленный вопрос, сбивая с мысли, сбивая с толку, Леканов делал все, чтобы

подавить обвиняемого. Я не намерен приводить факты и примеры из этого допроса — обо всем этом ярко свидетельствует видеозапись (именно видеозапись, а не текст, помещенный в томе 102 дела), и я прошу уважаемый суд обратить внимание на этот документ, так же, как и на видеозапись допросов других лиц, которые допрошены Лекановым. Это тоже характеризует эту коварную фигуру.

Девятый факт. О незаконном изъятии у меня правительственных наград.

Текст постановления Лисова (том 104, л.д. 71) уже здесь оглашался. Поэтому я воздержусь от цитирования документа, но подчеркну еще раз лишь одну фразу — «В целях обеспечения приговора постановил: провести выемку орденов и медалей».

Мне может прокурор возразить, мол, вас следственные органы и Генеральная прокуратура РФ не лишали наград, а сделали только их выемку. А кто давал им право делать такую выемку? Кем, каким законом им позволено порочить награды, завоеванные в бою? Кто давал право этим людям, в т. ч. Лисову, которые не видели и не знают, что такое война, дотрагиваться до этих святынь, символизирующих защиту Отечества? Где, в какой стране это дозволено? Нет таких примеров!

Но все объясняется довольно просто. В Генеральной прокуратуре «спокон веков» кем-то составлена инструкция, которая предусматривает обязательное изъятие орденов одновременно с арестом. Объяснение дается прозаичное — чтобы родственники не могли их куда-нибудь спрятать и т. п. Однако если у правоохранительных органов есть такие опасения, то можно же ордена, как и другое имущество, описать и предупредить, чтобы все было в сохранности. Нет, на мой взгляд, главная цель в другом — полностью морально подавить арестованных, мол, все уже решено — даже отобраны правительственные награды. И в это тоже требуется решительное вмешательство суда. Надо пресечь эту порочную практику.

Перечисленные мной нарушения законности делались в общем потоке максимального давления на незаконно арестованных обвиняемых, по общему сценарию, который имел две основные цели: максимально опорочить невинных людей и обязательно всех их сломать физически и морально-психологически, чтобы они утратили всякую способность к защите и сопротивлению. Наверное, они чего-то и добились, но только не в отношении меня. Одновременно средствами массовой информации, которые уже почти десять лет в руках Яковлева, подгонялось общественное мнение под якобы законное обвинение. Они, эти средства, и сейчас делают свою работу,

печатая то полностью «Обвинительное заключение», то якобы допросы на предварительном следствии, то обзывая суд самыми последними словами, рассчитывая на то, что тем самым подтолкнут его к желаемому для Горбачева и Ельцина приговору.

И, наконец, последнее — о грубых нарушениях закона, допущенных при моем аресте. Вопрос не раскрываю, имея в виду, что он подробно будет разобран на судебном следствии при допросе свидетеля Нишанова Р. Н. Отмечу только, что и статьи 34-я и 35-я Закона «О статусе народного депутата СССР», и статья 106-я Конституции СССР были нарушены и, следовательно, принятое постановление Президиума ВС СССР должно быть судом исследовано.

Таким образом, незаконные действия, допущенные в отношении меня Генеральной прокуратурой РФ и другими официальными органами, не только порочны с позиции закона и нравственности, но они наносят моральный, физический и материальный ущерб человеку и государству. Многие из них общественно опасны и уголовно наказуемы.

Короткое заключение

Подводя итог всем показаниям, я вправе сделать вывод о том, что причины и мотивы, побудившие меня к выступлению в августе 1991 года в поддержку руководства страны, образовавшего в последующем Государственный комитет по чрезвычайному положению, логически и непременно вытекали из той обстановки, в которой находилась страна, из обстановки, в которую ввергла страну политика Горбачева.

Я не согласен был с этой политикой, разрушающей Советский Союз! Считал своим гражданским долгом, долгом народного депутата СССР, своей офицерской честью непременно поддержать орган, который должен был поставить преграду этому развалу, не допустить катастрофу нашей страны.

Важно подчеркнуть, что к такому выводу я пришел не сразу. Этот путь, к сожалению, занимал многие годы — особенно 89-й, 90-й, 91-й. Хотя уже в перечисленные годы налицо были не просто ошибки Горбачева, а просматривались умышленные действия, наносящие государству колоссальный ущерб. Даже в 1989 году это было отчетливо видно и надо было принимать решительные меры.

Но существовавшая в то время в стране система подавляла здоровые силы, не позволяла им проявиться, хотя внешне вроде появилась и гласность, и демократия. Фактически же это была декорация, прикрывавшая истинные цели Горбачева. Он вместе со своими подельниками по разлому СССР использовал это в своих интересах. Убирал со своего пути всех неугодных (не справился только с Ельциным), вливая в сознание тех, кто оставался во властных структурах, мысль о том, что только повиновение ему лично избавит нас от всех испытаний. А фактически продолжал изнутри разрушать нашу Великую Державу.

В итоге представленных суду показаний я также подчеркиваю, что нет в действиях ГКЧП и, следовательно, в моих, поддержавших этот Комитет, никаких преступных деяний. Я вправе сегодня поставить сакраментальный для моего дела, священный для меня лично вопрос: есть ли связь между тем, что произошло в течение нескольких дней августа 1991 года, и тем, что этим дням предшествовало за последние годы? Или же все это произошло спонтанно? Есть ли причины, уходящие еще в 80-е годы, породившие и создание и выступление ГКЧП, или нет этих причин?

Я постарался дать подробные на этот счет показания,

опираясь широко на множество примеров, приведенных свидетелями (в т. ч. Горбачевым) на предварительном следствии. Надеюсь, что такие данные будут предметом особого внимания суда для дачи необходимых оценок.

Наконец, вполне объяснимы (с учетом происшедших в обществе деформаций) и незаконные в отношении меня действия Генеральных прокуратур СССР и РФ, как и других официальных органов государства. В основе этих действий — политический курс, а не Право и Закон. Кроме того, руководители этих органов обязаны были продемонстрировать не только свою приверженность, но и безропотную преданность не Закону, а вождю (иначе их могли просто убрать). Наконец, они также обязаны были блюсти честь мундира и своего ведомства, даже если это будет в ущерб Конституции.

Все перечисленное, конечно, ярко и многогранно проявилось в моем деле потому, что не было и не могло быть у Генеральной прокуратуры объективных причин для предъявления мне обоснованного обвинения.

Но если мы не хотим, чтобы наше общество было окончательно изуродовано и пришло в аморфное состояние (а Право и Закон были и остаются основой государственности), то всему этому беспределу надо положить конец. Как это и пытаются делать истинные патриоты.

Верю, что Военная коллегия Верховного Суда объективно рассмотрит и оценит все мои показания».

* * *

Эти два дня, в течение которых я давал показания, были очень напряженными. По окончании заседания ко мне подходили многие товарищи, поздравляли с ярким и смелым, как они говорили, выступлением. Особенно тепло отозвался о моей речи Владимир Александрович Крючков. По его мнению, мол, показания были аргументированы и убедительны, честны и справедливы.

Как всегда вечером, перед тем как идти домой, мы с Д. Штейнбергом уточнили наши действия на следующий день. Оказалось, что уже завтра, с учетом моих показаний, меня будут допрашивать судьи, государственный обвинитель, защитник потерпевших. Кроме того, задавать вопросы будет и мой защитник — адвокат Д. Штейнберг.

В связи с этим дома я готовился к судебному заседанию особо тщательно, прикидывал, прогнозируя, какие и от кого могут последовать вопросы. Разумеется, весь их перечень я составить не мог, но все-таки многое совпало с тем, что я предполагал.

И вот снова зал заседаний. Судьи буквально атакуют меня вопросами — настолько жесткими, что во время перерыва я даже сказал: «Этим судьям надо работать не в суде, а в прокуратуре». По некоторым проблемам я был вынужден, с позволения председательствующего, давать дополнительные показания. Но чем дальше шел допрос, тем больше я убеждался, что подход ко мне со стороны председательствующего явно предвзятый. Нарушалась состязательность сторон в рассмотрении ряда вопросов, например, по какому-то разделу рассматривались претензии ко мне, а мои претензии по этому же разделу игнорировались.

На суде были оглашены мои показания, которые я дал на предварительном следствии. Естественно, кое-какие положения с тем, что я доложил сейчас, совпадали не полностью, что вызвало ряд вопросов. Разумеется, приятного в этом было мало.

В своих показаниях на суде я не мог с точностью «до микрона» воспроизвести то, что показывал на предварительном следствии в течение года. Где-то была недосказанность или даны другие акценты. Но то, что я был невиновен, было доказано на всех этапах следствия, так же как и преступные действия исполнительной власти. А это — главное.

Однако поскольку принципиальных, существенных расхождений не было, то и опасаться каких-то негативных

последствий не стоило.

И все-таки напряжение между мной и судом нарастало все больше и больше. Однажды даже я вынужден был более 40 минут доказывать суду, что он ко мне несправедлив, что вопросы рассматриваются односторонне и лишь те, что направлены против меня. Я отметил, что часто речь идет о событиях, к которым я вообще не имел отношения. Мало того, в объявленных списках вызываемых по моему делу свидетелей числятся лица, о которых я впервые слышу и с которыми во время августовских дней я вообще не контактировал, да и они меня не видели.

Резко выразив свой протест суду, я в итоге заявил: «Если суд не встанет, наконец, на правовой путь исследования дела и не ограничит разбирательство рамками именно моего дела, а не всего ГКЧП, я буду вынужден прекратить дачу показаний. Или же пусть мне предъявят новое обвинение, границы которого должны включать все факты, которые интересуют суд».

Во время перерыва, еще находясь под впечатлением своего выступления, я подумал — а не заявить ли мне о недоверии суду? Дмитрий Давидович успокаивал меня, мол, в судах все бывает, но в принципе мою идею о замене состава суда не отвергал. Однако когда заседание закончилось, а я полностью успокоился, он посоветовал пока повременить с таким заявлением: «Посмотрим, как они будут вести дело завтра и послезавтра». Я согласился, но дома все-таки ходатайство написал.

На следующий день заседание проходило более мирно: исследовались все стороны вопроса. Не исключено, что Д. Штейнберг переговорил с председательствующим В. Яськиным и народными заседателями В. Подуетовым и Н. Юрасовым, обрисовав обстановку и мои намерения, и это сыграло свою роль.

* * *

Наконец, начался допрос свидетелей. В суд было вызвано их более тридцати. В ходе же следственных действий мною было заявлено ходатайство о том, чтобы в качестве свидетелей были допрошены дополнительно еще ряд товарищей. Однако вызвать всех, кто входил в число ранее подсудимых по делу ГКЧП, а сейчас амнистированных, суд отказал. Но из числа тех, кто не обвинялся (а я просил пригласить Жардецкого, Корсака, Беду, Головнева, Чиндарова и других), многих все же пригласили.

Кстати, в целях исследования обстоятельств, связанных с незаконной передачей надзорных функций бывшим Генеральным прокурором СССР Н. Трубиным бывшему Генеральному

прокурору РФ В. Степанкову, а также для исследования вопроса, связанного с законностью моего ареста как народного депутата СССР и длительным содержанием в следственной тюрьме, я ходатайствовал вызвать в качестве свидетелей Н. Трубина и В. Степанкова. Однако суд мне в этом отказал.

Бесспорно, показания всех свидетелей представляли, да и представляют и сейчас большую ценность. Тем более что они были даны в результате обращения к ним председательствующего суда, а также после моего обращения. Перед допросом председательствующий разъяснял каждому свидетелю его гражданский долг и обязанность правдиво рассказать все известное ему по делу ГКЧП, но в рамках, касающихся только подсудимого Варенникова. Одновременно свидетель предупреждался об ответственности за отказ от дачи показаний или дачи ложных показаний. У свидетеля бралась подписка о том, что ему разъяснены его права и обязанности, он понял свой долг и ответственность.

Каждый раз, когда эта обязательная процедура заканчивалась, я поднимал руку и просил слова для обращения к свидетелю. Председательствующий мне никогда в этом не отказывал. Обращаясь к каждому из них по имени и отчеству, я говорил:

> «Прошу вас, прежде чем давать какие-нибудь показания в отношении меня, глубоко вдуматься в существо обвинений, которые мне предъявлены. Я обвиняюсь в измене Родине с целью захвата власти, в умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны. Это самая тяжелая статья и соответственно предусмотрена самая тяжелая кара. Давая показания, вы несете ответственность. Поэтому будьте осмотрительны, чтобы исключить нежелательные для вас последствия».

Говоря об этом, я преследовал две цели. С одной стороны, максимально провоцировать выступления против себя, хотя был абсолютно уверен, что и в этих условиях показания в большинстве случаев будут в мою пользу. Тот же, кто побоится это сделать, может в показаниях ограничиться общими фразами. Однако мне было важно, чтобы судебное следствие видело мою открытость.

Вторая цель — открыть глаза свидетелю. Ведь далеко не каждый из них ясно представлял, к какому уголовному делу он имеет отношение и какие для него могут быть последствия, исходя из тех показаний, какие он намерен дать. Для него лично

и, следовательно, для его семьи. Это касалось в первую очередь тех, кто находился на государственной службе.

Но, к всеобщему удивлению и большой общей радости, несмотря на мои «старания», не нашлось ни одного свидетеля, который в чем-то бросил на меня, мои действия или высказывания хотя бы небольшую тень. Наоборот, подавляющее большинство свидетелей выступали с патриотическими речами и тепло отзывались лично обо мне. Конечно, я им всем бесконечно благодарен за это, но самое главное — они своими выступлениями показали народу, что не угас огонь борьбы за социалистическое Отечество.

Нет возможности, да и необходимости воспроизвести все. Приведу лишь выступления всех свидетелей и общее содержание речей наиболее ярких фигур.

В числе первых выступал заместитель министра обороны РФ, Герой Советского Союза, генерал-полковник Борис Всеволодович Громов.

Откровенно говоря, я, наверное, за него переживал больше, чем он сам. Кстати, инициатива вызова Б. Громова в качестве свидетеля принадлежала суду. И когда я увидел его фамилию в списке, то первым побуждением было немедленно обратиться через адвоката к суду и исключить его из числа свидетелей. Но Д. Штейнберг мне разъяснил, что, во-первых, подсудимому некорректно вмешиваться в работу суда, а тем более определять, кого из названных судом оставлять в списках, а кого исключать. Во-вторых, список уже объявлен, поэтому предложение запоздалое, и никто вносить коррективы не будет. В-третьих, не в интересах подсудимого делать из этого проблему — пресса может раздуть такое пламя, что всем будет тошно. Я согласился.

Б. Громов появился в зале по приглашению суда. Как всегда спокойный (во всяком случае — внешне), он ровной и уверенной походкой прошел на свое место. А когда его пригласили на трибуну и объяснили его обязанности, я обратился к Громову со своим «провокационным» предложением — вначале хорошо взвесить свои показания, учитывая, что он находится на службе.

На мой взгляд, из всех свидетелей, находившихся в тот момент на государственной службе или в отставке, в самом сложном положении был Борис Всеволодович Громов. Во-первых, он находился на государственной службе и занимал высокий пост заместителя министра обороны. Во-вторых, туман сомнений властей предержащих в отношении роли и места в августовских 1991 года событиях первого заместителя МВД (а эту должность тогда занимал Б. Громов) еще не рассеялся. К тому же министр внутренних дел СССР Б. Пуго застрелился. Все это накладывало

отпечаток и ставило Б. Громова в очень сложное положение.

Мне очень не хотелось, чтобы у него были неприятности.

Выясняя отношение свидетеля к подсудимому, что предусматривалось кодексом, председательствующий спросил у Громова:

— Какое у вас отношение к Валентину Ивановичу?

— Прекрасное. Самое доброе, честное и откровенное.

— А у вас, Валентин Иванович, к свидетелю Громову? — обратился ко мне В. Яськин.

— Такое же, как и у него ко мне, — ответил я. А сам подумал: «Это же надо! Как бы его искренность и откровенность не вышла ему боком. Ведь столько уже поломанных, загубленных судеб».

Борис Всеволодович в своем выступлении подробно обрисовал сложившуюся обстановку и причины, почему страна попала в такое положение. Давал безжалостные характеристики Горбачеву и его политике. Прямо заявил, что наш доверчивый и благородный народ, поверя ему, возлагал большие надежды на перестройку, фактически же это был пустой звон и страна была ввергнута в катастрофу. В этих условиях деятели из руководства страны, преданные народу, конечно, были обязаны принять меры, чтобы спасти хоть что-то, для чего и создали Государственный комитет по чрезвычайному положению — ГКЧП. Его активно поддержал генерал армии Варенников. Являясь патриотом нашей Родины, он не мог поступить иначе.

И далее Громов дает всестороннюю положительную характеристику как служебной деятельности, так и личных качеств Варенникова. Что же касается ГКЧП, то Б. Громов заявил: «Целиком и полностью поддерживаю цели и задачи комитета, его выступление против политики Горбачева. Надо было это сделать еще раньше. Одобряю все документы, которые изданы комитетом, — они справедливо оценивают обстановку и реалистично подходят к вопросу выхода страны из кризиса и стабилизации обстановки. Но я критикую комитет за недееспособность и схоластику — сказали много и то, что нужно, но ничего не сделали. За непоследовательность, нетвердость в проведении своих решений в жизнь, слабую организаторскую работу и фактически отсутствие управления страной, за трусость взять реальную ответственность на себя и навести надежный порядок в стране. Я критикую ГКЧП за то, что он не оправдал доверия народа».

Это были сильные, справедливые слова. Выступление Б.Громова произвело на всех огромнейшее впечатление не только своим содержанием, справедливой оценкой произошедших в стране событий, но всех покорило его мужество. Далеко не

каждый заместитель министра (тем более заместитель министра обороны) отважится на такое выступление. А ведь чтобы смело сказать правду, требуются личная отвага и мужество. Не каждый обладает такой силой духа, как Громов, чтобы в тяжелых условиях подавления демократии решиться на такой поступок. Ведь совсем недавно был издан Указ Президента РФ № 1400 о разгоне Советов всех уровней. Еще не остыли стволы танковых орудий после расстрела Дома Советов. Еще не высохли слезы на воспаленных глазах матерей, потерявших своих детей у этого здания с зияющими разбитыми окнами и закопченным от гари фасадом… В этой обстановке далеко не каждый осмелится выступить на суде «над изменником Родины» так, как это сделал Б. Громов.

Вопросов Борису Всеволодовичу задавали мало. Он дал исчерпывающие ответы. Председательствующий поблагодарил его, и Б. Громов освободил место на трибуне очередному свидетелю.

А я еще долго думал об этом выступлении, опасался, что Ельцин этого Громову не простит, а в том, что ему, Ельцину, об этом доложат, не было никакого сомнения. Тем более что именно эти показания были опубликованы в газетах. Но вроде все обошлось. Однако грозовая обстановка вокруг Б. Громова сгущалась. И она разразилась, когда назрела война в Чечне, т. е. ждать пришлось недолго.

Борис Всеволодович был категорическим противником этой войны. Он настаивал на политическом пути разрешения кризиса. Имея огромный опыт войны в Афганистане, глубоко понимая, как сложно погасить этот «пожар», если он уже разгорелся, и осознавая, насколько тяжелы его последствия, Б. Громов делал все, чтобы война не началась. И возможность такая была — Дудаев был готов встретиться с Ельциным и договориться.

Однако в то время министром обороны был П. Грачев, который на весь мир заявил, что он сможет одним десантным полком в течение месяца навести в Чечне порядок. И хотя он тоже в свое время был в Афганистане, но оказался неспособным сделать из этого горького урока правильные социально-политические выводы. Да и в военном отношении он с трудом тянул на командира дивизии, а тут вдруг ему вручили Вооруженные Силы огромной страны, поставив министром обороны. По своим возможностям и способностям он просто не соответствовал занимаемой должности, однако был предан Ельцину. А для последнего это было все, поэтому-то он и говорил, что Грачев — лучший министр обороны за последнее десятилетие. Возможно, границы мышления и лексика застолья

тоже сближали президента и министра. Но то, что Громов и Грачев — совершенно разные люди и разные военачальники, так это факт. Они не сопоставимы ни по культуре, ни по интеллекту, ни по возможностям анализировать, мыслить, предвидеть и даже просто говорить. Когда в беседе с корреспондентом Грачев говорит: «Я удивлен на ваш вопрос…», то невольно думаешь: «Да что же в конце концов у нас происходит? Что можно ожидать от такого министра?» И неудивительно, что Грачев стал одним из основных могильщиков наших Вооруженных Сил. Зато сам обогатился. И жил и живет сейчас припеваючи.

* * *

Но продолжу повествование о суде. Интересным было выступление на одном из заседаний бывшего начальника ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск маршала артиллерии Владимира Михайловича Михалкина. Он тоже уделил большое внимание оценке произошедшего в стране, с болью говорил о беспределе в развале государства и его экономики о процветании преступности, при этом никто не несет ответственности за случившееся. Органы, призванные по долгу службы стоять на страже закона, решительных мер к наведению порядка не принимают. Исключительно остро маршал говорил о самой трагедии, постигшей наше Отечество, о развале Советского Союза! Владимир Михайлович говорил: «Так что же получается? Раньше, если человек украл мешок картошки, так его судят и сажают в тюрьму, а сейчас развалил государство и никакого спроса, живет себе припеваючи».

Владимир Михайлович Михалкин тепло отозвался обо мне. Возможно, на него повлияла наша долголетняя совместная служба, начиная с Прикарпатского военного округа.

Большой интерес вызвало и выступление свидетеля — бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Михаила Николаевича Хронопуло. В основном он говорил о «фантазиях» Генеральной прокуратуры, об охране участка побережья, где располагалась резиденция Президента СССР, а также о преступных решениях, которые якобы имели место на аэродроме Бельбек — главной авиационной базы, через которую шла вся физическая связь Москвы и других городов страны с Горбачевым.

М. Н. Хронопуло положительно высказался в мой адрес. Однако, очевидно желая подчеркнуть свое личное ко мне уважение, он заметил: «Я обязан был выполнять все распоряжения

генерала армии Варенникова, так как он был заместителем министра обороны». В связи с этим я был вынужден развернуть небольшую дискуссию, в ходе которой пояснил, что главнокомандующему Сухопутными войсками — заместителю министра обороны подчиняются только Сухопутные войска, т. е. все военные округа и группы войск, шесть военных академий, около сорока высших военных (по соответствующим родам войск) и других училищ, в том числе суворовских, а также базы, склады, арсеналы, научно-исследовательские институты, полигоны, учебные центры и некоторые другие структуры. Но распоряжения главкома Сухопутных войск не распространяются на другие виды Вооруженных Сил, в том числе на Военно-Морской Флот, где есть свой главком и тоже заместитель министра обороны. Что же касается воинского звания, то генерал армии является начальником только для младших офицеров и ниже. Поэтому для старшего офицера, а тем более высшего звена — генералов и адмиралов — он не является начальником.

Кажется, это недоразумение мы уладили.

От Комитета государственной безопасности в качестве свидетеля выступал начальник одного из главных управлений генерал-лейтенант Александр Владиславович Жардецкий, который глубоко и обоснованно оценил сложившуюся в стране к августу 1991 года обстановку и на этом фоне раскрыл конкретные события, которые имели место. То есть фактически он подтвердил мои показания на суде о том, что события августа 1991 года нельзя считать случайностью — это результат разрушительной антинародной политики, которую проводил Горбачев.

Что касается ситуации вокруг Дома Советов РСФСР, то это была открытая и наглая демонстрация неповиновения союзным властям, пренебрежения Конституцией СССР, но все это прикрывалось громкими заявлениями о якобы необходимой защите демократии. Фактически это было антиконституционное, контрреволюционное выступление, возглавили которое Борис Ельцин и его окружение. В самом здании скопилось несколько сот незаконно вооруженных боевиков, которые представляли большую опасность для населения. В этих условиях Комитет государственной безопасности считал своим долгом разоружить этих людей. Однако засевшие в Доме Советов ельцинисты действовали так, как это обычно делают террористы или бандиты — прикрываясь многочисленной толпой, как щитом, Ельцин и его окружение постоянно призывали к защите Белого дома.

И люди приходили. Но не столько на защиту (так как для этого не было причин — защищать было не от кого), сколько

просто поглазеть. А заодно выпить и закусить на халяву. Да и деньги раздавали налево-направо — по указанию Г. Попова. Кстати, в первоначальных заявлениях Г. Попов называл 68 миллионов рублей, которые якобы были розданы «защитникам» Белого дома. Затем эта цифра уменьшилась, и в итоге образовалась цифра 24 миллиона — это проходило и на первом суде.

Таким образом, выступление на суде генерала Жардецкого подтверждало опасность ситуации, сложившейся на Красной Пресне, и необходимость разоружения боевиков, засевших в Доме Советов РСФСР.

Особый интерес представляло выступление командира подразделения «Альфа» Героя Советского Союза генерала В.Ф. Карпухина. Не анализируя всех передвижений этого подразделения в августовские дни, отметим, что «Альфа» имела высокую готовность к действиям и была способна безупречно выполнить любой приказ своих начальников. В. Ф. Карпухин на суде прямо заявил, что его подразделение было готово выполнить любую задачу. Однако никаких распоряжений об активных действиях, в том числе о проникновении в Белый дом с целью разоружения боевиков они так и не получили. В. Ф. Карпухин также развенчал тех, кто разносит нелепые слухи, будто личный состав подразделений КГБ, в том числе «Альфа», отказались выполнять приказы в отношении Белого дома. Он еще раз подтвердил готовность «Альфы» к действиям, но, увы, приказ о них так и не последовал.

Необычными были выступления и действия председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанова. Когда его вызвали в зал заседания суда как свидетеля, то он уже с порога начал громко причитать, что произошла досадная ошибка: ни у кого даже в мыслях не должно быть, что генерал Варенников мог совершить преступление против Родины, Валентин Иванович патриот своей страны, предан своему народу, поэтому все надо немедленно поправить… В общем, в этом духе он продолжал еще долго. Но самое удивительное то, что он подошел ко мне и неожиданно обнял меня. Вот какие «глубокие» чувства вдруг пробудились у него, когда запахло тем, что его могут привлечь к уголовной ответственности за нарушение закона. Став за трибуну и дав расписку в том, что будет говорить только правду, Р. Нишанов снова продолжил восхваления в мой адрес. Наконец, председательствующий остановил поток его красноречия, и Нишанову начали задавать вопросы — судьи, государственный обвинитель, защита. Я же воздержался от вопросов, потому что после излияний Рафика Нишановича чувствовал себя весьма

неловко. Ведь он даже не дал мне договорить, в чем я обвиняюсь. Он возмутился, что Варенникова могут в чем-то обвинять! Не будем гадать — все это шло от души и сердца Нишанова или того требовали обстоятельства, но факт такой был.

Все вопросы, адресованные Нишанову, крутились вокруг одного момента — почему были грубо нарушены положения, регламентирующие порядок снятия с народного депутата СССР неприкосновенности и привлечения его к уголовной ответственности. Нашанов каждый раз говорил, что он ни в чем не виноват, что здесь допущена ошибка и ее надо поправить, после чего снова с еще большей энергией начинал восхвалять Варенникова. И хотя Р. Нишанова «пощипали» основательно, он из всей этой истории все-таки выскользнул, отделавшись только испугом.

Горбачев перед судом

Но кто бы ни выступал на этом процессе и что бы он ни говорил, главное внимание участников суда, средств массовой информации и граждан, присутствовавших на заседании и собиравшихся перед зданием Верховного Суда, было приковано к Горбачеву. О дне его прихода на заседание было известно заблаговременно. Поэтому «Трудовая Россия» во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым встретила его так, как он того заслужил.

Народу собралось очень много, но и милиции было не меньше. Переносными ограждениями определили границы участка, где было позволено стоять митингующим. С проезжей части дороги всех вытеснили на тротуары. Народ стоял с плакатами, огромными карикатурами на Горбачева и постоянно скандировал: «Горбачев — иуда!», «Горбачев — предатель!», «Горбачева под суд!» и т. п.

Но когда Горбачев подкатил к центральному подъезду — народ взревел! Творилось что-то неописуемое. В него полетели помидоры, яйца, какие-то коробки. И, несмотря на то что от проезжей части до входа милиция сделала «коридор», Горбачев и его спутники (он приехал с дочерью и помощниками) еле проскочили в здание.

Со временем в сознании людей стирается все, что в свое время натворил Горбачев. Может, потому, что его преемник Ельцин «затмил» Горбачева. А тогда все — и развал страны, и разграбление страны, и «война законов», и пустые полки, и разрыв экономических связей, и непомерный рост преступности, и нарождение капитализма, и холуйство перед Западом, и все то, что привело нас к краху, — все это еще было слишком свежо в памяти…

Допрос Горбачева длился два дня. Он стал единственным свидетелем, который давал показания так долго. Первый день его допрашивали суд, государственный обвинитель и защитник. А на второй день вопросы задавал я. Весь день. С утра и до вечера, с часовым перерывом на обед.

В первый день особое внимание Горбачеву уделили прокурор А. Данилов и народный судья генерал В. Подустов. Своими вопросами, особенно о развале Советского Союза, они буквально загнали Горбачева в угол. Доведенный до «белого каления», Горбачев начал выкрикивать: «Я понял, куда я попал!», «Я понял, что это за суд!» и т. п. Но председательствующий его осадил, успокоил и предупредил, что судебное следствие идет в рамках закона и никаких нарушений нет. И тогда народный судья В. И.

Подустов с еще с большим вниманием продолжил допрос.

Вообще-то Горбачев участие в суде хотел использовать для поднятия своего политического имиджа. Впереди были выборы Президента России. Возможно, он рассчитывал КäК можно более эффектно разделаться с Варенниковым, чтобы идти на выборы. Но его планы были разрушены уже в момент появления у здания Верховного Суда. А потом начались сплошные «спотыкания», начиная с первой фразы его показаний. На вопрос председательствующего: «Как вы относитесь к Варенникову?»— Горбачев ответил: «Нормально, уважительно». На такой же вопрос, заданный мне, я ответил, что отношусь к нему (Горбачеву) с неприязнью. Это уже наложило отпечаток на атмосферу допроса свидетеля.

Впрочем, первые осложнения Горбачев создал себе сам. В начале своего выступления он сказал:

— Уважаемый суд! Я долго думал о том, идти мне на этот суд или не идти?

— То есть как это: идти или не идти? — перебил его председательствующий и посмотрел на Горбачева.

Тот, переминаясь с ноги на ногу, ничего толком не смог объяснить. Тогда А. Яськин объявил, как отрубил:

— Если бы вы не явились в суд, то вас бы привели. Вы — свидетель.

Не найдя, как отреагировать на такой оборот, Горбачев долго перебирал свои листочки. А когда наконец собрался с мыслями, то начал жаловаться, какое тяжелое наследство ему досталось. Застойный период, по его мнению, поразил все сферы жизни и деятельности государства. И лишь с началом перестройки народ облегченно вздохнул — гласность и демократия двинули общество вперед.

При этих словах в зале поднялся шум — присутствующие не могли сдержать своего негодования. Председательствующий вынужден был призвать к соблюдению порядка.

* * *

Перейдя к показаниям, которые касались Варенникова, свидетель Горбачев постоянно подчеркивал: «Валентин Иванович имеет большие заслуги перед государством», «он внес большой вклад в дело строительства и развития Вооруженных Сил», а «события августа 1991 года — это просто эпизод, куда его втянули…» и т. д. Однако совершенно ничего не сказал о том, что я, будучи у Горбачева в Крыму, «кричал на него», как это он

подавал в прессе. Явно просматривалась тенденция задобрить Варенникова, а вместе с ним и всех участников судебного заседания. Тогда можно было бы надеяться на то, что все последующее разбирательство будет проходить в либерально-снисходительном ключе.

Сей подтекст был выражен, всем была ясна общая направленность выступления Горбачева. Поэтому нельзя было расслабляться. Но хотелось бы особо отметить одну деталь — мелочность Горбачева, его узкое мышление. Приведу только два примера из его выступления. В своей речи он упомянул о том, как народ встретил его при входе в здание Верховного Суда: «Я знаю, чья это работа! Это Шенин все организовал!» Мне неизвестно, насколько причастен к событиям на улице Олег Семенович Шенин, но то, что Горбачев акцентировал внимание на этом позорном для него эпизоде, было весьма и весьма странно.

Когда Горбачев стал говорить о ГКЧП, его составе и лицах, активно поддержавших этот комитет, он бросил такую фразу: «Вот они сидят все в один ряд. Я каждого из них за уши вытянул на тот пост, который каждый из них занимал. А что они в благодарность сделали?» То есть Горбачев рассуждал прагматически: «Коль я поставил их на эту должность, то они и обязаны мне служить». А как же Конституция? А долг перед народом и Отечеством? Нет, такие категории его не интересовали. Именно ему все должны были служить. Как в рабовладельческом обществе.

Однако к концу первого дня Горбачев скис. Реакция на вопросы стала замедленной. Ответы были вялые. Ушел он из зала понурый. И уезжал уже не от парадного подъезда, а скрытно, со двора, чтобы не попасть на глаза народу.

На следующий день он также тайно со двора пробрался в здание суда и присутствовал на заседании уже с сокращенной свитой (в частности, не приехала его дочь, и правильно сделала: зачем позориться?!). Весь этот день вопросы задавал Горбачеву я. Правда, половину из них председательствующий снял, так как, по его мнению, они носили политический характер, но на половину Горбачеву все же пришлось давать ответы. Но уже то, что вопросы прозвучали, позволяло делать выводы о том, что у нас в стране произошло и по чьей вине. Приведу три вопроса.

Обращаясь к Горбачеву, я называл его «свидетель». Он же вначале обращался ко мне по имени-отчеству, затем — только по фамилии. А в какой-то момент взорвался и сказал, обращаясь ко мне: «Вы не забывайтесь: я — свидетель!»— и при этом поднял руку вверх. Затем, резко опустив ее вниз и показывая на пол, добавил: «А вы — подсудимый!» Видимо, хотел подчеркнуть

колоссальную разницу между нами: небо и земля.

Естественно, я должен был немедленно отреагировать, что я и сделал: «Верно! Это — пока! Пока вы свидетель, а я подсудимый. Но придет время, и мы ролями поменяемся». Чтобы пресечь полемику, председательствующий периодически вмешивался и предлагал переходить к следующему вопросу.

* * *

Весь перечень вопросов приводить не буду, но некоторые из них приведу.

— Свидетель, — спрашиваю я Горбачева, — скажите, постановления и другие решения Верховного Совета СССР для вас как для президента страны были обязательны, или это касалось только народа, а вы могли их не выполнять?

Понимая, что вслед за этим последует другой и основной вопрос, Горбачев всячески маневрировал, не давая прямого ответа. Видно, прикидывал, что может быть в вопросе.

Я настаивал:

— Свидетель, вы все-таки ответьте на конкретный вопрос: постановления Верховного Совета СССР для вас были обязательны или вы могли их не выполнять?

И лишь после третьего захода он вынужден был сказать:

— Да, постановления Верховного Совета мною должны были выполняться.

— Тогда скажите, свидетель, почему вы не выполнили постановление Верховного Совета СССР от 23 ноября 1990 года? Оно называется «О положении в стране». В констатирующей части этого постановления говорится, что в стране у нас создалась чрезвычайная обстановка. А в постановляющей части давалась рекомендация: Президенту СССР принять адекватные, т. е. чрезвычайные меры по наведению порядка. Почему вы не выполнили это?

Естественно, Горбачев прямо не отвечал, а развернул демагогию, как он это умеет делать. Перебивая его, я говорю:

— Мы к вам в Крым приехали в августе 1991 года. Это через девять месяцев после того постановления. И приехали с теми же предложениями, что и в постановлении, т. е. о введении чрезвычайного положения там, где этого требовала обстановка. И если бы еще в конце 1990 года были бы приняты меры, как записано в постановлении Верховного Совета, то, может, не было бы и событий в августе 1991 года. Почему вы не выполнили постановление?

После длительного горбачевского словоблудия я, обратившись к председательствующему, сказал, что свидетель умышленно затягивает время, уходит от ответа, поэтому я предлагаю перейти к следующему вопросу.

Генерал В. Яськин согласился и предложил задать следующий вопрос. Я спрашиваю Горбачева:

— Свидетель, скажите, после того, как мы побывали у вас на даче в Крыму, вы считали себя еще президентом или считали, что вы уже лишились этого поста?

Вопрос, конечно, был неожиданным и принципиальным. Чувствовалось, что Горбачев не был готов к ответу, поэтому и начал издалека. Послушав несколько минут характерную для Горбачева демагогию, я вынужден был прервать его и вновь повторить вопрос:

— Скажите прямо: вы считали, что оставались президентом, или считали, что вы уже не президент?

Горбачев опять начал рассказывать обо всем, но не отвечал на вопрос. Я понимал, что ему надо выиграть время, чтобы сообразить, что для него выгодней. И он, естественно, мысленно метался, а посоветоваться было не с кем — главный советник (Раиса Максимовна) отсутствовал. Когда стало ясно, что Горбачев прямо отвечать на поставленный вопрос не хочет, я вынужден был обратиться к суду:

— Уважаемый суд, прошу вас заставить свидетеля ответить на конкретный вопрос!

— Вы знаете, вам придется ответить, — заключил генерал В. Яськин.

Загнанный в угол, Горбачев, немного помешкав, сказал:

— Я оставался президентом.

Я поворачиваюсь к суду и заявляю:

— Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти. Скажите, какую власть я хотел захватить? Если законодательную, то она сидела в «Матросской тишине» рядом со мной в лице Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова. Если исполнительную, то она в лице председателя Правительства Валентина Сергеевича Павлова и силовых министров тоже сидела в одних стенах с нами. В отношении судебной власти ко мне никаких претензий нет. А вот этот свидетель сейчас сказал, что он как был президентом, так им и остался. Какую я хотел захватить власть?

Конечно, в этой обстановке положение председательствующего было сложным, но он быстро нашелся и сказал:

— Валентин Иванович, это мы еще обсудим, а сейчас давайте

перейдем к следующему вопросу.

— Свидетель, — снова обращаюсь я к Горбачеву, — сейчас я задам вам вопрос, в котором будет мало комфорта. Но я вынужден его задать.

И сделал небольшую паузу, Горбачев заерзал (его посадили на стул, он уже не мог стоять). Глядя ему в глаза, я продолжил:

— Скажите, свидетель, почему вы в итоге своей деятельности стали ренегатом в партии и предателем своего народа?

Конечно, никто никогда подобного ему не говорил. Он сразу вскочил и начал кричать: «Это произвол, это недопустимо! Что здесь вообще происходит? Почему его не приведут в порядок?» В этом же духе он продолжал «выступать» еще несколько минут. Председательствующий тоже поднялся со своего места и стал его успокаивать, говоря, что все идет в рамках судебной процедуры… Я смотрел на эту перепалку и думал: «Вот это надо было сказать Горбачеву раньше, хотя бы в 1987–1988 годах. Может, тогда и не было бы такой трагедии».

Выяснение отношений закончилось, и Горбачев, подводя итог, сказал:

— Я подам на него в суд!

— Это ваше право… Можете подавать в суд по месту жительства, — отреагировал В. Яськин.

А я подумал: «Вот будет хорошо, если он подаст в суд. Ведь у меня миллионы свидетелей».

Все сели на свои места, успокоились. Обычно председательствующий вопросы, носящие политический характер, снимал. В данном случае из-за поднятого Горбачевым переполоха вопрос снят не был. Но Горбачев не ответил, почему он предал народ. Тогда я в наступившей тишине громко говорю:

— Так я жду ответа!

Горбачев беспомощно развел руками, а председательствующий, словно спохватившись, объявил, что вопрос снят, так как носит политический характер. Верно, но ведь он освещает истину — кто предал наш народ.

* * *

Наверное, за всю свою жизнь Горбачев никогда не испытывал такого принародного унижения, как на этом суде. Было позорище и на заседании Верховного Совета РСФСР, когда Горбачев стоял на трибуне, а к нему подошел Ельцин и тыкал Горбачеву в лицо бумаги и требовал — вот, читай. И тот читал. Но это был эпизод. А здесь два дня допроса его в качестве свидетеля, два дня позора.

Однако Горбачев мог его избежать, избери он положение не свидетеля, а потерпевшего. Потерпевший мог на судебный процесс не являться. Но ни высшее юридическое образование Горбачева, ни руководство Генпрокуратуры, которое дало Горбачеву право выбора, в какой роли ему выступать, ни ближайшее окружение не подсказали ему, как правильно себя вести на суде.

Однако, наверное, мы зря беспокоимся по поводу того, что Горбачеву доставлены неприятности. Видимо, лично он на все это смотрит проще, практичнее и спокойнее, чем мы думаем.

Взять хотя бы случай с его женой Раисой Максимовной. Как он переживал, когда она умерла! Сколько слез, сколько страданий… Но не прошло и полугода, как мы видим Горбачева — улыбающегося, жизнерадостного! — в кругу московской элиты, встречающей Новый, 2000 год.

Вот тут весь Горбачев.

Государственный обвинитель о деле ГКЧП и роли в нем Горбачева

После Горбачева суд допрашивал еще многих свидетелей. И все допросы были интересными. Но они имели значение в основном только для расследования уголовного дела, а политический фактор уже, как правило, отсутствовал.

Наступил день прений сторон. Первым выступил государственный обвинитель — прокурор, полковник Аркадий Борисович Данилов. Для того, чтобы на него не давили и не влияли начальники, готовиться к выступлению на суде он уехал за город. Его речь произвела эффект разорвавшейся бомбы — государственный обвинитель потребовал снять с подсудимого все обвинения за отсутствием в его действиях состава преступления.

Свою речь А. Б. Данилов произнес 9 июля 1994 года. Как и день объявления приговора, это был для меня судьбоносный день.

Вот эта речь государственного обвинителя А. Б. Данилова:

«*Высокоуважаемый суд!*

Приступая к отведенной мне роли в процессе на завершающем этапе, я хочу заявить, что в своей речи отрекаюсь от личных и политических пристрастий, помню лишь о высшей цели — торжестве правосудия.

Волей-неволей, давая оценку делу, я вынужден буду рассматривать его в соотношении с событиями, предшествовавшими тем, которые привели Варенникова на скамью подсудимых, и последовавшими за ними.

Увы, иначе поступить нельзя, ибо дело это — лишь следствие и отражение глубинных исторических процессов, свидетелями и участниками которых оказались все находящиеся в этом зале.

Поскольку я ограничен рамками обвинения, предъявленного Варенникову, постараюсь уложить свои доводы в жесткую схему, установленную законом.

Итак, Варенников обвиняется в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР, т. е. в измене Родине. В том числе ему инкриминируется участие в заговоре с целью захвата власти — совместных действиях с лицами, образовавшими Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) и принявшими участие в его создании и работе.

Очевидно, следует проследить — какие предпосылки лежали в основе создания этого комитета, ибо, не исследовав истоки его появления, нельзя сделать правильный вывод по тем

объяснениям, которые приводит Варенников в обоснование своих поступков, ставших предметом судебного разбирательства.

Сам по себе тот факт, что данное, начатое три года назад, дело до сих пор не завершено, свидетельствует о его незаурядности.

В августе 1991 года — именно эта дата взята за точку отсчета предварительным следствием — огромная страна— Союз Советских Социалистических Республик, занимавшая территорию, равную одной шестой части суши земного шара, оказалась в глубоком кризисе, который поразил экономическую, политическую, социальную сферы великого государства.

Почему и как это произошло — ответят, наверное, лишь историки грядущих поколений.

Сама по себе констатация этих фактов — а они не являлись секретом — требовала от людей, стоявших у руля управления государством, принятия кардинальных мер, дабы великая держава не была ввергнута в пропасть.

Не входя в область предположений: «что было бы, если бы…», оценим лишь то, что было и что есть (стало), исходя из той отправной точки августа 1991 года.

Итак, глава советского государства — Президент СССР М. С. Горбачев связывает свои надежды с подписанием нового Союзного договора, установив для этого дату 20 августа 1991 года.

В противовес ему ряд государственных деятелей видят в этом факте окончательный развал государства и полагают, что спасти положение можно лишь экстренными мерами чрезвычайного характера…

Следует отметить, что идея о необходимости чрезвычайных мер появилась не вдруг и не только у лиц, которые ранее были привлечены к уголовной ответственности в связи с данным делом.

3 апреля 1990 года был принят Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», по поручению президента прорабатывался механизм реализации этого закона на практике, 16 мая 1991 года принят Указ Президента СССР «О неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей народного хозяйства», который начинается со слов: «Народное хозяйство находится в критическом состоянии. Падает производство, национальный доход уже сократился на 10 процентов». Этот Указ ввел в обиход и в повседневную жизнь сотен тысяч людей понятие «меры особого режима работы» — цитируется по тексту, подписанному лично Горбачевым.

Иными словами, существовали объективные предпосылки для

того, чтобы — по Чехову — ружье, висевшее на сцене в первом акте, выстрелило в последнем.

Нельзя сбросить со счетов и предпосылки, которыми руководствовались лица, вошедшие в ГКЧП и к нему примкнувшие.

Все эти люди ссылались на то, что Союзный договор фактически перечеркивал результаты мартовского (1991 года) референдума по вопросу ö сохранении Союза. Не случайно этот довод предварительное следствие и не пыталось опровергнуть и обошло вниманием в процессуальных документах, поскольку одно лишь количество республик, собравшихся подписывать Договор, вполовину уменьшило состав, определенный ст. 71 Конституции СССР.

Поскольку договор, подписание которого было намечено, является одним из отправных пунктов событий августа 1991 года, следовало бы дать развернутый анализ юридической его обоснованности, соответствию Конституции СССР аспектов подготовки, принятия и т. д. и т. п.

Впрочем, это, видимо, будет не один год предметом изучения теории государства и права.

Более интересен подход к этой теме практиков, непосредственно находившихся в высших эшелонах власти Союза ССР.

Бывший председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Н. Нишанов показал в суде, что последний вариант проекта Союзного договора не соответствовал итогам мартовского (1991 г.) референдума по вопросу о сохранении Союза ССР. Сам Нишанов, занимая одну из высших ступеней в иерархии государственной власти, фактически был отстранен от разработки этого важнейшего для страны документа.

Несмотря на объявленный срок подписания договора, механизм подписания, очередность, состав участников, вступление в силу не были до конца отработаны.

Высший орган государственной власти — съезд народных депутатов СССР вообще оказывался в стороне от развернувшихся событий вопреки ст. 73 и 108 действовавшей Конституции СССР.

На это обстоятельство обратил внимание и Р. И. Нишанов, с чьим мнением трудно не согласиться.

Плодившиеся день ото дня параллельные органы власти, не предусмотренные Конституцией СССР, подменяли собой существовавшие структуры, вносили анархию и дезорганизацию в государственный механизм.

Ввиду того, что проблемы государства все туже и туже затягивались в узел, ситуация требовала немедленной разрядки.

Характерными словами описал Язов мотивы, которыми руководствовался он и его сподвижники: «Все ближайшее окружение Горбачева было против распада Советского Союза. Поэтому и создалось впечатление, что оно выступило против Горбачева. Да не лично против Горбачева, а против развала СССР! Для меня не было большей беды, чем развал Советского Союза».

Не вдаваясь в оценку всей деятельности ГКЧП, лиц, входивших в состав комитета, а также их единомышленников, которые ранее были привлечены к уголовной ответственности в связи с данным делом, хочу все же перечислить ряд фамилий и должностей, поскольку эти обстоятельства имеют существенное значение.

Итак, непосредственно в состав ГКЧП вошли Бакланов О. Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В. А. — председатель КГБ СССР, Павлов В. С. — премьер-министр СССР, Пуго Б. К. — министр внутренних дел СССР, Язов Д. Т. — министр обороны СССР, Янаев Г. И. — и.о. Президента СССР, а также Стародубцев В. А. и Тизяков А. И.

Обнародованные ГКЧП «Заявление советского руководства», «Обращение к советскому народу», «Постановление № 1» приводили Конституцию СССР и законы СССР в качестве главенствующих правовых документов, подчеркивая их безусловное верховенство на всей территории СССР.

Привлеченные к уголовной ответственности по данному делу лица, в т. ч. и Варенников, неоднократно, с первых же допросов на предварительном следствии, говорили о том, что их действия не были рассчитаны на длительный период времени.

Свидетель Павлов В. С., в частности, показал в суде, что Горбачев пользовался авторитетом у государственных деятелей Запада и экономическая помощь СССР оказывалась под «Горбачева». Хотя бы по этой лишь причине устранение его с политической арены было нежелательным.

Объективным свидетельством того, что ГКЧП был образован на непродолжительный срок, является тот факт, что на 26 августа 1991 года была созвана внеочередная сессия Верховного Совета СССР.

Допрошенный в суде свидетель Егоров А. Г. по этому же вопросу показал, ссылаясь на слова Крючкова В. А. о том, что Горбачев не должен уходить в отставку, ему необходимо отдохнуть на период наведения порядка в стране.

В обвинении указано, что «в августе 1991 года группа лиц, занимавших высшие гос. посты… не разделявшие позиции Президента СССР в вопросах оценки ситуации в стране, путей и форм дальнейшего осуществления процесса реформ, стремясь

сорвать подписание Союзного договора, ввести в стране чрезвычайное положение и добиться тем самым изменения государственной политики, встала на путь организации заговора с целью захвата власти».

Следует сразу же отметить, что в перечне должностей и фамилий, вошедших в данный пункт обвинения, имя Варенникова отсутствует.

Исходя из этого факта, следует сделать вывод о том, что непосредственно у истоков ГКЧП подсудимый не стоял.

Конкретные первоначальные действия с участием Варенникова, вмененные ему, датированы 16 августа 1991 года.

В соответствии с фабулой обвинения, в этот день «Язов к участию в заговоре привлек своего заместителя», при этом посвятил его в планы срыва подписания Союзного договора и введения чрезвычайного положения. На Варенникова при этом планировалось возложить обязанность по непосредственному обеспечению режима ЧП.

Подсудимый Варенников по данному эпизоду обвинения показал в суде, что его нельзя было посвятить в планы по срыву подписания Союзного договора и введения чрезвычайного положения по той лишь причине, что такого плана просто не существовало.

Где, кто и когда возложил на Варенникова обязанность по непосредственному обеспечению режима ЧП, обвинение не раскрывает, а подтверждений тому в деле не имеется. Сам Варенников факт встречи с МО Язовым в тот день не отрицает, подчеркивая, что это была обычная встреча, носившая рабочий характер. Затрагивалось в беседе и положение в стране, при этом МО Язов предупредил о возможном применении закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» в некоторых районах страны. В связи с этим МО предупредил, что Варенников должен быть готов отправиться в Киев для обеспечения порядка на территории КВО, ПрикВО и ОдВО.

Допрошенный в качестве свидетеля Язов в судебном заседании показал в этой части, что в связи с опубликованием нового Союзного договора он пригласил к себе Варенникова и Ачалова 16 августа 1991 года и изложил свою позицию о том, что с подписанием договора Вооруженные Силы СССР в их прежнем виде перестанут существовать, оборона государства будет разрушена. Если в складывающейся ситуации встанет вопрос о введении ЧП, то Варенников поедет на Украину. Но окончательное решение принято не было.

Не подтверждает обвинение в этой части и допрошенный в суде Ачалов, который был третьим участником разговора 16

августа 1991 года.

Вывод:

Доказательства эпизода обвинения по 17 августа 1991 г.

Встреча на объекте «АБЦ» Варенникова, Крючкова, Язова, Болдина, Бакланова, Павлова, Шенина, Грушко, Ачалова.

Подсудимый показал по данному эпизоду обвинения, что он действительно принимал участие в совещании 17 августа 1991 г. на объекте КГБ «АБЦ», при этом предметом обсуждения были два вопроса: 1) оценка обстановки в стране и 2) что в этой обстановке делать.

Какой-либо план не разрабатывался, дата 18 августа 1991 г. не определялась как начало выступления.

Принято общее решение — ехать с докладом к Горбачеву, просить принять адекватные меры, в т. ч. ввести в некоторых районах и отраслях народного хозяйства страны чрезвычайное положение. А если Горбачев захочет остаться в тени, то поручить это кому-либо другому, например вице-президенту.

Крючков и Павлов говорили о проекте Союзного договора, который вел к распаду СССР.

Никакие другие вопросы на заседании не рассматривались, обвинение в этой части ничем по материалам дела не подтверждается.

Участники совещания — Крючков, Павлов, Болдин, Бакланов, Шенин, Язов, допрошенные в суде, показали, что на встрече 17 августа 1991 года они согласованно пришли к выводу, что подписание Союзного договора приведет к развалу государства. К тому же сам договор противоречил результатам мартовского общенародного референдума.

В связи с этим было принято общее решение — лететь к Горбачеву, доложить еще раз обстановку в стране и убедить не допускать подписания нового договора.

Если предположить, что лица, привлеченные ранее к уголовной ответственности, могут излагать показания в выгодном им свете, то в целях объективности необходимо проанализировать и иные доказательства, которыми располагает суд. Свидетель Егоров показал, что на объекте «АБЦ» вопросы об изоляции президента, отключении у него связи, усилении охраны, захвата власти, состав ГКЧП и его функции не обсуждались.

Выводы следствия о противоправном характере действий Варенникова не основаны ни на законе, ни на материалах дела (по конкретному эпизоду).

18 августа 1991 года Варенников в составе делегации вылетел в Крым.

По показаниям допрошенного в суде Плеханова, он лично

заранее сказал Варенникову о том, что у президента будет отключена связь, этот факт бесспорен.

Сам же Варенников расценивает его как обстоятельство, которое должно было облегчить разговор, не дав Горбачеву отвлечь внимание на какие-то другие разговоры.

Факт ограничения связи, бывшей в распоряжении Президента СССР, подтверждается показаниями свидетеля Карасева Н. В., пояснившего, что объект «Заря» имел связь с Москвой лишь по паролю.

Варенников: когда на даче президента в Крыму ему представили офицера Министерства обороны, то Варенников, не будучи осведомлен о роли и функциях этого должностного лица, ограничился выслушиванием доклада и положением общего характера — чтобы было все нормально и не было происшествий. При этом при обмене репликами между ними прозвучало, что отсутствие связи у президента — временное и вскоре связь будет восстановлена.

Язов: «О существовании средств связи, управлении стратегическими силами в Форосе Варенников не знал и не мог знать».

Свидетель Кириллов В. А. показал в суде, что, будучи оператором абоненского комплекта № 1, он не получал от Варенникова указаний ни об отключении аппаратуры, ни об отправке ее в Москву.

Болдырев В. И., давая свидетельские показания в суде по тому же вопросу, обратил внимание на то, что в протоколе допроса на предварительном следствии отсутствуют несколько ключевых слов, что исказило смысл изложенных им обстоятельств, в т. ч. по вопросу использования «ядерного чемоданчика».

В совокупности же с показаниями свидетеля Генералова В. В. следует вывод о том, что, во-первых, на объекте «Заря» не было узла связи МО; во-вторых, Варенников не являлся инициатором встречи с оператором абонентского комплекта № 1; в-третьих, отключение АК-I было за пределами полномочий Варенникова.

На основании этого, поскольку иных данных ни на ПС, ни в суде не добыто, данный эпизод подлежит исключению из обвинения как вмененный необоснованно.

Варенников: «Да, ЧП предлагалось ввести, но это совершенно не ставилось в зависимость с отставкой президента!»

Непосредственно к изоляции, в т. ч. к действиям Генералова, Варенников отношения не имел и обвинение в этой части подтверждения не находит.

В части противоправных действий Варенникова, вмененных

ему в составе группы лиц, обвинение является недоказанным.

В соответствии с указанием Язова на военном аэродроме Бельбек провел встречу с Громовым, Чичеватовым, Скоковым, Шустко, Хронопуло, Михалкиным, которых ориентировал на действия в условиях ЧП.

В ночь на 19 августа 1991 года был образован ГКЧП.

Допрошенный в суде Язов показал, что именно он отдал Варенникову распоряжение собрать в Бельбеке командующих войсками округов и проинформировать их о порядке введения повышенной боевой готовности. В отношении Хронопуло Язов никакого распоряжения не давал; на самого же Хронопуло Язов — по этикету — возложил функции сопровождающего зам. министра обороны на территории, относящейся к ведению Черноморского флота.

В обвинении верно указано, что встреча была не инициативой самого Варенникова, а выполнением распоряжения Минобороны.

Никто из участников совещания не сказал о том, что ЧП рассматривалось как неизбежный шаг, речь Варенникова носила информативный, а не приказной характер.

«Варенников, выполняя отведенную ему роль в заговоре, прибыв в Киев… встретился с руководством Украины и потребовал от него поддержки действиям ГКЧП и введения чрезвычайного положения в ряде областей Западной Украины».

Содержащаяся в обвинении формула об отведенной Варенникову роли в заговоре не подтверждается никакими материалами дела, поскольку ни на предварительном следствии, ни в суде никто из допрошенных лиц не показал, как именно предписывалось поступать Варенникову в Киеве в условиях создания ГКЧП.

Сам Варенников, допрошенный в суде, показал, что он действительно встречался с председателем Верховного Совета Украины Кравчуком Л. М. и др. должностными лицами, однако ни от кого из них не требовал поддержки действий ГКЧП, не требовал и ввести ЧП в ряде областей Западной Украины, хотя в предположительной форме такая возможность обсуждалась, и то инициатором этого был сам Кравчук. Шифротелеграмма, имеющаяся в деле, полностью совпадает со словами Варенникова по этому факту.

Следует сказать, что допрошенный в ходе судебного следствия свидетель Гуренко С. И., в объективности показаний которого сомневаться не приходится, полностью опроверг данный пункт обвинения, поскольку пояснил, что он присутствовал в течение всего разговора Варенникова с Кравчуком и Варенников при этом никаких противозаконных просьб или требований не

выдвигал, в том числе не требовал поддерживать действия ГКЧП и вводить ЧП в Западной Украине.

Свидетель Язов Д. Т. показал в суде, что указание о встрече с Кравчуком он Варенникову не давал, но предупредил, чтобы тот был готов к такой встрече, если решится вопрос о введении ЧП. При этом, безусловно, предполагалось, что решение о введении ЧП может быть принято лишь республиканскими органами власти.

Таким образом, данный пункт инкриминируемых деяний подлежит исключению из обвинения.

Варенникову вменяется тот факт, что в течение 19 августа 1991 г. он направил в адрес ГКЧП пять шифротелеграмм, текст которых исследован в суде и выдержки из которых содержатся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Опуская то обстоятельство, что некоторые слова и фразы общего характера могут быть истолкованы (или поняты) по-разному, следует задаться вопросом — является ли написание и отправка этих телеграмм противоправным, уголовно наказуемым действием. Поскольку суд не может выйти за рамки предъявленного обвинения, с точки зрения соответствия закону необходимо, на мой взгляд, анализировать именно цитаты, содержащиеся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Сам Варенников подтверждает свое авторство в написании телеграмм, при этом поясняет, что их содержание было продиктовано конкретной ситуацией в стране и в Москве. В частности, Варенникову было известно о взрывоопасной обстановке у Белого дома, которую необходимо было разрядить.

Помимо этого, следует учесть, что отправленные телеграммы носили рекомендательный характер, не имели никаких практических результатов и последствий.

В частности, Варенников, как Главком Сухопутных войск, не дал распоряжений по подчиненным войскам во исполнение тех предложений, которые содержались в телеграммах.

По 7-му пункту обвинения — а его содержание Варенников не отрицает — имеется подтверждение свидетеля Михалкина.

Вместе с тем, если расценивать тот факт с точки зрения уголовного законодательства, он в силу своей малозначительности не может рассматриваться как преступление (обращение в войска дать телеграммы в поддержку ГКЧП). В обвинении указано, что Варенников отдал распоряжение командующему ЧФ Хронопуло об усилении охраны и подготовке к обороне аэродрома Бельбек. Во исполнение этого рота морских пехотинцев, разведывательный батальон и противотанковый

дивизион с полным вооружением заняли позицию на аэродроме.

Перед ними была поставлена задача уничтожения самолетов в случае их несанкционированной посадки.

Сточки зрения конструкции обвинения в данном пункте не указано — где и когда Варенников отдал также распоряжение. Не приведена и причина — чем было вызвано такое распоряжение.

Сам Варенников по приведенному эпизоду показал, что действительно высказал Хронопуло свои соображения о недостаточной охране аэродрома Бельбек, сделал он это в разговоре по телефону из Москвы вечером 20 августа 1991 года.

Однако Хронопуло не подчинен Варенникову по службе и не мог воспринимать подобное замечание как приказ.

Свидетель Язов в суде дал дополнительные пояснения по тому же вопросу — аэродром Бельбек был подчинен Главнокомандующему войсками ПВО, и ни Варенников, ни Хронопуло самостоятельно не могли принять решения в отношении этого объекта. К тому же, подчеркнул Язов, Варенников не являлся прямым начальником для Хронопуло.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Хронопуло М. Н. показал, что он, как командующий ЧФ, не был подчинен Главкому Сухопутных войск, а если и получал какие-либо распоряжения от Варенникова, как зам. МО, то выполнял их лишь после доклада о том Главкому ВМФ и его приказания на этот счет.

Отвечая на вопросы по пунктам обвинения Варенникова, Хронопуло дал принципиальные разъяснения, что, во-первых, никаких особых распоряжений по ЧФ в связи с введением ЧП не было, в т. ч. и по изоляции объекта «Заря», где находился президент; во-вторых, аэродром Бельбек находился в подчинении ГК ПВО, а не в ведении ЧФ; в связи с указанным обстоятельством охрана и оборона его не возлагались ни на Хронопуло, ни на Варенникова; направлены же были туда подразделения ЧФ по рекомендации Варенникова из Москвы вечером 20 августа 1991 г., т. к. аэродром нуждался в дополнительной защите — поскольку, в частности, был сигнал о том, что кто-то в эфире 19 августа 1991 г. пытался установить связь с аэродромом;

— в-третьих, никто и никому не давал команд на уничтожение самолетов в случае их несанкционированной посадки. К тому же, как пояснил Хронопуло, перечисленные подразделения направил на аэродром его подчиненный Романенко, и сами по себе морские пехотинцы, разведбат и ПТДн не предназначены и не в состоянии предотвратить посадку самолетов на аэродром, это задача средств ПВО.

Таким образом, само по себе усиление охраны объекта не

носит противоправного характера, поскольку не определены конкретные цели и задачи, силы и средства их достижения. Не опираясь на иные доказательства, выпадая из общей хронологии событий, данный эпизод подлежит полному исключению из обвинения Варенникова.

С изложенной позицией, кстати, согласуется и тот факт, что уголовное дело в этой части в отношении всех участников прекращено за отсутствием состава преступления.

Обвинение: 20 августа, вернувшись в Москву, Варенников принял участие в обсуждении вопроса о применении военной силы для захвата здания Верховного Совета России и руководства России; во исполнение этого Варенников дал указание подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом.

Данный пункт обвинения — один из наиболее серьезных и остановиться на нем следует подробнее.

Сам Варенников как на предварительном следствии, так и в суде давал последовательные показания по данному вопросу, показания согласованы и не противоречат друг другу.

Варенников подтвердил сам факт совещания у Ачалова и свое участие в этом совещании, наряду с представителями МВД и КГБ.

При этом Варенников отмечает, что главным обсуждаемым вопросом был поиск решения по нормализации обстановки у Белого дома — в первую очередь разоружение боевиков внутри здания.

Однако, реально оценив ситуацию, участники пришли к окончательному решению, что любые насильственные меры чреваты кровопролитием и поэтому не могут быть применены.

С военной точки зрения план захвата здания Верховного Совета не разрабатывался, приказы по войскам на это не отдавались, реальные действия не предпринимались.

Эти показания согласуются с иными доказательствами, исследованными в суде.

Так, бывший министр обороны СССР Язов Д. Т., допрошенный в качестве свидетеля, показал в суде, что именно по его указанию Варенников, только что прилетевший из Киева, принял участие в совещании у зам. МО Ачалова. При этом Язов не ставил Варенникову какой-либо конкретной задачи, и ему достоверно известно, что по итогам совещания Варенников никаких приказов по войскам не отдавал. Напротив, вечером 20 августа 1991 года Варенников высказал Язову свои соображения о необходимости вывода войск, с чем Язов согласился и что нашло поддержку у коллегии МО утром 21 августа 1991 года. Войска были выведены из Москвы без боевого применения.

При этом Язов отметил, что примененное в обвинении понятие «боевая операция» нельзя рассматривать как военный термин, поскольку он подразумевает боевые действия по меньшей мере войскового объединения (армии). Равным образом неприменим и термин «штурм» в отношении здания Верховного Совета России.

Если даже иметь в виду косвенную заинтересованность Язова в изложении событий, то и другие свидетели дали в судебном заседании аналогичные показания.

Достаточно, на мой взгляд, сослаться в этом случае на показания свидетелей Жардецкого, Карпухина и Громова.

Ни один из этих допрошенных в суде лиц не показал то, что кто-либо из руководства МО, КГБ, МВД дал приказ о захвате здания Верховного Совета России или тем паче руководителей республики.

Таким образом, если говорить о ситуации в целом, то никто из участников совещания у зам. МО Ачалова не получал и не давал приказаний по захвату здания Верховного Совета России.

Причина, по которой не состоялся так называемый «штурм Белого дома», даже в изложении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения свидетельствует о добровольном отказе, что в силу ст. 16 УК РСФСР (привести текст) исключает уголовную ответственность. Этот вывод строится, повторяю, на предполагаемой следствием же противоправности действий Варенникова, выразившихся в присутствии на совещании в МО.

Уже в силу этого не вижу необходимости иной интерпретации и оценки описываемых событий.

По поводу фразы о захвате руководства России. Никакими материалами дела она не подтверждается и потому подлежит безусловному исключению из обвинения.

Что же касается танков и вертолетов, то их предполагаемое использование никак не было связано с боевым применением.

Сам Варенников на этот счет показал, что распоряжение о подготовке танковых рот он дал с целью последующего их использования в качестве машин разграждения — для очистки улиц Москвы от баррикад, завалов и т. п.

Вертолеты же предназначались для обеспечения вывода войск из Москвы, и ни для чего иного.

При этом боевое снаряжение танков и вертолетов было не в силу особого на то распоряжения Варенникова, а обычным состоянием техники, находящейся в повышенной боевой готовности.

Данные показания Варенникова ничем не опровергнуты.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Павлов В. Е. показал, что 20 августа 1991 года получил распоряжение Варенникова перебазировать вертолеты из Тулы в Подольск с целью ведения воздушной разведки для обеспечения вывода войск из Москвы, что включало в себя отслеживание пробок, скоплений техники, облет кольцевой дороги. О каком-либо боевом применении ни Варенников Павлову, ни Павлов в подчиненные части приказов не давали.

Фактически же распоряжение Варенникова выполнено не было, т. к. спустя несколько часов Язов запретил все полеты.

Объясняя противоречия, имеющиеся в показаниях, свидетель Павлов пояснил, что он лично никому из подчиненных не давал приказов летать над Москвой.

Бывший в тот период заместителем командующего МВО Головнев А. А., допрошенный в суде, показал, что, будучи осведомлен о распоряжении Варенникова в отношении подготовки танковых рот, он лично не получал приказа на боевое применение танковых подразделений.

Варенникову вменено, что в результате неправомерного ввода войск в Москву в ночь с 20 на 21 августа погибли три человека: Комарь, Кричевский и Усов, а также неправомерными действиями ГКЧП был причинен ущерб на общую сумму 24,2 млн. руб.

В данном случае предварительное следствие применило принцип объективного вменения, поскольку известно — и это не требует отдельной аргументации, — что Варенников к вводу войск в Москву не имел никакого отношения.

После Указа и. о. Президента о введении ЧП в Москве распоряжения о вводе войск давали: МО, командующий войсками МВО Калинин и командующий ВДВ Грачев. Опуская рассуждения о правомерности или неправомерности ввода войск, следует сказать, на мой взгляд, лишь о том, что в момент, когда вводились войска, Варенников в Москве отсутствовал, о вводе войск первоначально ничего не знал, 19 и 20 августа 1991 года никаких приказов и распоряжений по войскам, находившимся в Москве, не давал.

Помимо этого, необходимо сказать и о том, что для вменения последствий в виде гибели людей и нанесения материального ущерба необходимо наличие прямой причинной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями.

В теоретическом отношении такая связь отсутствует хотя бы потому, что в отношении конкретных военнослужащих по эпизоду гибели трех лиц уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. Об ответственности должностных лиц — опять же теоретически — можно было бы вести речь лишь в том

случае, если конкретные исполнители приказов допустили противоправные действия.

Помимо этого, ни на предварительном следствии, ни в суде не добыто убедительных свидетельств, подтверждающих саму сумму ущерба, выраженную в 24,2 млн, рублей.

Этот вопрос затрагиваю в целях объективности, поскольку обвинение надлежит исследовать в полном объеме, исходя из требований ст. 20 УПК РСФСР.

Для вменения последствий в виде гибели людей и материального ущерба оснований, требуемых по закону, не имеется.

Варенников, следуя фабуле обвинения:

— грубо нарушил Конституцию СССР;

— сместил главу государства;

— нарушил нормальную деятельность системы высших органов власти;

— использовал в антиконституционных силах Вооруженные Силы;

— сорвал подписание Союзного договора; т. е. умышленно действовал в ущерб государственной безопасности страны.

Далее он же:

— отстранил Президента — Верховного Главнокомандующего от исполнения своих полномочий;

— лишил его путем изоляции возможности принимать решения, связанные с использованием стратегических ядерных сил; т. е. умышленно действовал в ущерб обороноспособности страны.

Состав измены Родине предусматривает деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности страны: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти.

Не конкретизируя обвинение и не согласуя его с диспозицией п. «а» ст. 64 УК РСФСР, следствие предоставило возможность суду и участникам процесса решать эту головоломку самостоятельно.

С точки зрения теории уголовного права попытаемся рассмотреть инкриминируемые Варенникову действия через призму состава преступления.

1) Объект преступления.

Это, очевидно, Союз Советских Социалистических Республик

и атрибуты, присущие ему как государству.

На мой взгляд, довольно будет сказать лишь о том, что ныне, на момент применения уголовного закона, сам объект перестал существовать.

2) Объективная сторона.

Как видно из приведенной мной диспозиции ст. 64 п. «а» УК РСФСР, Варенников не совершил ни одного действия, попадающего под описание измены Родине. В период с 18 по 21 августа 1991 года (когда, кстати ГКЧП был распущен Указом вице-президента Янаева Г. И.) Варенников продолжал оставаться ГК СВи зам. МО СССР, не выросли в должностях и другие лица, образовавшие ГКЧП.

3) Субъект преступления.

(Опять же исходя из сегодняшнего положения страны и ее граждан), в п. «а» ст. 64 УК РСФСР фигурирует специальный субъект — гражданин СССР (т. е. никто другой не может быть привлечен к уголовной ответственности по данной статье. С декабря 1991 года эта категория граждан около 300 млн. человек) де-юре перестал существовать, перейдя в другое качество и приобретя иной статус. (Распад или развал СССР объективно способствовал В. И. избежать уголовной ответственности.)

4) Ну и, наконец, субъективная сторона.

Закон прямо указывает на то, что преступление должно быть совершено с прямым умыслом.

Совершенно уверенно могу сказать, что у Валентина Ивановича Варенникова, Героя Советского Союза, прошедшего Великую Отечественную войну, неоднократно раненного в боях по защите Отечества, бывшего по личному распоряжению маршала Жукова начальником караула, сопровождавшего Знамя Победы, всю жизнь отдавшего служению Родине, умысла на измену ей не было!

Высокочтимый суд, прошу учесть еще два важных обстоятельства.

Варенникову вменена измена Родине. Понятие «Родина» можно рассматривать и как символ, философскую, нравственную, правовую, категорию, и — более приземленно — как некую территорию, ограниченную по периметру полосатыми пограничными столбами.

Так вот, если обратиться к термину во втором понимании, то в нынешней ситуации вина и ответственность Варенникова (по теории) должны быть уменьшены соразмерно уменьшившейся территории страны.

Я не стремлюсь к софизмам или парадоксам, я всего лишь пытаюсь дать правильную юридическую оценку рассматриваемым

обстоятельствам.

А суть затронутой проблемы в том, что в соответствии со ст. 4 УК РСФСР по данному кодексу надлежит квалифицировать липц» те преступные действия, которые совершены на территории РСФСР.

Варенникову же Валентину Ивановичу — я еще раз подчеркиваю — по кодексу РФ вменены деяния, совершенные на территории Украины — в Крыму и в Киеве. Замечу, что уже по формальным основаниям часть обвинения не может быть оценена с точки зрения действующего (и действовавшего ранее) уголовного законодательства Российской Федерации.

В своей речи мне не обойти и анализ такого института, как крайняя необходимость.

Поскольку понятие это звучало в устах многих, в т. ч. и Варенникова, с первых же дней следствия, позволю себе привести текст ст. 14 УК РСФСР.

Я приводил ранее цели и мотивы лиц, создавших ГКЧП, в т. ч. их субъективное восприятие происходивших событий.

Была ли — хотя бы гипотетически — в тот момент угроза интересам Советского государства? Полагаю, с учетом того, что это государство перестало существовать, угроза была не предположительной, а реальной.

Оценка ситуации в стране, данная в документах ГКЧП и в выступлениях Крючкова, Язова, Пуго на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР в июне 1991 года, подтвердилась в негативной части.

Опасения более чем оправдались: в течение полугода и в последующем страна оказалась разваленной на куски, ввергнута в нескончаемую войну, экономическую разруху.

Единая армия, МВД, КГБ, растащенные по национальному признаку, стали противоборствовать друг другу.

Превышение смертности над рождаемостью, в любом нормальном государстве объявленное бы бедствием № 1, в странах, входивших в СССР, в том числе в России, преподносится как заурядное, обыденное и, более того, закономерное явление.

Жизнь сотен тысяч людей оказалась под угрозой, не говоря уже о нарушении прав и свобод — здесь счет идет на миллионы.

Поэтому действия конкретного лица — В. И. Варенникова как нельзя более вписываются в классическую схему, именуемую в уголовном праве крайней необходимостью.

Оценка дела оказалась бы неполной, если бы экс-президент СССР стал фигурой умолчания.

Бесспорно, Горбачев является стержнем всего дела и без анализа роли, которую он сыграл в известных событиях, нельзя

составить полную картину происшедшего.

Поскольку, повторяюсь, я не выхожу за рамки, очерченные в начале своего выступления, то и в данном случае следую лишь фабуле обвинения.

Я приводил ранее ссылку на проработки мер чрезвычайного характера, это было на протяжении 1990–1991 годов. В судебном заседании оглашался еще один немаловажный документ. Достоверность данных, содержащихся в нем, подтвердил, кстати, и свидетель Горбачев.

Речь идет о заседании правительства 3 августа 1991 года, накануне отлета Горбачева в Крым.

На этом заседании красной нитью проходят разговоры о чрезвычайных мерах как средстве выхода из кризиса. Сошлюсь на цитату Горбачева: «Поэтому нужны чрезвычайные меры — значит, чрезвычайные. Заставляйте всех… Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры».

И чуть далее по тексту стенограммы: «Я завтра уеду в отпуск с вашего согласия, чтобы не мешать вам работать».

Я остерегаюсь произнести слово «подстрекательство» применительно к сказанному, но уж наверняка можно употребить слово «подталкивание» к определенному результату.

Тот факт, что слова, поведение и действия Горбачева нередко были двусмысленными, подтверждают, на мой взгляд, две характерных детали по окончании встречи президента с делегацией 18 августа 1991 года в Крыму — заключительными словами Горбачева были: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение».

Эти слова в том же примерно изложении привели и остальные участники встречи, помимо Варенникова.

Второй деталью было то, что встреча закончилась рукопожатием, и этот жест со стороны президента вполне можно было истолковать как благословение.

Примечательно, что и сам Горбачев, будучи допрошен в суде, не отрицал этих обстоятельств.

Зададимся еще одним вопросом: все ли сделал М. С. Горбачев как президент, глава государства, в той, по его же словам, неординарной обстановке?

Мог ли он реально вылететь в Москву вместе с прилетевшей к нему делегацией? Думается, мог.

Мог ли он реально задержать прибывших к нему?

Мог, он и сам заявил об этом в судебном заседании.

Мог ли он прорвать блокаду или хотя бы попытаться это

сделать? Вполне. Тем более что, по словам самого Горбачева, в те дни и даже часы решалась судьба государства, вверенного ему.

Вел себя неадекватно обстановке.

Свидетель Гугенко С. И. показал в суде, что 18 августа 1991 г. между 15 и 16 часами ему неожиданно позвонил Горбачев и безмотивно проинформировал о плохом самочувствии, новокаиновой блокаде и вместе с тем сообщил о необходимости вылететь в Москву, где предстоит «большая драка».

К чему относился этот звонок, к сожалению, так и остается загадкой.

Впрочем, к сему секрету есть ключ, точнее, подсказка: при возвращении в Москву из Крыма Горбачев на встрече с корреспондентами заявил, что всей правды о случившемся он никому не скажет.

Охотно верю в это.

Своеобразно положение Горбачева и в деле. При наличии признаков ст. 53 УПК РСФСР предварительное следствие не нашло необходимым признать его потерпевшим.

Исходя из этого, логически и текстуально, ему не был причинен моральный, физический или имущественный вред.

Таким образом, налицо еще один казус, каких немало в деле.

Давая оценку словам и поступкам Горбачева, я не могу оставить без внимания высказывания, с которых он начал свое выступление в суде.

Оставляя на его совести «юриста» определения судебному процессу, данные им суду, остановлюсь лишь на том, что он долго думал, сомневаясь, стоит ли идти в суд.

Этот подход — следствие принятых ранее двойных стандартов — по известной формуле: «что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Если рядовой гражданин по закону обязан прибыть в суд и дать показания, то президент, хотя и бывший, ставит себя над судом и над законом. Надо полагать, привычка давняя и укоренившаяся.

Этот штрих вполне совпадает с портретом бывшего Президента СССР, который был нарисован участниками августовских событий, и он вполне дает суду право сделать выбор о достоверности показаний противоборствующих сторон.

Коснусь проблемы нарушений законов, связанных с привлечением подсудимого к уголовной ответственности.

В суде бесспорно установлено, что при лишении Варенникова депутатского иммунитета были нарушены и действовавший регламент работы ПВС СССР, и закон о статусе народных депутатов СССР.

К сожалению, мы можем лишь констатировать этот факт, не в

силах исправить допущенные нарушения.

Хотел бы обратить внимание суда и на другие принципиальные обстоятельства.

Прокуратура СССР и прокуратуры союзных республик силами в несколько сот человек в течение многих месяцев расследования проверяли причастность тысяч людей к событиям 19–21 августа 1991 года, задавая допрашиваемым один и тот же вопрос: что вы делали в эти дни?

В соответствии с логикой обвинения, инкриминированного Варенникову, любые действия любого лица, если он не находился в те дни у здания Верховного Совета России, в той или иной степени способствовали ГКЧП.

Вместе с тем следует задаться элементарным вопросом — почему Прокуратура СССР и Генеральная прокуратура РСФСР возбудили уголовные дела в отношении ГКЧП лишь 21 августа 1991 года?

Подводя итог сказанному, в комплексе вопросов, которые предстоит решать суду в совещательной комнате, излагаю свою позицию еще по двум вопросам: ущерб, названный в обвинении, взысканию с Варенникова не подлежит — и в силу недоказанности, и в силу отсутствия гражданско-правовой вины подсудимого.

И, кроме того, полагаю, что акт амнистии, от которого отказался Варенников, не применим в рассмотренном деле.

В соответствии с законом и повинуясь ему, прошу: Варенникова Валентина Ивановича, привлеченного к уголовной ответственности по п. «а» ст. 64 УК РСФСР, оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления».

* * *

Едва Л. Б. Данилов закончил свою речь, как весь зал встал и буквально взорвался аплодисментами, хотя в зале суда аплодисменты запрещены. Присутствующие аплодировали мужеству и профессиональной честности государственного обвинителя, для которого служение закону и справедливости оказалось выше служения «монарху». Напрасно председательствующий пытался угомонить присутствующих, все было тщетно. Тогда он, вконец рассерженный, громогласно произнес:

— Объявляется перерыв. После перерыва судебное заседание будет закрытым.

Весь перерыв зал возбужденно гудел. Чувствовался общий

подъем. Все обсуждали содержание речи и особенно вывод А. Б. Данилова, отмечая его мужество, приверженность закону и истинно государственный подход. И потом долго еще говорили об этой речи. Вспоминают ее и сейчас.

Окончание второго судебного процесса по делу ГКЧП

После перерыва выступил защитник — адвокат Дмитрий Давидович Штейнберг. Он не только защищал Варенникова, но и обличал Генеральную прокуратуру. При этом умно и остро показал ограниченность бывшего прокурора России Степанкова.

Вот краткие тезисы речи Д. Штейнберга:

«***Уважаемые судьи!***

Полтора столетия назад известный мыслитель, почетный член Петербургской академии наук Гете сказал: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто день за днем за них вступает в бой». Эти крылатые строки очень образно и точно, как мне кажется, характеризуют всю жизнь, всю деятельность Валентина Ивановича Варенникова. И сегодня, отказавшись от амнистии и спокойной жизни, он как бы вновь вступил в бой за отстаивание и установление исторической правды августовских событий и защиту своих принципов и убеждений. И какой бы приговор суд ни вынес ему, я глубоко убежден, что Валентин Иванович Варенников войдет в историю своей страны прежде всего как честный, принципиальный человек, преданный ее идеалам.

Три года назад в нашей стране произошли события, послужившие поводом для рассмотрения настоящего дела в суде. В августе 1991 года группа ответственных лиц, занимавших ключевые позиции в государственном руководстве, открыто выступила с протестом против политики, проводимой главой государства.

Что же побудило их отчаяться на подобный шаг? Какими мотивами они руководствовались? Ответы на эти вопросы можно найти в реалиях того времени.

В 1985 году после избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в стране была провозглашена новая политика — обновления общества. Первоначально народ с доверием относился к акциям нового генсека. Люди стали открыто излагать свои мысли, критиковать друг друга, в том числе и публично, не боясь при этом быть наказанными.

Однако проходило время и декларированные Горбачевым обязательства (цитирую) «в короткие сроки выйти на самые передовые научно-технические позиции, на высший уровень производительности общественного труда» (конец цитаты — это из выступления на мартовском Пленуме ЦК в 1985 году)

оставались словесной мишурой, не более.

Наоборот, под лозунгами перестройки, гласности и обновления страна постепенно погружалась в пучину хаоса и анархии. Верными спутниками перестройки стали: разрыв хозяйственных связей, стремительный спад производства, резкое падение уровня жизни, межнациональные конфликты, шельмование армии и правоохранительных органов. Нравственное разложение молодежи также стало символом проводимой партполитики. На торговые прилавки выбрасывались боевые знамена, ордена, награды. И в этом смысле Россия была единственным государством в цивилизованном мире, торговавшая своим прошлым, своей историей и своими святынями…

Как сорняки на почве суверенитетов произрастали в республиках различные пронационалистические движения: «Саюдис» в Прибалтике, «Рух» на Украине, Народный фронт в Азербайджане, «Бежик» в Узбекистане и другие, которые ставили перед собой совершенно определенную задачу — свержение Советской власти и целей своих не скрывали. В пресечении деятельности этих фронтов государственные органы никаких мер не предпринимали.

Последовательно проводилась политика по дискредитации роли партии, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций.

Кстати, о партии. Забегая немного вперед, я бы хотел процитировать те показания, которые давал в судебном заседании свидетель Горбачев. Он, в частности, говорил: «Сколько раз меня подталкивали с леворадикальной стороны: бросьте, оставьте пост Генерального секретаря, надо раскалывать компартию, она мешает проведению реформ. Но я понимал, что собою представляет КПСС. Это структура, которая своими корнями доходит вплоть до детского сада, уже не говоря о производстве и научных коллективах. И поломка этой структуры означала уничтожение страны». Понимание вроде объективное и правильное.

Как известно, вернувшись из форосского плена, уточню» из самоплена, Горбачев подтвердил свою приверженность социалистическим идеалам и обновлению партии, о чем заявил публично на весь мир. И через день так же публично заявил о сложении с себя обязанностей Генерального секретаря и призвал Центральный комитет самораспуститься.

Итак, с одной стороны, мы наблюдаем твердое понимание того, что разрушение партийной структуры означало разрушение руководства страны в целом. С другой стороны, мы наблюдаем

призыв к этому разрушению.

Предпосылки, а точнее, необходимость принятия чрезвычайных мер в стране возникли задолго до августовских событий, и, в частности, об этом говорил в своей речи государственный обвинитель.

Но я бы хотел обратить внимание суда на одно обстоятельство, принципиальное с моей точки зрения. Инициатива введения в стране чрезвычайных мер и несогласив с проводимой главой государства политикой исходили не от бывших членов ГКЧП, и эта инициатива исходила даже не столько от Верховного Совета, решения которого с предложением главе государства ввести чрезвычайное положение имеются в деле. Давая… показания в суде, Горбачев, в частности, пояснил, что, по разным социологическим опросам, ГКЧП поддерживало около 40 процентов населения. Я не знаю, насколько этот показатель достоверен, но из материалов дела мне известна другая цифра.

В декабре 1990 года, на шестом году перестройки, когда страна находилась уже на грани гражданской войны и катастрофы, по требованию трудовых коллективов в Москве было собрано совещание руководителей государственных предприятий, руководителей трудовых коллективов. Стенограмма этого собрания… есть. На собрании присутствовало три тысячи руководителей государственных предприятий и трудовых коллективов. Участие в этом собрании принимало руководство страны, в том числе и Горбачев.

Процитирую отдельные фрагменты из выступавших там ораторов, которые позволяют правильно оценить то состояние, то настроение, которое царило в трудовых коллективах.

Том 61, лист 177. Собрание открыл Рыжков, бывший председатель Совета Министров. В частности, он сказал: «Союзное правительство — за обновление Союза ССР на началах Федерации. Но против того, чтобы под лозунгом обновления шел развал великого государства, рубились по живому связи. Без Союза и вне Союза у страны нет будущего». Вскоре после этого выступления Рыжков был освобожден от занимаемой должности. А выступая на позапрошлой неделе в программе по четвертому телеканалу, Рыжков поведал весьма фантастические известия. Он сказал, в частности, журналистам, что, начиная с 1990 года, при составлении экономических программ слово «Советский Союз» уже не употреблялось.

С аналогичной трактовкой ситуации выступил его заместитель Воронин, это том 61, лист 204, академик Абалкин, 206-й лист, который сказал следующее: «Надо смотреть правде в глаза. А правда заключается в том, что уже более года в стране

разворачивается кризис».

Выступал на этом совещании и Тизяков Александр Иванович, тот самый Тизяков, который впоследствии будет органами прокуратуры привлечен к уголовной ответственности по данному делу. На этом совещании, по существу, Александр Иванович в очень корректной форме обвинил главу государства в некомпетентности. Он сказал: «Михаил Сергеевич, я не хотел бы вас обидеть, но основные направления — это концепция, а надо работать над программой рыночных отношений. Рыночные отношения нельзя организовать, если не будет стабилизированной экономики, рынка нам не видать».

Но наиболее остро, наиболее резко на этом собрании выступил Шебелевич.

Это директор электромеханического завода Эстонии, председатель трудовых коллективов Эстонии. Лист дела 265, 266, 267. Он сказал следующее: «Лично я не сомневаюсь, что пройдет немного времени и нам будут известны мемуары или публикации, в которых будет рассказана правда о закулисных деяниях политиков за рубежом и внутри страны, ведущих страну к полному краху, к экономической зависимости, совершая при этом преступления перед великой страной и ее народом. Нам необходимо сегодня на 1991 год просто ввести чрезвычайное положение в стране с мораторием на экономические суверенитеты всех союзных республик». Аплодисменты. Это реакция присутствующих. Я говорю по стенограмме.

«Нам надо на Совете Министров, вместе с представителем президента создать чрезвычайный комитет по спасению ситуации. Я просто уполномочен заявить как председатель трудовых коллективов Эстонии — никому не позволим, ни президенту, ни Верховным Советам республик, решать нашу судьбу и передавать нас в собственность вместе с недвижимым имуществом как крепостных». Аплодисменты. Примерно в такой же тональности выступал Тосклицкий — это председатель правления Запсибжилстроя, который обвинял главу государства в том, что над строителями проводятся эксперименты.

Таким образом, инициатива о введении в стране чрезвычайных мер, обусловленных и предусмотренных, кстати, законом «О правовом режиме чрезвычайного положения», исходила все-таки от простых людей.

В свое время известный анархист Бакунин сказал: «Разрушение — есть созидание». Горбачев, как мне представляется, многое почерпнул у Бакунина. Не всю деятельность бывшего генсека (в особенности последние его годы) можно уложить в рамки аналогичной формулы —

обновление есть разрушение, о чем он, кстати, здесь нам и поведал в судебном заседании. Когда ему задавали вопрос: почему при разработке нового Союзного договора не учитывались те республики, которые исторически, в первозданном виде вошли в состав Советского Союза? — Михаил Сергеевич на это ответил, что речь шла об обновлении Союза. Вот под термином «обновление» он как раз, видимо, понимал, так сказать, разрушение того государства, которое было с момента его создания и образования.

Произошедшие в августе события следовало оценить в единой совокупности всех факторов, побудивших ГКЧП и Варенникова выступить против проводимой политики. И неоднократно юб этом вот здесь мой подзащитный говорил. Валентин Иванович Варенников настаивал на исследовании всех обстоятельств, а не только тех, которые указаны в формуле обвинительного заключения. Он настаивал на доскональном исследовании мотива, который побудил его выступить в августе 1991 года, а также он настаивал на установлении времени, когда этот мотив возник. И все эти обстоятельства, с моей точки зрения, являются принципиальными.

Но вместо объективного осмысления произошедшего, — я опять возвращаюсь к августовским событиям — руководство России, даже не предоставив возможности бывшим руководителям страны высказаться, объяснить свои поступки, приняло решение и дало поручение соответствующим органам арестовать их и возбудить уголовное дело.

Уже были даны правовые оценки на самом высоком политическом уровне, так что само предварительное следствие представлялось как формальная процедура. Более того, уже в ходе самого следствия бывший Генеральный прокурор РСФСР Степанков заявлял, что если даже суд их отпустит, то прокуратура все равно арестует.

В 1992 году в журнале «Советская юстиция» было опубликовано письмо известного американского адвоката, который призывал осторожно и только на основании закона оценивать произошедшее. Но никто его, к сожалению, не слушал. Предварительное следствие, само обвинение — это отдельная песня, это своего рода практическое пособие по игнорированию Конституции, уголовного и уголовно-процессуального законов. Считаю своим профессиональным долгом подробно остановиться на вопиющих фактах нарушения законности, допущенных Генеральной прокуратурой при расследовании дела Варенникова Валентина Ивановича, тем более что в руководящих постановлениях пленума Верховного Суда о дальнейшем

укреплении законности при осуществлении правосудия подчеркнута необходимость повышения требований к качеству материалов производимого расследования. Указано, что выводы суда не могут базироваться на материалах, полученных с нарушением процессуального порядка их собирания.

Тщательной проверке подлежит соблюдение в стадии расследования права обвиняемого за защиту. Особое внимание должно уделяться проверке заявления о недозволенных методах расследования и других нарушениях закона. Материалы предварительного следствия и действия отдельных руководителей Генеральной прокуратуры войдут в историю отечественного правосудия как позорное явление, компрометирующее сам процесс правоприменительной деятельности.

Как это ни удивительно, но лица, возбудившие дело по статье 64, проявили завидное непонимание закона. Дело доходило просто до парадокса. В материалах дела, том 152, лист дела 163, имеется стенограмма заседания Верховного Совета России от 27 декабря 1991 года, где рассматривалось представление Степанкова на возбуждение дела в отношении Ачалова. Я объясню, почему я говорю об этом представлении: это единственный документ, где Генеральная прокуратура сформулировала свою правовую позицию.

Исаков Владимир Борисович задает вопрос Степанкову: «Уважаемый Валентин Георгиевич, статья 64 «измена Родине» включает в качестве обязательного квалифицирующего признака совершение действий, причинивших ущерб безопасности оборонной мощи СССР. В связи с тем, что СССР больше не существует, по статье 64 их осудить нельзя, тем не менее вы предлагаете нам дать согласие на привлечение депутата Ачалова именно по этой статье. Не видите ли вы здесь парадокса?»

Степанков: «Парадокса здесь никакого нет, речь идет о трактовке вами этой статьи». И дальше идет шедевр, который можно вообще цитировать на первых курсах юридических вузов. Степанков говорит, дословно: «Им не предъявлено обвинение в измене Родине как таковое, всем им предъявлено обвинение по одному из квалифицирующих признаков, содержащихся в этой статье, заговор или захват власти, поэтому другие признаки, содержащиеся в этой статье, следствием не доказываются».

Ну, я не вижу смысла комментировать эту нелепость. Я думаю, студенты начальных курсов юридических вузов прекрасно знают, что признаки преступления являются основанием для возбуждения уголовного дела, а совокупность признаков образует состав. И предъявление обвинения преследует цель предъявлять

обвинение, если пользоваться терминологией Степанкова, как таковое. Не случайно Исаков ответил ему репликой: «Вы как юрист отлично понимаете, что ни один суд не осудит их по одному из признаков». Но здесь председательствующий отключил микрофон, и на этом дискуссия была прекращена.

Вот такая правовая позиция была у Генерального прокурора, она в документальном виде есть.

Уважаемые судьи, переходя к оценке обвинения, я с полной ответственностью заявляю, что Варенников привлечен к уголовной ответственности незаконно. Если обратиться к содержательной части, то обвинение, которое ему предъявлено, в законе не существует. Обратимся к материалам дела. И в обвинительном заключении, и в постановлении от 24 августа 1992 года о привлечении Варенникова в качестве обвиняемого эта последняя формула обвинения присутствует (том 139, дело 160). В частности, указано: «…Таким образом, Варенникову предъявлено обвинение в измене Родине, в форме заговора, с целью захвата власти». И дальше раскрывается содержание самого обвинения: все уже было согласовано и виновные фактически приступили к захвату этой власти.

В статье 64 Уголовного кодекса, на которую ссылается следствие, отсутствуют нормы, предусматривающие возможность увеличения уголовной ответственности за измену Родине в форме захвата власти, а именно так сформулировано обвинение. Все формы измены Родине перечислены в законе. И согласно закону, захват власти является не формой, а целью. И это, как вы понимаете, не одно и то же, поскольку форма относится к объективной стороне преступления, а цель — к субъективной.

Для чего же следствию понадобилось обосновывать свое обвинение не существующей в законе правовой нормой и оценкой? Я могу высказать собственное предположение. Дело в том, что если в чисто теоретическом плане рассматривать состав преступления, предусмотренный статьей 64 в форме заговора с целью захвата власти, то этот состав является формальным.

Следствие, указав, что Варенников привлечен к заговору, принял в нем активное участие, не привело ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что Варенников участвовал именно в заговоре. Никто из лиц, участвовавших во встречах, не давал повода для такой трактовки.

По этой причине, видимо, следствие занялось поиском криминала в дальнейших действиях Варенникова, подгоняя не действие под закон, а наоборот — закон под действие.

Согласно статье 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвинение должно содержать точную

формулировку закона и дополнение этой формулировки новыми правовыми понятиями недопустима Кроме того, согласно статье 7 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступлением признается общественно опасное деяние, предусмотренное законом.

В руководящем постановлении пленума Верховного Суда «О строгом соблюдении закона при рассмотрении уголовных дел» указано, что при совершении преступления необходимо добавить точную квалификацию в точном соответствии с законом.

Тем не менее я продолжу подробный анализ этого обвинения и разбора этого незаконного процессуального акта. В обвинении Варенникова содержится утверждение о том, что он умышленно действовал в ущерб обороноспособности страны. Какой страны — не сказано. Выступая здесь, в суде, я уже говорил, что обвинение Варенникова настолько не конкретизировано, что защищаться от подобного обвинения в установленном законом порядке просто невозможно.

Итак, Варенников действовал в ущерб обороноспособности страны. Это таинственная, неизвестная страна нам не названа. И остается догадываться: то ли речь идет о СССР, то ли это Россия, то ли это Украина, где Варенников три дня находился, а может быть, Крым.

Вопреки требованиям закона, в обвинении Варенникова отсутствует время и место совершения преступления, а вместо этого… хронология его действий.

Изложенный в обвинении довод о захвате власти не конкретизирован. Какую конкретную власть, по мнению следствия, намеревался захватить именно Варенников?

Действующая в 1991 году Конституция СССР предусматривала несколько видов власти: это — власть высшего органа государства — съезда народных депутатов (Верховного Совета) СССР, исполнительная власть — Правительство Советского Союза, власть Президента — как главы государства, судебная власть.

К сожалению, в обвинении не конкретизируют. То ли Валентин Иванович Варенников претендовал на власть главы государства? Но для этого надо было, видимо, указать, то ли он претендовал на все виды власти вместе взятые, то ли он претендовал на какой-то отдельный, другой вид власти.

В словаре Ожегова определение власти дается как право и возможность распоряжаться кем-нибудь, чем-нибудь. Неизбежно при осуществлении защиты Варенникова приходилось сталкиваться с понятиями терминов, которые употребляло следствие. И я пришел к вьюоду, что отдельные термины они

(следователи) просто не понимают.

Итак, кем, чем собирался распоряжаться Варенников по мнению следствия — неизвестно. Неизвестно это и самому Варенникову, и, кстати, мне, его защитнику, — тоже.

Говоря о несостоятельности обвинения, хотел бы обратить внимание суда на непоследовательность действий прокуратуры в оценке деяний, предусмотренных законом.

Мы прекрасно знаем, что преступление, предусмотренное статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, никакими сроками давности не ограничивается. Естественно, в связи с этим я бы хотел задать вопрос бывшему Генеральному прокурору СССР и его нынешнему российскому коллеге. А почему до сих пор органы прокуратуры не возбудили уголовное дело по статье 64 по факту смещения Никиты Сергеевича Хрущева в 1964 году? Теперь доподлинно известно, что смещение Хрущева происходило вопреки его воле. И если встать на позицию следствия, то здесь наиболее очевидные признаки состава преступления, но уголовное дело по этим событиям прокуратура не возбуждала. Я подчеркиваю, сроками давности они не ограничены. Ну, постараюсь сам ответить на этот вопрос — почему.

Дело в том, что, смещая Хрущева, его окружение стремилось не к захвату власти, а к изменению государственной политики внутри государства. А всей полнотой власти и Брежнев, и Суслов, и Громыко, и другие руководители государства обладали. Примерно то же самое было и в августе 1991 года, когда высшие должностные лица страны добивались изменения государственной политики внутри своей страны от Горбачева, совершенно не претендуя на его власть, на его пост и прочее. И тем более не посягая на внешнюю безопасность страны. Примечательны показания Жардецкого — бывшего начальника военной контрразведки Комитета государственной безопасности. Он, в частности, здесь сказал, что если бы стояла задача захвата власти Горбачева и устранения его от власти, то эта задача могла бы быть эффективно выполнена только силами Комитета государственной безопасности и к реализации этой задачи не требовалось бы привлекать ни Министерство обороны, ни Министерство внутренних дел, ни другие силы, а тем более ее руководителей.

Продолжаем анализировать обвинение Варенникова. Хочу обратить внимание уважаемого суда, что, в нарушение требований статьи 205 Уголовно-процессуального кодекса, в обвинительном заключении Варенникова отсутствует один из его необходимых элементов. В законе перечислено, что именно должно содержаться в обвинительном заключении.

Так вот, в обвинительном заключении Варенникова не приведены, как того требует закон, доводы обвиняемого в свою защиту и результаты проверки этого. Впрочем, как я уже говорил, видимо, никто такой задачи не ставил. И дальнейший анализ материалов предварительного следствия — явное тому подтверждение. Была поставлена задача — подтвердить те правовые оценки, которые даны на самом высшем политическом уровне! И следствие занималось выполнением этой задачи. Полагаю, что суд даст надлежащую оценку обвинению Варенникова не только в приговоре, но и вынесет соответствующее частное определение в адрес Генеральной прокуратуры, в связи с допущенными грубейшими нормами закона.

А в том, что в действиях Валентина Ивановича Варенникова нет состава преступления, уже все убедились».

* * *

Выступление моего адвоката Дмитрия Давидовича Штейнберга тоже внесло свой вклад в юридическое развенчание предъявленного мне обвинения.

На следующий день было назначено мое выступление — последнее слово. Надо ли говорить о том, как я волновался.

Далеко не каждый может представить себе состояние человека, который должен сказать так и такое, что могло бы повлиять на суд, даже если он беспристрастный. Одно дело, когда человек что-то натворил и хочет как-то выпутаться из этого. И совсем другое — когда явно ни в чем не виновен, а прокуратура в угоду президенту хочет подогнать твои действия под статью Уголовного кодекса.

Каким получилось мое последнее слово— судите сами:

«Уважаемый председательствующий!

Уважаемый суд!

В августе 1941 года я принял военную присягу и пошел защищать свое Отечество от немецко-фашистских захватчиков.

В августе 1991 года, т. е. через 50 лет, я вновь встал на защиту своей Родины. Но уже от внутренних скрытых врагов и предателей советского народа.

А в августе 1994 года я должен узнать от Суда — честно я прожил свою жизнь, принес я своим трудом пользу нашему народу или, как сказано в обвинении, нанес умышленно ему ущерб?

Для любой нации война — самое тяжелое испытание. Так

было и для нас в годы Великой Отечественной войны: тяжелейшее испытание и для нашего народа, и для его армии. Все солдаты и офицеры — все воины всех видов Вооруженных Сил и родов войск находились в крайне трудных условиях. Но для воинов стрелкового полка, для солдат и офицеров всех его взводов, рот, батарей и батальонов война — это самое тяжелое испытание. Здесь нет пауз в бою. Нет специального времени на отдых (а иногда и на подготовку к бою). Здесь вечно не хватает личного состава, времени, материальных и боевых запасов. Зимой и летом, весной и осенью они — только в поле! И вечно в поту и пыли, по пояс в грязи, в непроходимых болотах или снежных сугробах. И все время только пешком или ползком. Летом при палящем солнце и суховее, часто нет капли воды даже для раненого. А в зимнюю стужу и темную ночь нельзя зажечь и спичку, чтобы согреться, — это смерть, противник немедленно откроет ураганный огонь.

Очень много говорят о маневре. Но на большой войне в рамках тактического звена — это сложно выполнимое дело. Как правило, надо было стоять насмерть, когда враг обрушивался большими превосходящими силами; или идти только вперед, сокрушая все на своем пути, совершенно не думая ни о жизни, ни о смерти. У всех была одна забота— разгромить врага.

Но это была война, так сказать, с открытым противником. Сильным, коварным, хитрым, но он был перед тобой и ты знал, что его надо уничтожить, иначе он поступит так же с тобой и твоим народом. Все было ясно!

Но, оказывается, обычная война, какой бы тяжелой она ни была, не может сравниться с таким страшным явлением, как морально-политическая деформация общества, подрыв всех устоев изнутри невидимым врагом, хотя он находится рядом. Когда политические паразиты — клещи-носители морально-политического энцефалита, пользуясь отсутствием предохранительных мер, отсутствием бдительности, но присутствием честной, открытой души и тела нашего народа, впиваются в людей, в их здоровые организмы, а в сравнении с капиталистическим обществом — фактически стерильно чистые, не развращенные и не изуродованные не только наркобизнесом, но и бизнесом вообще, эти клещи своими бациллами убивают у наших людей все человеческие качества — мораль, нравственность, культуру и даже чувство патриотизма. Общество становится уродливым, его перспективы — самые мрачные. Эта болезнь тем более опасна, что она инфекционна — легко передается от человека к человеку и средствами массовой информации (тем более что СМИ находятся в руках

производителя этой инфекции).

В таком тяжелом положении оказалось наше общество. Советские люди, привыкшие выступать против нашествий единым щитом и имевшие в своей среде, как и в прошлые века, достойных лидеров и полководцев, оказались на этот раз бессильны против предателей и изменников. Почему? Да потому, что в высшее руководство государства всегда у нас верили (или, во всяком случае, никогда не могли даже подозревать в измене). У нас же этот пост занимали изменник и его небольшая группа. А все остальное окружение хоть и было патриотично, но, находясь под давлением сложившейся системы, не способно было себя проявить, а действовало только по указке лидера-предателя. В этом вся трагедия.

У нас, у поколений, которые поднялись за тоды Советской власти, не было в практике, чтобы у руководства страны стоял изменник. Они, эти руководители, допускали ошибки, у них были недостатки, но никто из них не раболепствовал перед Западом и не был предателем.

Однако наше законодательство было далеко не совершенно и на пост лидера имел возможность вырваться авантюрист. Мало того, наше законодательство совершенно не контролировало его деятельность, чем и воспользовался Горбачев.

Все видели, как он втягивает страну в трясину погибели!

И вот нашлась группа руководителей, которая, несмотря на традиции и опасность, создала ГКЧП и выступила, чтобы предотвратить катастрофу. Но эти люди сами стали жертвами.

В последнем слове хочу затронуть несколько вопросов.

I. Обвинительное заключение

После мощных, честных и аргументированных выступлений государственного обвинителя Аркадия Борисовича Данилова и защиты адвоката Дмитрия Давидовича Штейнберга можно было бы вообще ничего и не говорить на эту тему — все поставлено на свое место. Но, учитывая, что это мое последнее слово на суде, было бы неправильным с моей стороны не воспользоваться возможностью еще раз прокомментировать обвинительное заключение.

Предъявленное мне обвинение, несомненно, затрагивает мою честь, тем более что это умышленно ложное обвинение.

Но даже моя честь и достоинство не могут быть главными в этом деле. Фактически предъявленное мне обвинение на первый план выдвигает даже не общероссийскую и союзную, а

глобальную проблему. Речь идет о насильственном разломе Советского Союза— государства, которое своим авторитетом и мощью надежно поддерживало паритет и стабильность в мире, уверенно— до 80-х годов— пресекало амбиции некоторых стран на мировое господство.

Проблема Советского Союза, конечно, затмевает мои личные вопросы. И я четко и ясно себе представляю, что это вполне естественно. Вместе с тем чрезвычайно важно подчеркнуть, что обвинительное заключение умышленно уводит Суд и общественность от истинных изменников и виновников трагедии, постигшей Отечество, лиц, виновных в насильственном разломе Советского Союза, насильственном изменении советского государственного и общественного строя, умышленном нанесении ущерба госбезопасности и обороне страны.

И умышленно уводит от всего этого именно обвинительное заключение! А ведь Генеральная прокуратура должна стоять на страже соблюдения законов.

Этой цели был посвящен и бесцеремонный, нарушающий элементарные принципы презумпции невиновности «бестселлер» Степанкова — Лисова «Кремлевский заговор». Еще задолго до суда, фактически в условиях проведения предварительного следствия, вдруг появляется книга с изложением версии следствия Генерального прокурора страны. Где еще такое возможно?

Без зазрения совести Степанков пишет на стр. 213 (цитирую): «Во второй половине 21.08.93 г. пришло подтверждение факта насильственной изоляции Президента». Кстати, это «подтверждение» было Степанковым получено от Руцкого и Силаева. Но возникает вопрос — если президент действительно был насильственно изолирован (естественно, силами ГКЧП), то как могли беспрепятственно проникнуть на дачу и тем более к президенту Руцкой и Силаев? Не было никаких схваток и тем более боев по деизоляции — и вдруг они оказались рядом с изолированным насильственно Горбачевым?

Но, не обращая внимания на эти «детали», Степанков делает решительный вывод — коль президент был изолирован (цитирую): «надо провести аресты членов ГКЧП. Трубин объявил о возбуждении уголовного дела, но об арестах речь не шла».

И еще одна цитата (стр. 214):

> «Мы поняли, что кроме нас заниматься арестами некому. Позвонили в Белый дом Бурбулису и сказали, что на свой страх и риск возбуждаем против членов ГКЧП уголовное дело и проведем арест».

И далее: «Разве можно было их отпустить с миром? Стоять и смотреть, как Крючков, Язов, Пуго возвращаются в свои чудовищно сильные ведомства?» — конец цитаты.

Когда 21.08 из Крыма в Москву прилетел самолет и Крючков спустился по трапу (цитирую), «ему объявили, что российской прокуратурой против него возбуждено уголовное дело». И далее: «Он только спросил — а почему Россия? И тогда ему объяснили, что так решено в соответствии с законом, он ничего не возразил».

Конечно, как можно возражать, когда вокруг уже стоят добры молодцы! Но важно другое — в соответствии с каким законом предписано республиканской прокуратуре возбуждать уголовное дело против союзного министра и тем более арестовывать председателя КГБ СССР?

Но где был Генпрокурор СССР? Видя эти противозаконные действия, он, на мой взгляд, сам решил проявить себя на этой стезе: обманным путем проводит аресты народных депутатов.

А далее Трубин и Степанков, как злостные нарушители закона, совершают сговор — как им действовать дальше, о чем Степанков пишет на стр. 244 и что уже вчера комментировал Дмитрий Давидович Штейнберг.

Спрашивается, почему так действовали прокуроры? Ответ однозначен — потому что они не прокуроры, а холуи и делают все в угоду своим президентам!

Так же обстоит и с обвинительным заключением — от начала до конца оно составлено в угоду власти и не с обвинительным уклоном (как принято говорить в кругу юристов), а открыто ложно! Это подтвердили все вызванные на суд свидетели! Государственный обвинитель Данилов проявил деликатность — не сказал об этом.

Я прошу Суд обратить внимание на период, который предшествовал составлению Обвинительного заключения.

То, что Степанков задался целью всех незаконно арестованных оболгать, — это ясно! Лисову — руководителю следственной группы надо было подвести хоть какую-нибудь видимость закона под эту ложь.

Прокуратура мечется. Естественно, сегодня содержание да и сама форма обвинения зависят от политической ситуации.

Как известно:

1. 23.08.91 г. — меня арестовали и мне объявили, что уже присутствует «тяжесть совершенного преступления».

2. 02.09.91 г. — Лисов в постановлении пишет, что «уже собраны достаточные доказательства, что Варенников умышленно действовал в ущерб государственной независимости» — статья 64 УК РСФСР.

При чем здесь государственная независимость? Да еще и достоверные доказательства?!

3. 29.11.91 г., т. е. через три месяца Лисов в постановлении пишет: «Варенников совершил преступление, предусмотренное статьей 1–1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

4. 23.12.91 г., т. е. еще через месяц, тот же Лисов в своем постановлении пишет, что «уголовное дело в отношении (перечисляются лица, в т. ч. Варенников) в части измены Родине прекратить — за отсутствием состава преступления». И далее говорится, что вменяется обвинение — заговор с целью захвата власти, как самостоятельное преступление.

Но в Уголовном кодексе под такое самостоятельное преступление нет статьи!

Генпрокуратура в тупике. Думает восемь месяцев. Не прекращать же дело! А что скажут вверху? Не закон, а именно вверху — что скажут?!

12.08.92 г. Степанков отменяет постановление Лисова и все возвращает к измене Родине с целью захвата власти, пункт «а» ст. 64 УК РСФСР.

24.08.92 г. тот же Лисов, добросовестно переделав документ, предъявляет мне очередное обвинение в духе требований Степанкова, но предварительно за неделю до представления его мне, т. е. 19.08.92 г., он публикует его в «Независимой газете». А затем уже появляется и Обвинительное заключение.

Извините, у меня практики нет, но где еще можно найти такой правовой цирк? Такую насмешку над законом?!

Полтора года длилось только предварительное следствие. Весь Нюрнбергский процесс с момента ареста преступников до приведения приговора в исполнение занял год и четыре месяца. Так это какая война, какие жертвы, 24 преступника, из которых 2 освобождены по болезни, 3 оправданы, в т. ч. Дениц — Главнокомандующий ВМФ, — остальные наказаны.

На чем строилось предъявленное мне Обвинительное заключение, что ему предшествовало, чем оно наполнено и как выглядит в правовом отношении — все это предельно вскрыто всеми без исключения свидетелями, Государственным обвинителем, защитой, моими показаниями и Судом!

Но главное (и я это подчеркиваю еще раз) — конечная цель Обвинительного заключения состоит в том, чтобы направить Суд и общественное мнение по ложному пути, увести всех от главного, кто же подвел страну к катастрофе и кто насильно, вопреки желаниям народа, разрушил ее?

II. Несколько слов о статье 64 УК РФ.

Измена Родине всегда считалась и считается тягчайшим преступлением перед своим народом. Это преступление всегда вызывало и будет вызывать презрение и ненависть любых народов.

Что касается заговора с целью захвата власти, как разновидности измены Родине, то по нашему закону, как я понимаю, это понятие содержит в себе весьма конкретную цель: изменить существующий советский государственный и общественный строй.

Захват власти, как я понимаю, может быть совершен и из карьеристских побуждений, т. е. это должно быть проявлено заменой законно избранных или назначенных руководящих деятелей государства в своих интересах.

Я также глубоко понимаю, что измена Родине — это (цитирую статью 64): «деяние, умышленно совершенное в ущерб государственной независимости или военной мощи СССР», и что лицо, решившееся на этот шаг, должно (как записано в Комментарии к УК РФ стр. 142, пункт 36) «желать совершать это деяние».

Генеральная прокуратура, чувствуя, что эти факторы для меня звучат дико, делает соответствующие, более подходящие, на ее взгляд, формулировки в обвинении. Я к этому возвращаться не буду.

Но объявленное на всю страну, на весь мир обвинение по ст. 64 плюс постоянное вдалбливание народу, что они виновны, они преступники — это меня, конечно, очень беспокоило всегда! Даже и во время этого суда. Поэтому, чтобы прояснить этот вопрос, я всегда даже провоцировал собеседника на острый разговор.

И здесь каждому свидетелю, Суд это помнит, я умышленно, прежде чем задавать ему вопросы, говорил, что обвиняюсь в измене Родине с целью захвата власти, в умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны и что это обвинение предъявлено мне высшей в стране прокурорской ступенью — Генеральной прокуратурой.

Учитывая это мое обращение, плюс обстановку в стране, положение каждого на работе и т. д. — тут каждому из свидетелей, прежде чем отвечать на вопросы, есть над чем подумать.

Но я слышал только правдивые честные возмущения, предъявленные обвинением. Даже от свидетеля Нишанова.

III. О моем отношении к амнистии.

23 февраля Госдума приняла два важных постановления. Эти документы имеют ко мне прямое отношение.

Первое постановление — «Об объявлении политической и экономической амнистии».

Цитирую ту часть, которая касается меня: «В целях национального примирения, достижения гражданского мира и согласия в соответствии с пунктом «в» части 1-й статьи 103 Конституции РФ Госдума постановляет:

Первое. Прекратить все уголовные дела, находящиеся в производстве следователей, и дела, не рассмотренные судами в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности: а) по событиям 19–21 августа 1991 г., связанным с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и с участием в его деятельности.

Девятое. Данное постановление вступает в силу с момента опубликования. Пункты 1 и 2 постановления подлежат исполнению немедленно» (конец цитаты).

Конечно, Дума была обеспокоена тем, что людей, арестованных по событиям 3–4 октября, надо было во что бы то ни стало освободить. Но большинство голосов можно было получить лишь в том случае, если в одном пакете будут отражены интересы и той части депутатов, которые заинтересованы в амнистии лиц, привлеченных к уголовной ответственности за экономические преступления.

Однако одновременно (в пакете) Дума принимает второе постановление— «О признании утратившим силу Постановления Государственной Думы», которым отменяет принятое 16.02.94 г. Постановление «Об утверждении состава комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года».

Это был недопустимый компромисс, размен. Родственникам безвинно погибших 3 и 4 октября его трудно понять. Но мотив был ясен — под шумок освобождения людей из тюрьмы Ельцин решил замести все следы своего октябрьского преступления.

Прекращение деятельности комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года означало, что отныне останется тайной, сколько погибло людей в период 3–4 октября и кто виновен в этой гибели.

Но будем честны до конца. Примененные в первом постановлении пышные фразы типа — «национальное примирение», «гражданский мир и согласие» и т. п. были не чем иным, как бутафорией. Ведь совершенно не понятно, о каком национальном примирении идет речь? Если имеется в виду район

Северного Кавказа, так надо прямо так и сказать! Или гражданский мир и согласие — кто с кем должен жить в мире и согласии? Кто кем недоволен и почему? Это, во-первых. Во-вторых, Ельцин этим шагом решил закрыть свой позор с расстрелом Дома Советов. В-третьих, почему должны по этому поводу принимать какой-то специальный документ? Ведь все то, что должно обеспечить мир и согласие, должно быть заложено в Конституции. Если же этого нет, то надо внести.

Но самое главное в разрешении этой проблемы — мир и согласие — сосредоточено в экономических реформах. Если они будут отвечать интересам народа — будет мир и согласие.

Теперь непосредственно об амнистии.

В первом постановлении сказано, что уголовное дело по событиям 19–21 августа 1991 года надо прекратить немедленно, а участников в создании ГКЧП и его действиях освободить от наказания, т. е. амнистировать.

Но что это значит? Это не только амнистия для тех, кто якобы виновен в создании ГКЧП и его выступлении. И, пожалуй, эта амнистия не столько по отношению к ним. Фактически это способ спрятать концы в воду и утаить истинные причины появления и выступления ГКЧП. Точнее, эта амнистия в первую очередь для тех, кто хоть пока и не привлекается к уголовной ответственности, а проходит свидетелем, но является главным государственным преступником в деле развала Советского Союза.

Я не мог с этим смириться.

Когда 1 марта 1994 года на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда РФ было официально объявлено постановление Госдумы об амнистии и каждый из нас был опрошен, как он относится к этому акту, я заявил, что против решения Госдумы об амнистии возражений не имею, но прошу иметь в виду, что я ни в чем не виновен и одновременно ходатайствую о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Это было мое как бы моральное условие принятия амнистии.

Откровенно говоря, я и тогда не хотел принимать амнистию, но пошел на этот шаг (и об этом знают все мои товарищи по делу) лишь потому, что было общее мнение.

После амнистии многие устроились на работу, многие занялись капитально своим здоровьем. А некоторых я сам уговаривал принять амнистию (например, Стародубцева, которому надо было руководить и колхозом, и ассоциацией крестьян, и заседать в Федеральном Собрании).

Я же в итоге от амнистии отказался потому, что не хочу, чтобы канул в Лету сам факт развала Советского Союза. Эту

трагедию надо было осветить, а дело по этому поводу возбуждено не было.

Считаю, что этот вопрос уже довольно хорошо освещен на этом процессе, а вот то, что Генеральная прокуратура не отреагировала на мое ходатайство, пересланное ей официально Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации еще 25.06.94 г., является нарушением, которое не украшает Генеральную прокуратуру. Ведь положено ответить через 10 дней.

Генеральную прокуратуру не украшает и другое — вчера не успели объявить предложение государственного обвинителя Данилова, как Генеральная прокуратура спешит заявить в «Новостях»: «Это мнение независимого прокурора, его личное мнение. А Генеральная прокуратура еще выскажется — все зависит, какое решение будет принято судом!»

Разве это не прецедент?! Разве это не давление на Суд! Еще Суд не завершил свою работу, а Генеральная прокуратура уже дает понять, что будет настаивать на обвинительном приговоре.

Ну, в какой еще стране могут быть такие чудеса с правом?

IV. Некоторые уроки и выводы.

1. Проведенный судебный процесс, независимо от решения Генпрокуратуры по поводу моего ходатайства, на мой взгляд, уже показал и осветил вопрос — почему и в угоду кому был развален Советский Союз и кто организатор этой трагедии.

2. Как бы политические структуры ни маневрировали, стараясь увести народ от главного, никогда с повестки дня жизни России не будет снят вопрос о расследовании трагедии насильственного разлома нашего Отечества.

В этом расследовании тоже заложен гражданский мир и согласие.

3. Годы перестройки и последующее время, так сказать, демократических преобразований говорят только об одном — необходимы законы, обеспечивающие Свободу и Право человека, а не только декларирование этого.

Плюс законами должны быть созданы законопослушные исполнительные органы, а также органы, объективно осуществляющие надзор за выполнением законов. Законы должны действовать. Например, принят закон о выборах — надо проводить выборы по закону.

4. Очевидно, уже пришло время (все-таки прошло три года), когда историкам, писателям, политологам, журналистам можно было бы уже включиться в исследование трагедии, постигшей

наше Отечество. Ведь не было у нас в истории такого тяжелого горя. Событие эпохальное, историческое для всего человечества.

5. Какие бы коллизии еще ни ожидали наше общество, что бы ни происходило с различными структурами государства, каждый честный человек должен думать о своем Отечестве и действовать в меру своих сил и возможностей на его благо.

Нельзя допустить, чтобы народ ослеп, оглох, потерял надежду и полностью утратил веру.

6. Никогда нельзя строить иллюзий, уповая на чудо, которое якобы придет к нам с Запада или Востока. Никто нам просто так не поможет. Судьба наша в наших руках.

Стратегический план разрушения всех государственных и общественных институтов СССР — это вовсе не борьба с коммунизмом и не главная причина «холодной войны». Это была идеологическая ширма, за которой скрывались истинные причины. А они имеют глубокие исторические корни. Они же связаны с объективными законами дальнейшего развития наиболее благополучных стран. Дело в том, что техника и технология (особенно в области энергетики) достигли своего естественного предела. Последующее повышение их эффективности без дополнительно-то вливания сырья невозможно. А сырье — у нас.

7. Предатели нашего народа нервничают. Вчера в своем интервью радио «Свобода» Горбачев, узнав о том, что происходит на нашем суде, заявил: «И это мы идем к правовому государству?»

Видите ли, он вел к правовому государству, пока его полностью не развалил.

Что ж, чувство нервозности — для него характерное чувство. Боится. Знает, что его ожидает.

8. Государственный комитет по чрезвычайному положению был создан руководством страны только во имя сохранения Союза и защиты Советской Конституции, а не наоборот, как это стараются представить Горбачев и Генеральная прокуратура РФ.

Странно, они здесь едины.

Можно было бы объяснить — почему, но это и так видно. Главное — это то, что ГКЧП был создан в положении крайней необходимости, а это снимает все вопросы.

9. Патриотические, честные, благородные силы в нашем обществе проявляют себя все больше и больше. Они есть и среди тех, кому доверено самое высокое — Право, Закон.

Особо я обязан отметить мужественные поступки прокурора Генеральной прокуратуры Аркадия Борисовича Данилова, адвоката Дмитрия Давидовича Штейнберга.

Несомненно, их поступки войдут в историю, как и весь этот

судебный процесс. Что бы у нас на суде ни было, какие бы обострения ни принимал процесс — все двигалось к раскрытию истины.

V. Заключение.

Начну с тех мыслей, которые уже были высказаны в начале моего Последнего слова — три года прошло с тех пор, как я был арестован, и все дни этих лет я постоянно находился в тисках тяжелых, гнетущих мыслей, порожденных предъявленным обвинением.

Как и любому моему соотечественнику, мне были известны истины, которые являлись незыблемыми принципами: значение каждого человека измеряется его трудом, заслугами перед Родиной, а человеческое достоинство — силой патриотизма. Зная это, я, на мой взгляд, и действовал соответственно. В 41-м над страной нависла смертельная опасность — и я пошел на ее защиту. В 91-м опять возникла тяжелая угроза нашему государству — опять встал на защиту Отечества.

Но когда случилась со мной беда — меня арестовали (а я первоначально посчитал это нелепой ошибкой), то я говорил, что и в беде нельзя падать духом. Однако, когда все иллюзии рассеялись и стало очевидным, с кем я имел дело и кто именно является изменником Родины, — я стал убеждать себя, что неизбежное надо нести с достоинством. И нёс.

Но, конечно, покоя не было. И его не будет, пока не прояснится истина. Ведь даже и сейчас, хоть и очень редко, но бывают случаи, когда идущий навстречу знакомый человек вдруг переходит на другую сторону улицы. Ясно, что не хочет встречаться с подсудимым.

Ну, что же, хоть кое-кто и шарахается и мне это неприятно, но хожу я свободно и открыто, чего, уверен, не сможет сделать Горбачев. Да что там Горбачев? Гайдар в Государственной Думе ходит с охранником. Не знаю, как он спит, но это же дико. Я не могу себе представить, чтобы даже в 90-м году кто-то в Верховном Совете СССР появился с охраной (кроме, конечно, Горбачева).

После августа 1991 года Горбачев уже стал калифом на час. Но свое окончательное гнусное дело в отношении страны успел сделать: умышленно арестовал и посадил в тюрьму председателя Президиума Верховного Совета, премьер-министра, министра обороны, председателя КГБ (министр внутренних дел якобы застрелился), секретаря ЦК КПСС, заместителя председателя Совета обороны, руководителя администрации Президента, ряд

народных депутатов СССР.

Этим самым он сразу решал в своих интересах ряд задач: не только обезглавил все основные законодательные, исполнительные и партийные структуры, силовые министерства, но и нагнал тем самым страх на всех, кто в этих структурах остался. Полностью их нейтрализовал и сделал недееспособными. Этим шагом он также убрал всех и все, что ему мешало, и открыто, цинично заявил: «Теперь на нашем пути нет никаких преград». Арестовав, он также отомстил тем, кто осмелился у него на даче отключить телефон или вел себя недостаточно, на его взгляд, корректно.

Отомстил! А удовлетворение этого чувства (так же, как и популярность, корыстолюбие, меркантильность, барство) было неотъемлемой частью его внутреннего содержания. Хоть в этой книге уже об этом говорилось, но я хочу еще раз повторить: еще на съезде народных депутатов СССР во время обсуждения кандидатуры Горбачева на пост Президента, народный депутат от Кемеровской области Теймураз Авалиани буквально выкрикнул с места: «Одумайтесь, кого вы выбираете? Я его прекрасно знаю и много лет слежу за его работой — это пустой человек, он загубит страну. Он никогда ни о ком и ни о чем не заботится, кроме себя и своих ближних, а также вышестоящих начальниках. Это мстительная и коварная личность. Он не может быть Президентом!»

Это были слова пророка. Но Горбачева небольшим большинством все-таки избрали. Совершена роковая историческая ошибка. И эта ошибка уже реально сказалась на всем последующем времени, в т. ч. и в августе 91 года. Обезглавив и парализовав все, что могло хоть как-то сопротивляться антиконституционным действиям, Горбачев открыл путь сепаратизму и экстремизму. Умышленно!

Но Горбачев и сейчас, на суде, продолжал настаивать на том, что этот путь был открыт выступлением ГКЧП. Изложенный выше аргумент убедительно показывает явную неуклюжесть Горбачева. Мало того, резонно спросить у него — а кто породил и вырастил, вооружил и вдохновил на действия этих сепаратистов и экстремистов? Ведь в стране до 1985 года малейших признаков всего этого не было и невозможно было, чтобы такое появилось. Это не отвечало интересам народа.

Резонно, что сегодня наши люди, измученные тяжелыми испытаниями, проклиная изменников и предателей нашего народа, одновременно жестко упрекают ГКЧП — почему, взявшись за нужное и большое дело в интересах народа, комитет не довел его до конца?! В этих условиях неубедительным будет

ответ, что, мол, нас арестовали. Люди же немедленно спросят, но почему вас арестовали, почему вы позволили это им сделать, ведь у вас была вся сила?!

И я согласен с упреками. Каждый человек в государстве должен заниматься своим делом и отвечать за сбой участок — один пашет, другой сталь льет, третий науку и культуру двигает, четвертый следит за исполнением законов, пятый обеспечивает госбезопасность и оборону страны.

Горбачев с помощью своих «архитекторов» и «прорабов перестройки» хитро и тонко заводил троянского коня в нашу социалистическую крепость (и в нашу страну, и в страны социалистического содружества).

Ведь процветание социалистического лагеря (а в ГДР и Чехословакии было действительно процветание, другие страны тоже жили хорошо) было как кость в горле у Запада, особенно у Рейгана, Тэтчер. Они стали приближать Горбачева (еще с 1984 года) и учить его уму-разуму. Ученик оказался послушным, падким на похвалы и другое… То есть он был для Запада удобной фигурой.

И неудивительно, что первые ростки приватизации были не при Чубайсе, а при Горбачеве еще в 1987–1988 годах, когда начали организовываться так называемые концерны. А его анархический лозунг: «Все разрешено, что не запрещено законом»! — это уже было прямым указанием на развал советской социалистической системы.

Фактически именно Горбачев организовал антинародный переворот! Именно он вогнал стране нож в спину. Проводится референдум, народ высказывается за Союз, а Горбачев готовит договор, узаконивающий развал уникального государства. Это было антиконституционно. И ГКЧП выступил правильно, но проявил наивность, и его членов посадили в тюрьму. А оставшиеся в Верховном Совете, в прокуратуре, КГБ, МО, МВД, ЦК КПСС были подавлены страхом. Никто не выступил.

Наша страна была, конечно, ближе к истинному социализму, чем к капитализму. Об этом многократно еще в 90-м году заявляли многие западные социологи, наблюдая потрясающие даже деформации в социально-экономической сфере.

Но если, допустим, Горбачев и его клика пришли к выводу, что капитализм для нашего народа лучше, чем социализм, то не надо насильно набрасывать хомут — проведите референдум. Ведь это не рядовой, а судьбоносный вопрос. Ведь референдума по капитализму не было. А Горбачев подло и хитро ввел троянского коня. Используя доверчивость и открытость народа, он вгоняет еще один нож в спину — широко распахивает двери для

капитализации.

А наш народ, приученный за 70 лет Советской власти ко многим гарантиям, которые обеспечивает государство, даже сейчас продолжает наивно в это верить.

Мне понятны были слова Ельцина (я их читал только недавно), когда он с гневом с трибуны Дома кино громил Горбачева, называя его изменником, говорил, что он развалил страну, что предал свой народ. Я был полностью с ним согласен — обвинение справедливое. Но мне совершенно не понятен ход дальнейших действий. Да, надо было избавиться от Горбачева — загубил страну. Но почему был избран Беловежский вариант? Ведь ненависть и презрение к предателю не должны были в итоге обернуться против народа — новым предательством.

Почему Российское государство не поддержало Государственный комитет по чрезвычайному положению, который выступал не против Ельцина и других руководителей республик, а против политики Горбачева?! То есть против того же, о чем говорил и Ельцин. Логичнее было согласовать эти действия, а не идти на временный блок с Горбачевым. Ведь в итоге уникальное государство было окончательно развалено лишь потому, что надо было Ельцину избавиться от Горбачева.

Это мне совершенно непонятно. Я был против любого развала страны.

Еще одна проблема. У нас в СССР существовала одна партия — КПСС. Являясь партией, она составляла и государственную структуру (так сложилось исторически). Возник вопрос об исключении ст. 6-й из Конституции. Статью убрали, но ведь вместе с этим нарушили и управление страной, ее экономикой. Мы же вместо этого стержня, вокруг которого строилась вся государственность, ничего не создали.

Это было сделано умышленно. Такой шаг был направлен на развал государства, а не только партии.

Мало того, к этому добавляется многопартийность. Наша страна не имела враждующих классов, у всех интересы общие. Если нет классов, то логично вообще не иметь никаких партий. Ленину потребовалась партия единомышленников для решения политических задач. Но уже во второй половине XX века нам никаких политических задач решать не требовалось. И народ вполне мог бы опираться на Советы и общественные организации, которые бы смогли заниматься и социалистической идеологией.

Но мы пошли вроде по демократическому, а фактически ложному пути многопартийности. Что же в итоге приобрели? Усилили центробежные силы и в угоду Западу разнесли страну в кровавые клочья. И даже на этом не успокоились.

Верно народ говорит — ГКЧП был обязан не допустить развала государства. Это можно было сделать только отстранением Горбачева от власти, чего, к сожалению, не произошло.

В итоге хочу отметить следующее. В следственном изоляторе «Матросская тишина» мне было предъявлено первое обвинение. Цитирую:

«Варенников является одним из участников заговора с целью захвата власти и группы лиц, захвативших власть, т. е. подозревается в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.

Основанием для задержания Варенникова является тяжесть совершенного им преступления, и, находясь на свободе, он может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу.

Подпись — ***Белоусов.***

23.08.91 г., 5 ч. 45 мин.»

Уже тогда на этом документе я написал: «Не считаю себя участником заговора и цели захвата власти не ставил, Варенников».

То есть с первого часа моего ареста я уже четко и ясно заявил, что в никаком заговоре я не участвовал (его попросту не было) и тем более цели захвата власти не ставил, ни я, ни другие. У всех власти было достаточно.

Характерно, что уже в письме Генпрокурору Степанкову 31.08.91 г. (т. е. через неделю после ареста) я писал: «Никогда ни у кого и мысли не было о захвате власти. Наоборот, всегда стремились к укреплению существующей власти и спасению страны от катастрофы».

И сколько бы в последующем ни проходило допросов, сколько бы все новых обвинений мне ни предъявлялось, я никогда не сомневался в своей невиновности. Даже наоборот, чем дальше шло следствие, тем больше я убеждался в абсурдности предъявленного мне обвинения, как и обвинения ГКЧП в целом, а также в том, что к истинным виновникам разрушения страны, изменникам Родины и предателям нашего народа меры приняты не были.

В то же время Генеральная прокуратура РФ не желала признать свою ошибку, она маневрировала и продолжала обвинять вопреки закону, который гласил: «Общественно опасное противозаконное деяние может быть признано преступлением только тогда, когда Оно совершенно виновно». Тем не менее Генпрокуратура на каждом листе Обвинительного заключения

пишет, что якобы каждое наше, и мое в том числе, действие совершено умышленно и с ущербом для государства.

Но вся трагедия состоит в том (и об этом говорят все дела), что отсутствует само преступление. Поэтому я и не мог его совершить, разумеется, если рассуждать с позиций логики. А если с позиции морали» то я вообще не способен на преступление. А суд все оценит с позиций права.

Таким образом, мое заявление о моей невиновности, на мой взгляд, обоснованно. Я не считал и не считаю себя виновным.

Но я с горечью и с глубоким сожалением переживаю чувство неисполненного долга — я не все сделал, как и мои товарищи, чтобы не допустить развала нашей Родины. В этом я каюсь.

Искренне надеюсь, что Военная коллегия Верховного Суда РФ оценит все показания объективно и вынесет справедливый приговор».

* * *

Фактически последнее слово писалось накануне и в ночь перед заседанием, поэтому оно недостаточно отшлифовано, но главное я постарался изложить.

И вот наконец наступил день вынесения приговора. Снова раздается уже привычная команда: «Встать, Суд идет!» Мы все встаем. Судьи в мантиях с суровыми лицами (так мне показалось) вышли на свои места, но не сели. Председательствующий генерал Виктор Александрович Яськин начал зачитывать текст приговора. На это ушло целых полчаса! В документе одно за другим отметалось обвинение, сфабрикованное Генпрокуратурой.

Чем дальше читал приговор В. А. Яськин, тем больше становилась моя уверенность, что все может окончиться благополучно. Наконец В. Яськин произнес: «Суд приговорил…» — и сделал паузу. У меня сердце оборвалось. Как же так? Вроде все обвинения отметены и вдруг — «приговорил!». Но, оказывается, существует такая судебная формула и она употребляется независимо от меры наказания или вывода суда.

Итак, вот текст приговора от 11 августа 1994 года: «Именем Российской Федерации Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего генерал-майора юстиции Яськина В. А.,

народных заседателей генерал-майора Подустова В. И. и контр-адмирала Юрасова Н. П.,

при секретарях майоре юстиции Сокерине С. Г., капитане юстиции Зинченко В. И. и старшем лейтенанте юстиции

Неустроеве В. С.,

с участием государственного обвинителя — старшего военного прокурора Главного управления по надзору за исполнением законов в Вооруженных Силах полковника юстиции Данилова Л. Б. и защитника-адвоката Штейнберга Д. Д.,

рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению бывшего Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР — заместителя министра обороны СССР генерала армии Варенникова Валентина Ивановича, родившегося 15 декабря 1923 г. в г. Краснодаре, русского, имеющего высшее образование, женатого, в преступлении, предусмотренном п. «а» ст. 64 УК РСФСР, установила:

На 20 августа 1991 г. намечалось открытие подписания Договора о Союзе суверенных государств, что, по мнению ряда высших должностных лиц страны, привело бы к разлому и прекращению существования СССР.

16 августа 1991 г. министр обороны СССР информировал Варенникова В. И. о возможном введении в стране чрезвычайного положения.

На следующий день Варенников В. И., по указанию Язова Д. Т., присутствовал на совещании высших должностных лиц государства на объекте КГБ «АБЦ», в ходе которого высказывалось мнение о необходимости введения чрезвычайного положения в целях предотвращения распада Советского Союза и улучшения экономического положения в нем. Здесь же принято решение о направлении группы лиц в Форос, где отдыхал Президент СССР М. С. Горбачев, с целью побудить его ввести чрезвычайное положение либо поручить это сделать другим. В эту группу, по предложению Язова Д. Т., был включен и Варенников В. В.

18 августа группа в составе заместителя председателя Совета обороны СССР Бакланова О. Д., руководителя аппарата Президента СССР Болдина В. И., секретаря ЦК КПСС Шенина О. С. и Варенникова В. И. вылетела в Форос. Вместе с ними полетели начальник службы охраны КГБ СССР Плеханов Ю. С., начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХОЗУ КГБ СССР Генералов В. В. и другие сотрудники КГБ.

По прилету в Крым Варенников В. И. узнал, что Плеханов Ю. С. Отдал команду отключить все виды связи у Президента СССР, а по прибытии в резиденцию последнего— и об отсутствии связи с абонентского комплекта № 1.

Встретившись с Горбачевым М. С., Бакланов О. Д., Болдин В. И. и Шенин О. С. доложили о состоянии дел в стране и КПСС, а Варенников В. И. — о трудностях обеспечения

обороноспособности и вопросах, возникавших в армейской среде в связи с процессами, проходившими в государстве, и ухудшением условий военной службы.

Не получив от Президента СССР формального согласия на введение чрезвычайного положения, Бакланов О.Д., Болдин В. И., Шенин О. С. и Плеханов Ю. С. улетели в Москву, где в ночь на 19 августа был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП).

Варенников В. И., по поручению министра обороны СССР, вечером 18 августа на военном аэродроме Бельбек встретился с заместителем министра внутренних дел Громовым Б. В. и провел совещание, в ходе которого обсудил с командующими войсками Киевского, Прикарпатского и Северокавказского военных округов Чечеватовым В. С., Скоковым В. В. и Шустко Л. С., командующим Черноморским флотом Хронопуло М. Н. и маршалом артиллерии Михалкиным В. М. действия подчиненных им войск в случае введения чрезвычайного положения.

Утром 19 августа, после обнародования документов ГКЧП, Варенников В. И., по поручению министра обороны СССР, встретился с руководством Украины и рекомендовал им ввести чрезвычайное положение в западных областях республики.

Наблюдая за развитием событий в Москве, он в течение 19 августа направил в адрес ГКЧП пять шифротелеграмм с информацией о ситуации на Украине и требованием принятия более решительных мер в отношении руководства РСФСР, противодействовавшего мероприятиям ГКЧП.

Кроме того, Варенников В. И. рекомендовал командующим войсками военных округов направить телеграммы в поддержку действий ГКЧП.

Возвратившись 20 августа в Москву, он, по поручению министра обороны СССР, присутствовал при обсуждении в кабинете заместителя министра обороны СССР вопроса о применении вооруженной силы для захвата здания Верховного Совета России, в котором находилось руководство республики.

Он же дал указание подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов.

Ознакомившись с обстановкой у здания Верховного Совета РСФСР и в целом в г. Москве, Варенников В. И. предложил во избежание кровопролития не штурмовать названное здание и вывести войска из столицы.

Не желая кровопролития, руководство Министерства обороны, Министерства внутренних дел и КГБ СССР отказались от захвата этого здания, а 21 августа 1991 г., по решению министра обороны СССР и коллегии Министерства обороны СССР, войска

выведены из г. Москвы.

В судебном заседании Варенников В. И., не признав себя виновным в каком-либо преступлении, показал о своих действиях, как изложено выше, и пояснил, что совершил их в целях сохранения Советского Союза.

Выполнение им перечисленных действий подтверждается и другими доказательствами, исследованными в ходе судебного разбирательства.

Так, свидетели Язов Д. Т. и Ачалов В. А. сообщили, что 16 августа 1991 г. они и Варенников В. И. обсуждали положение дел в стране и первый сказал о возможном введении чрезвычайного положения.

Органами предварительного следствия вменялось, что Варенников В. И. в тот день был посвящен Язовым Д. Т. в планы срыва подписания Союзного договора. Однако как подсудимый, так и перечисленные свидетели отрицают это, в связи с чем обвинение в этой части признается необоснованным.

Не нашло подтверждения и содержащееся в обвинительном заключении утверждение, что на Варенникова В.И. планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения. Это утверждение противоречит не только показаниям подсудимого, свидетелей Язова Д. Т. и Ачалова В. А., но и тому, что по решению министра обороны СССР Варенников должен был улететь и фактически улетел 18 августа из столицы на несколько дней. Не возлагалась на него такая задача и после его возвращения в г. Москву.

Как показали свидетели Крючков В. А., Язов Д. Т., Павлов В. С., Бакланов О. Д., Болдин В. И., Шенин О. С., Ачалов В. С., Егоров А. Г. и Грушко В. Ф., 17 августа 1991 г. Варенников был на совещании высших должностных лиц, в ходе которого обсуждалась сложившаяся в стране ситуация и высказывалось мнение о необходимости введения чрезвычайного положения для предотвращения разлома СССР и улучшения экономического положения в нем. Там же принято решение о направлении делегации к Президенту СССР с целью побудить его ввести чрезвычайное положение самому либо поручить это сделать другим. По предложению Язова Д. Т. в эту группу был включен Варенников В. И. Он, по показаниям названных лиц, на совещании присутствовал, но в обсуждении не участвовал.

Органами предварительного следствия вменялось, что в ходе этого совещания определена дата выступления и согласованы действия по захвату власти, который должен был осуществиться путем изоляции Президента СССР в Форосе, отключения всех видов связи и предъявления ему требования ввести чрезвычайное

положение или уйти в отставку. В случае его отказа продолжить изоляцию силами КГБ, объявить Горбачева М. С. больным и неспособным по этой причине осуществлять свои полномочия, возложить их на вице-президента СССР, создать ГКЧП из числа участников заговора, наделив его всей полнотой власти, и ввести в стране чрезвычайное положение.

Обвинение Варенникова В. И. в этой части является лишь предположением, основывающемся на отдельных объяснениях подозреваемых или обвиняемых Язова Д. Т., Павлова В. С. и Грушко В. Ф.

Из этих лиц лишь Язов Д. Т. в начале следствия показывал, что при встрече на объекте 17 августа 1991 г. обсуждались вопросы изоляции и отставки Горбачева М. С. по болезни и передачи власти ГКЧП.

Однако еще в ходе предварительного следствия он назвал эти объяснения неточными и заявил, что 17 августа изоляция Горбачева М. С., объявление его больным и создание ГКЧП не затрагивались. Два последних вопроса были подняты и решены 18 августа в отсутствие Варенникова В.И.

Не дают основания для бесспорного вывода о том, что перечисленные вопросы обсуждались 17 августа, также объяснения Павлова В. С. и Грушко В. Ф. о согласовании даты выступления, планах предъявления Горбачеву М. С. требования уйти в отставку или объявления его больным, создания ГКЧП они никогда не показывали.

Из показаний участвовавших в совещании лиц видно, что после принятия решения о направлении в Форос группы лиц возникали опасения, что Горбачев М. С. их не примет либо прикажет арестовать. В связи с чем Крючков В. А. заявил, по объяснениям Павлова В. С., что «ситуация будет под контролем», а по показаниям Грушко В. Ф., что с группой полетит Плеханов Ю. С., который знает охрану и примет меры. Из этих слов он, Грушко, сделал вывод, что Горбачев М. С. будет изолирован.

Другие присутствовавшие на совещании лица о таком выводе не сообщали.

Таким образом, в ходе предварительного следствия не добыты бесспорные доказательства того, что Варенников В. И. присутствовал при обсуждении планов захвата власти путем изоляции Президента СССР, объявления его больным, создания ГКЧП и наделения его всей полнотой власти либо знал о таких планах из других источников.

В судебном же заседании все допрошенные участники этого совещания категорически заявили, что перечисленные вопросы в присутствии Варенникова В. И. не обсуждались.

На основании изложенного суд находит, что эта часть обвинения является необоснованной.

Органами предварительного следствия вменялось, что на упомянутом совещании также решено использовать войска Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности СССР для обеспечения режима чрезвычайного положения.

Это обвинение основывалось на показаниях Егорова А.Г. и Язова Д. Т. о том, что последний предлагал обсудить вопросы взаимодействия органов Министерства обороны, МВД и КГБ.

Однако Варенников В. И. и другие участники совещания на предварительном следствии не подтвердили, что они слышали это предложение.

В судебном же заседании все отрицали, что на совещании затрагивался вопрос использования войск для обеспечения деятельности ГКЧП или хотя бы их ввод в столицу.

Поэтому и эта часть обвинения признается необоснованной.

Согласно обвинительному заключению на названном совещании оглашались документы будущего ГКЧП.

Хотя участники совещания и показали в суде, что фрагменты проектов документов оглашались, но это не может быть положено в основу обвинительного приговора в отношении Варенникова В. И., поскольку постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого эти действия ему не вменены.

Из показаний участников совещания усматривается, что оглашенные фрагменты не позволяли судить о содержании документов в целом и не свидетельствовали о планах отстранения Президента СССР, объявления Горбачева М.С. больным, его изоляции, создания ГКЧП и захвата власти.

В начале предварительного следствия Варенников В. И., как и Язов Д. Т., показал, что на том же совещании говорилось об отключении связи у Президента СССР. Однако затем он заявил, что об отключении названной связи он впервые услышал от Плеханова Ю. С. в полете или по прибытии в Крым, такой же позиции он придерживался и в судебном заседании. Свидетель Язов Д. Т. заявил суду, что на предварительном следствии он ошибся, фактически же он узнал об отключении связи до или после совещания. Остальные участники совещания также показали, что на нем этот вопрос не затрагивался. А свидетель Плеханов Ю.С. подтвердил, что он сообщил Варенникову В. И. об отключении связи после посадки в Крыму.

Исходя из изложенного, суд считает недоказанным обвинение Варенникова В. И. в том, что он еще до вылета к Президенту СССР знал об отключении у него связи.

Как объяснил подсудимый, после сообщения Плеханова Ю. С. он полагал, что связь у Президента отключена лишь на время встречи с ним. Это утверждение в определенной мере подтверждается показаниями свидетеля Кириллова В. А., согласно которым после его доклада об отсутствии связи с абонентского комплекта № 1 Варенников В. И. сказал, что связь будет восстановлена на следующий день.

Факт встречи с Президентом СССР подтвердил подсудимый, свидетели Бакланов О. Д., Болдин В. И., Шенин О.С. и Горбачев М. С., которые также сообщили, что прибывшие, убеждая Президента ввести чрезвычайное положение самому либо поручить это сделать другим, говорили о критическом положении в экономике и общественно-политической жизни страны, а Варенников В. И., в частности, — о трудностях обеспечения обороноспособности и вопросах, возникавших в армейской среде в связи с процессами, проходившими в государстве, и ухудшением условий армейской службы.

По показаниям Варенникова В. И., Бакланова О. Д., Шенина О. С. и Болдина В. И., Горбачев М. С. хотя и назвал попытку спасти страну от развала путем введения чрезвычайного положения авантюрой и говорил о возможности принятия чрезвычайных мер через съезд народных депутатов или Верховный Совет СССР, однако закончил встречу рукопожатиями и словами: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение». Эти слова Президента СССР они расценили как фактическое согласие на введение в стране чрезвычайного положения при одновременном его желании остаться в стороне от принятия такого решения.

Признав правильность оценки прибывшими ситуации в стране, свое высказывание о возможности введения чрезвычайного положения решением съезда народных депутатов или Верховным Советом СССР, а также рукопожатия при расставании, свидетель Горбачев М. С. отрицал произнесение указанных слов или одобрение каким-то иным способом введения чрезвычайного положения неконституционным путем.

Проанализировав доказательства, суд пришел к выводу, что, несмотря на высказывания М. С. Горбачева об антиконституционности и авантюризме предложений прибывших, непринятие им мер к их задержанию, его предложение созвать съезд народных депутатов или сессию Верховного Совета для обсуждения вопроса о введении чрезвычайного положения, рукопожатия при расставании давали Варенникову В. И. основания полагать, что Президент СССР если и не одобряет, то не возражает против попытки спасти страну от развала путем

введения чрезвычайного положения.

Этот вывод подтверждается также объективными действиями членов ГКЧП, которые после провала задуманного полетели к Горбачеву М. С. для обсуждения возможного выхода из создавшейся ситуации.

Органами предварительного следствия Варенникову В.И. вменялось, что непосредственно он потребовал от Президента СССР уйти в отставку.

Несмотря на то, что свидетель Горбачев М. С. последовательно заявлял о таком требовании Варенникова В. И., суд находит обвинение в этой части необоснованным, поскольку никто из остальных присутствовавших при встрече это обстоятельство не подтвердил ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании.

Как утверждают Болдин В. И., Шенин О. С., Бакланов О. Д. и Варенников В. И., последний заявил Горбачеву М. С. о своей, а не Президента СССР отставке.

Показания этих лиц подтверждаются приобщенным к делу рапортом Варенникова В. И. с просьбой о его отставке, датированным 19 августа 1991 г., и показаниями свидетеля Язова Д. Т., согласно которым Варенников В. И. по телефону доложил ему из Киева о том, что он высказал Горбачеву М. С. свою готовность уйти в отставку.

Органами предварительного следствия в обвинение Варенникову В. И. включено и то, что после его отъезда из Фороса Генералов В. В. принял меры к изоляции Президента СССР и блокированию его резиденции.

Суд считает эту часть обвинения необоснованной, так как по делу не добыты бесспорные доказательства того, что Варенников В. И. оказывал содействие в осуществлении этих мер либо был осведомлен о намерении их совершить.

Как пояснил подсудимый, уехав от Горбачева М. С., он по указанию министра обороны СССР встретился на военном аэродроме с заместителем министра внутренних дел СССР Громовым Б. В., а затем провел совещание с командующими войсками Прикарпатского, Киевского и СевероКавказского военных округов генералами Скоковым В. В., Чечеватовым В. С, и Шустко Л. С., командующим Черноморским флотом Хронопуло М. Н. и маршалом артиллерии Михалкиным В. М. Свидетели Хронопуло М. Н. и Михалкин В. М. показали, что в ходе этого совещания Варенников В. И. сообщил им о возможном введении в стране чрезвычайного положения и обсудил с ними те статьи Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», которые касались действий военнослужащих в этих условиях.

Свидетель Язов Д. Т. подтвердил, что указанное совещание проведено по его распоряжению.

Этот свидетель также показал, что по его заданию Варенников В. И. полетел в Киев и встретился с руководством Украины.

Как показали свидетель Гуренко С. И. и подсудимый, последний предлагал руководству Украины ввести чрезвычайное положение в западных областях республики, однако, когда Кравчук Л. М. заявил, что не видит в этом необходимости, Варенников В. И не настаивал.

Факт направления Варенниковым В. И. пяти шифро-телеграмм с информацией о ситуации на Украине и требованием принятия более решительных мер в отношении руководства РСФСР подтверждается подлинниками этих документов, приобщенными к делу.

По показаниям свидетеля Михалкина В. М., Варенников В. И. через него советовал командующему войсками Прикарпатского военного округа направить телеграмму с одобрением действий ГКЧП. Такая телеграмма была подготовлена, но не отправлена. Эти показания подтверждаются тем, что телеграмма не приобщена к материалам дела.

Не приобщены к делу и телеграммы из других округов.

По показаниям свидетеля Хронопуло М. Н., в телефонном разговоре он высказывался о необходимости усиления охраны аэродрома Бельбек. Как сообщил далее свидетель, еще до этого разговора он ставил перед министром обороны СССР и главкомом ВМФ вопрос об усилении охраны названного аэродрома, Главнокомандующему Военно-Морским Флотом он доложил и о предложении Варенникова В. И. и получил распоряжение выделить силы и средства. После этого по его, Хронопуло, приказу на аэродром был направлен батальон морской пехоты. Задачу уничтожать самолеты он не ставил, и Варенников не просил его об этом, что подтвердил и подсудимый.

Поскольку их показания не опровергнуты, суд находит необоснованным обвинение в выделении большего количества сил и средств и постановке перед ними задачи уничтожать самолеты в случае их несанкционированной посадки.

Как показали свидетели Язов Д. Т. и подсудимый, 20 августа 1991 г. последний, по распоряжению министра обороны СССР, был на совещании представителей Министерства обороны, КГБ и МВД СССР. О том, что на нем обсуждался вопрос о действиях против лиц, находившихся в здании Верховного Совета РСФСР, также показали свидетели Ачалов В. А., Громов Б. В., Карпухин В. Т. и другие участники совещания. Из показаний допрошенных

лиц видно, что Варенников В. И. лишь присутствовал и активного участия в обсуждении не принимал.

По выводам органов предварительного следствия, захват здания Верховного Совета РСФСР не состоялся в связи с решением предполагаемых исполнителей этой операции отказаться от ее осуществления, то есть по независящим от воли организаторов причинам.

Между тем никто, кроме Громова Б. В., не показывал о том, что он заявлял об отказе участвовать в операции, если приказ о ее поведении будет отдан. Из показаний Крючкова В. А., Карпухина В. Т. и других допрошенных по этому эпизоду лиц видно, что решение не проводить штурм здания Верховного Совета РСФСР вызвано нежеланием пролить кровь людей, находившихся в этом здании и возле него.

При таких данных суд признает, что операция не состоялась в силу добровольного отказа от нее.

Как усматривается из показаний Крючкова В. А., Язова Д. Т., Ачалова В. А., Громова Б. В. и Агеева Г. Е., Варенников В. И. внес вклад в достижение добровольного отказа, заявляя первым двум о нежелательности проведения боевых действий из-за того, что они повлекут человеческие жертвы.

Органами предварительного следствия Варенникову В.М. вменялось, что он дал указание подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов для реализации планов захвата здания Верховного Совета РСФСР.

Подсудимый подтвердил, что он давал указание генералам Петрову В. А. и Павлову В. Е. о подготовке соответственно танковых рот и вертолетов, но сделал это не с целью их использования при штурме указанного здания, а для обеспечения вывода войск.

Свидетели Петров В. А. и Павлов В. Е. показали, что Варенников В. И., отдавая упомянутое распоряжение, не ставил задачу подготовиться к боевым действиям.

Таким образом объяснения подсудимого не опровергнуты.

Кроме того, из показаний подсудимого и этих свидетелей видно, что Варенников В. И дал указание лишь о подготовке к перемещению танков и вертолетов, но команду на перемещение не давал.

Следовательно, он добровольно отказался от использования боевой техники, что в силу ст. 16 УК РСФСР устраняет его уголовную ответственность.

Органами предварительного следствия Варенникову В.И. вменено, что в результате неправомерного ввода войск в Москву в ночь на 21 августа 1991 года погибли Д. Комарь, И. Кричевский и

В. Усов, и то, что городскому хозяйству причинен ущерб на 24,2 миллиона рублей.

Суд признает это обвинение необоснованным, поскольку Варенников В. И. не был членом ГКЧП и по делу не добыты доказательства того, что он участвовал в принятии решения о вводе войск либо способствовал их вводу или перемещению.

Постановлением о привлечении в качестве обвиняемого Варенникову В. И. вменялось и то, что, отстраняя от исполнения полномочий Президента СССР, являвшегося Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами, на которого возложена координация деятельности государственных органов по обеспечению обороноспособности страны, руководство Советом обороны, и лишив его путем изоляции возможности принимать решения, связанные с использованием стратегических ядерных сил, он умышленно действовал в ущерб обороноспособности страны.

Эту часть обвинения суд также признает необоснованной, поскольку по делу не добыты доказательства, бесспорно свидетельствующие о том, что Варенников В. И. знал о планах отстранения Президента СССР и его изоляции либо как-то умышленно этому способствовал.

Органы предварительного следствия квалифицировали действия Варенникова В. И. как измена Родине в форме заговора с целью захвата власти, то есть преступление, предусмотренное п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

Суд считает такую оценку ошибочной.

Согласно диспозиции ст. 64 УК РСФСР обязательным признаком измены Родине является наличие у виновного умысла на причинение ущерба суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР.

Ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании не добыты доказательства, подтверждающие, что Варенников В. И. желал или сознательно допускал наступление таких вредных последствий для своей Родины.

Как усматривается из программных документов ГКЧП, в поддержку которого действовал Варенников В. И., и его объяснений, которые ничем не опровергнуты, он руководствовался лишь интересами СССР и имел целью содействовать разрешению сложившихся в стране кризисных проблем. При этом он не только не желал, но и не допускал наступления вредных последствий, указанных в ст. 64 УК РСФСР.

Хотя Варенников В. И. оказывал содействие ГКЧП с использованием своего служебного положения, его действия,

совершение которых признано доказанным, не содержат состава должностного или иного преступления.

Делая такой вывод, суд исходит из следующего.

В августе 1991 г. Варенников В. И. находился на действительной военной службе. В соответствии с воинскими уставами приказ начальника является обязательным для беспрекословного, точного и своевременного исполнения военнослужащим. Большинство же своих действий (присутствие на совещаниях 17 и 20 августа 1991 г., встречи с Президентом СССР и руководством Украины, проведение совещания с командующими войсками военных округов) он совершил не по собственной инициативе, а по приказу министра обороны СССР. Совершая инкриминированные ему действия, он не располагал достоверными данными, позволяющими считать, что происходящие события фактически противоречат воле Президента СССР— Главнокомандующего Вооруженными Силами государства. Мотивами и целью содеянного им были не корыстные побуждения или иная личная заинтересованность, а сохранение и укрепление своего государства, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 г. Действия Варенникова В. И. не повлекли материальный ущерб или иной существенный вред. Более того, ознакомившись с обстановкой в Москве 20 августа 1991 г., он своими советами Язову Д. Т. и Крючкову В. А. способствовал отказу от кровопролития.

К тому же и органы предварительного следствия не усмотрели, в отличие от некоторых других привлеченных по делу лиц, в действиях Варенникова В. И. признаков незаконного использования служебного положения или превышения должностных полномочий.

На основании изложенного Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь п. 2 ст. 5, ст. ст. 303, 309, 313, 314, 316 и 317 УПК РСФСР,

приговорила:

Варенникова Валентина Ивановича по обвинению в преступлении, предусмотренном п. «а» ст. 64 УК РСФСР, оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

Меру пресечения в отношении него — подписку о невыезде отменить.

Вещественные доказательства, перечисленные на листах 153–167 пятого тома обвинительного заключения, хранить в местах, указанных в этом заключении.

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит».

* * *

Едва председательствующий закончил чтение приговора, как народ и в зале и на улице буквально взревел: «Оправдали! Ура!» Ликование вышло за все рамки — все целуют и обнимают друг друга, плачут, кричат, аплодируют…

Генерал В. Яськин, генерал В. Подустов и контр-адмирал Н. Юрасов сели и, улыбаясь при виде всего, что творилось в зале на этот раз, не препятствовали излиянию человеческих чувств.

Это была Победа! Победа Закона и Права над произволом и беспределом. Эта победа осветила особым светом таких людей, как А. Б. Данилов, В. А. Яськин, В. И. Подустов, Н. Н. Юрасов, Д. Д. Штейнберг. Было бы несправедливо не вспомнить и первый состав суда, который тоже вел следствие в рамках закона. Это А. Т. Уколов, Ю. Д. Зайцев, П. И. Соколов. Благодаря чести и мужеству всех, кого я сейчас перечислил, оказалось возможным при разгуле беззакония, ставшего в России нормой в ельцинскую эпоху, отстоять закон и справедливость.

Да, в этот день можно было торжествовать победу. Но вместе с радостью в душе металась тревога: что день грядущий нам готовит? И эта тревога с каждым месяцем становилась все сильнее — ведь страна разрушается…

А. Яковлев: «Надо этот суд судить» Третий суд по делу ГКЧП

Далеко не всем, наверное, доводилось видеть ураган. Мне «посчастливилось» наблюдать его в школьные годы в Новороссийске. А в зрелые годы — в Заполярье и на севере Афганистана. Огромные массы воздуха вылетают, как из-под пресса, и несутся, сметая все и неся с собой тоже буквально все, что встает на пути. Налетает он внезапно и буйствует в пределах часа, но иногда может продолжаться и несколько часов. И за короткое время способен преобразить и ландшафт, и населенные пункты, и людей.

Так и эта весть об оправдательном приговоре. Она, как ураган, не только охватила всех, кто был в здании суда и вокруг этого здания, но и по различным каналам молниеносно распространилась повсюду. Десятки, сотни тысяч людей вмиг узнали, что вынесен невиданный вердикт — оправдали того, кого, по мнению демократов, надо было расстрелять или как минимум посадить на 10–15 лет в тюрьму со строгим режимом, отобрав у семьи все, что было нажито трудом за многие годы.

Уже буквально через несколько часов я имел возможность и по радио и по телевидению услышать и увидеть всех, кто занимал полярно противоположные позиции в отношении этого события. Приговор по делу Варенникова, как бы кто его ни вертел, имел и политический характер.

Истинных патриотов этот приговор радовал, вселял надежду и веру в торжество справедливости. «Демократы» же, начиная с Ельцина, остервенев, громили всех (в первую очередь Генпрокуратуру), кто не обеспечил нужный им приговор, и принимали самые решительные меры, чтобы поправить положение. Генпрокуратуре было приказано немедленно опротестовать оправдательный приговор и потребовать, чтобы Варенникова судили вновь.

Естественно, так называемые демократы не могли сдержать своих чувств. Перебивая друг друга, давали самые «изысканные» оценки тому, что произошло, и требовали, чтобы восторжествовало «право». А Яковлев договорился даже до того, что «надо этот суд судить!». То, что Варенникова надо пересуживать вновь, — вопроса нет! Надо! А суд же, который осмелился оправдать Варенникова, надо немедленно судить, чтобы другим было неповадно, а то ведь так можно дойти до того, что и демократию загубим. Не дали же погибнуть демократии в

сентябре-октябре 1993 года! Да, расстреляли парламент, да погибли люди, но зато спасли демократию — раздавили все ненавистные Советы до Верховного Совета РСФСР включительно, посадили своего президента на законное место (хотя и сам президент был уже незаконным) и страна пошла вперед к победе…

Вот так-то: суд надо судить!

И судили! И было два подсудимых: Варенников и Оправдательный приговор Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Не прошло и недели после суда, как Генеральная прокуратура РФ заявила протест на оправдательный приговор Верховного Суда, при этом дала циничное и ложное описание событий и вины подсудимого. «Свободная» пресса и телевидение растрезвонили это на все лады. Но надо отдать должное, что даже в демократической прессе, как и на каналах телевидения и на некоторых волнах радио, нашлись и умные люди. Они или молчали или тонко, чтобы не навлечь на свою голову беду, намекали, что, мол, едва ли из этой суеты что-то получится.

* * *

В связи с появлением в прессе публикации протеста Генеральной прокуратуры РФ, я вынужден был официально обратиться к руководству Верховного Суда страны с заявлением.

Вот этот документ:

«Президиуму Верховного Суда РФ от В. И. Варенникова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Генеральная прокуратура РФ 16.09.94 года опубликовала в прессе полный текст протеста на оправдательный приговор Военной коллегии Верховного Суда РФ по делу Варенникова.

Учитывая намерения Президиума Верховного Суда РФ рассмотреть протест в ближайшее время, я заявляю, что готов дать необходимые объяснения и ответить на все интересующие Президиум Верховного Суда РФ вопросы.

В то же время обязан отметить, что доводы Генеральной прокуратуры РФ, изложенные в протесте, не только безосновательны, но и позорны для юриспруденции в целом. Все

перечисленные в протесте позиции повторяют положения Обвинительного заключения, а оно абсурдно и во многом наполнено ложным содержанием.

Мало того, подписавший протест заместитель генеральной прокуратуры РФ М. Д. Славгородский сам подпадает под ст. 130 УК РФ, так как утверждает, что Варенников якобы в своей шифротелеграмме писал, что «надо принять меры по ликвидации законно избранного Президента РСФСР», чего в действительности не было и даже не предъявлено в Обвинительном заключении. Налицо гнусная клевета.

В то же время автор протеста умышленно не учитывает важный фактор — подсудимый был не только заместителем министра обороны и главнокомандующим Сухопутными войсками ВС, но и народным депутатом СССР, что принципиально меняет его положение, а также значительно расширяет права и обязанности.

Протест Генеральной прокуратуры РФ — это позорные шаги надзорного органа. Они порочат наших людей, усугубляют и без того тяжелую правовую обстановку в стране, не способствуют достижению политического согласия в обществе.

Варенников.
20.09.94 года».

Как видит читатель, я готов был к последующим сражениям. И опять я не задумывался о последствиях для себя. Не рисуюсь. Я действовал искренне и во имя главной цели— разоблачить преступников, развалivших СССР. Но и в то время, и сейчас я не могу понять: почему в капиталистическом мире или в том же коммунистическом Китае просто прокуроры и Генеральные прокуроры — это нормальные государственные служащие, стоящие на страже Закона и порядка. А у нашей, ставшей демократической, России прокуроры, как правило, какие-то правовые и нравственные уроды? Почему в капиталистической Южной Корее Генеральный прокурор может привлечь за денежные махинации к уголовной ответственности и президента, и премьер-министра, а у нас в России они чего только не творят — и все как с гуся вода? Почему в капиталистических США Билла Клинтона таскали за шиворот целый год только за то, что он эту Левински заставлял, чтобы она молчала о том, что была с ним в интимных отношениях, а у наших демократов ни по одному из пяти пунктов абсолютно доказанных обвинений, предъявленных Ельцину, импичмент не состоялся — не хватило голосов, хотя только в развязанной им в Чечне войне погибли тысячи людей, десятки тысяч были ранены и искалечены, миллионы стали

беженцами. Но российские «демократы», видимо, считают, что это — нормальное явление. Ведь гибнут не все эти Чубайсы, Гайдары, Черномырдины, бурбулисы, шумейки, березовские, Сванидзе, Шахраи и их близкие, нет. Все они живы-здоровы и продолжают процветать. Это народ гибнет.

Наконец, возьмите финансовые документы о гигантских махинациях «семьи» Ельцина и приобретении ею огромной недвижимости в различных странах мира — в самых престижных и экзотических местах. Ведь суммы уже давно перескочили за девять нулей в долларовом, исчислении (больше государственного бюджета России в начале 2000-х гг.)…

* * *

Итак, в 1994 году, Генеральная прокуратура РФ в лице заместителя Генерального прокурора России М.Д. Славгородского опротестовала оправдательный приговор, вынесенный Верховным Судом по делу Варенникова. Верховный Суд принял протест, но несколько месяцев не назначал даты начала суда. Прежде Президиум Верховного суда должен был изучить дело, а потом, по мере готовности к судебному следствию, будет объявлена и дата заседания.

Пресса продолжала время от времени обсуждать создавшуюся ситуацию. А я, конечно, переживал. И не только за себя — переживал за страну. До чего же мы докатились: гражданин выступает за единство Отечества, за его спасение, а его обвиняют в измене Родине!? Это же абсурд! Да и о личной чести думал! Одно дело, когда ты с помощью суда и юристов-патриотов, все-таки сбросив с себя мразь клеветы, обмоешь себя чистой ключевой водой правды, и совершенно другое — когда формально будешь свободен, а фактически окажешься опять в помоях клеветы и лжи.

Поэтому и к новому судебному процессу я готовился капитально.

Приблизительно за месяц Президиум Верховного Суда объявил, что судебное заседание назначено на 3 февраля 1995 года. Сообщение вроде обрадовало — наконец-то будет поставлена точка всем этим судебным мытарствам, но и встревожило: совершенно неясен настрой Президиума суда. Конечно же, я в этот период особо консультировался с бывшим министром юстиции РСФСР Владимиром Александровичем Аболенцевым, с бывшим Генпрокурором СССР Александом Яковлевичем Сухоревым и другими высокими юристами.

Время смутное и опасное. Ельцин расправлялся с каждым, кто смел думать иначе, чем он. А думать именно так, как думал он, мало кто умел, потому что тот не способен был вообще думать (тем более нормально). Его постоянно обуревал страх, и на этой почве он такие фортели откалывал, что все столбенели от Запада до Востока, не говоря уж о самой несчастной России (к примеру, расстрелял из танков Верховный Совет РФ).

Вся государственная структура строилась на личной преданности президенту и явно выраженном холуяже. Кто позволял себе чуть вправо-влево, тот вышибался из обоймы президентской администрации, то бишь, «семьи», а также из правительства. А то, что некоторые кричат на митингах или в Госдуме: «Долой президента — губителя России!» — так пускай себе кричат. Чем бы дитя ни тешилось… Ведь от этого крика ничего не изменится.

Для иллюстрации, кто именно окружал Ельцина в администрации, приведу один пример, близкий мне, как военному человеку. В составе администрации есть такая должность — помощник президента по вопросам национальной безопасности, он же председатель комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским званиям и высшим специальным знаниям. Наверное, президенту нужен в этой области специалист высшего класса, тем более что для него лично она совершенно неведома — он в Вооруженных Силах не только не служил, но видел их части только на парадах.

Верно, надежный специалист с высокими знаниями и богатой практикой нужен. Кто же занимал этот пост? Ю. М. Батурин. Он окончил физико-технический институт, юридический институт, факультет журналистики МГУ, работал в США в качестве исследователя в Институте перспективных русских (?) исследований (последнее невольно вызывает вопросы: сам-то он русский? И на кого работает — «исследуя»?). Как видите, если взять проблемы безопасности или конкретно Вооруженных Сил и военные кадры, то здесь он не в зуб ногой, никакого представления о безопасности государства в целом, об экономической, военно-технической, чисто военной безопасности у него быть не может. И странно, что именно ему вручили судьбу военных кадров. А от них ведь зависит судьба Вооруженных Сил, без которых не может существовать государство, точнее, государство как таковое просто пропадет.

Засев на Старой площади, Батурин, конечно, имел влияние (а точнее власть) на Вооруженные Силы и другие силовые структуры РФ значительно большее, чем Административный отдел ЦК КПСС. Но сами Вооруженные Силы он просто не мог себе

представить. Вообще до того военных видел издалека — только в научно-производственном объединении «Энергия», где он работал сотрудником и куда приезжали люди в военной форме, имеющие отношение к космосу. А остальное черпал из средств массовой информации. Как-то через год или два пребывания Батурина на своем посту он впервые выехал в войска, и его показали по телевидению на стрельбище. Он стрелял из пистолета, а затем из автомата. Это был цирк. Конечно, вся телесъемка была сделана в популистских целях. Допуская даже, что оператор, гражданский человек, из того, что видел, вынес одно (что и надо было Батурину): вот он каков, даже умеет стрелять! А фактически он ничего не умел и не умеет, не знал и не знает Вооруженные Силы, а тем более проблемы безопасности страны. Загубил и то, и другое. Это был могильщик Вооруженных Сил. И турнули его поделом, но было уже поздно. А делал-то он все, конечно, по рецептам США. Силовые министры типа П. Грачева были просто его марионетками. Ведь действовал он «от имени и по поручению». А кто пойдет к царю уточнять — поручал он или не поручал? Это же риск. Рисковать же — дураков нет. Вот все и катилось так, как нужно Вашингтону.

Батурин со Старой площади полетел в космос. Что значит иметь связи! Вот он и совершил полет на халяву. Какое слово он в науке сказал? Кому этот полет был нужен? Одному Батурину! Вот такой он эрудит, такое колоссальное образование, такая глобальная практика — лишь только он мог взглянуть на Россию из США и глазами США, а затем на ту же Россию и на планету Земля — из космоса. Есть еще у кого-то такой человек? Нет, только у нас. И он еще не сказал своего последнего слова в разрушении и расхищении России. Этот бультерьер в затемненных очках и впредь будет рушить наше Отечество. Благо что сейчас Федеральная служба безопасности (а ранее КГБ или МГБ), как и 10, и 15 лет назад, не представляет для такого типа людей никакой опасности.

Кресло Ю. М. Батурина занял Е. В. Савостьянов. Это такой же «демократ» и такой же могильщик Вооруженных Сил, как и его предшественник, но с еще более изощренными и жесткими методами. Образование у него скромнее, чем у Батурина: окончил только горный институт. Но зато он ближе к безопасности государства, так как работал в должности начальника Управления КГБ по Москве и Московской области, хотя какой-нибудь чисто военной (или военизированной) подготовки не имел.

Сравнивая Батурина с Савостьяновым, мне до сего времени так и неясно, почему Ельцин (точнее «семья») Батурина турнул из

администрации. Ведь он в поте лица трудился, загоняя Вооруженные Силы в могильник, стоял на страже «демократии», чего и требовали Ельцин и Запад. И вдруг…

За весь период работы в Госдуме я лишь однажды «проявил слабость» и позвонил Савостьянову в надежде приобрести в его лице союзника, чтобы улучшить пенсионное обеспечение бывшего члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Григория Васильевича Романова, который фактически всю жизнь занимался промышленностью. Романов и его жена, ветеран Великой Отечественной войны, бедствовали: им даже недоставало средств на приобретение лекарств. А ведь Григорий Васильевич был еще и Героем Социалистического Труда. Нищенская пенсия, которую установил Ельцин, подрывала здоровье Романовых и угнетала морально: вот она, «благодарность» государства, за их огромный труд на благо Отечества.

Когда я начал объяснять ситуацию, Савостьянов, перебив меня, понес грязный поток на голову Романова. И заключил: «Вы его не знаете, а ходатайствуете. Только одно то, что он устроил своей дочери свадьбу в Эрмитаже и взял для этого царскую посуду, уже только это не позволяет рассматривать его пенсионное обеспечение». Понимая, что осла бессмысленно тянуть, если он уперся (даже если он физик или горный инженер), я решил оставить его в покое, чтобы он не вздумал взбрыкнуть и разрушить уже выстроенную небольшую конструкцию по этой проблеме. Мирно закончив с ним разговор, я продолжал действовать. И через два месяца все-таки добился, что Григорий Васильевич Романов, а вместе с ним и Николай Никитович Слюньков начали получать персональную пенсию. Савостьянов — это носитель лжи и демократических помоев. Ведь все, что он сказал о Романове и свадьбе его дочери в Эрмитаже, — это гнусная ложь Горбачева, которому она потребовалась, чтобы, опорочив Романова, выбить еще одного конкурента на пост генсека. Вот это правда. И не думаю, чтобы бывший работник КГБ Савостьянов этого не знал. Знал, но умышленно распространял ложь, потому что Романов, как и все честные люди, был и остается противником развала Советского Союза, противником грабежа народа, разворовывания наших богатств, растления молодежи, чудовищного разгула преступности, которая уже стала нормой российской жизни. А Савостьянов, конечно, за все это. Такие, как он, вместе с Ельциным, и довели страну до последней черты.

* * *

Итак, наступило 3 февраля 1995 года. Мы заранее сосредоточились в здании Президиума Верховного Суда РФ, куда пришло много моих друзей. В том числе прибыл и первый заместитель председателя КПРФ Валентин Александрович Купцов. Это было приятной неожиданностью. Видимо, по тактическим соображениям официальных лиц от КПРФ ни на первом, ни на втором судебном процессе не было.

В. А. Купцова я хорошо знал давно, еще во времена, когда он был первым секретарем Вологодского обкома КПСС. Вологодская область в целом преуспевала (особенно Череповецкий металлургический комбинат). Основы правильного его развития были заложены еще Анатолием Семеновичем Дрыгиным. И все его последователи, в том числе Валентин Александрович Купцов, умело поддерживали традиции. Присутствие его на суде, как и других моих товарищей, несомненно, было для меня моральной поддержкой.

Мы заняли свои места. В назначенное время появились члены Президиума Верховного Суда Российской Федерации во главе с его председателем Вячеславом Михайловичем Лебедевым. О нем я уже был хорошо информирован Владимиром Александровичем Аболенцевым. Владимир Александрович на протяжении всех судов меня морально поддерживал, и я искренне благодарен за это. Он же поведал мне о высокой подготовке и большой судебной практике Вячеслава Михайловича Лебедева, о его принципиальности и святом подчинении Закону. Конечно, внутренне это меня укрепляло. Но человек есть человек, и в условиях установившегося в России беспредела, когда после расстрела Верховного Совета РФ президент распоясался, от него можно было ожидать чего угодно. И стоило В. М. Лебедеву или его заместителю Н. А. Петухову (он же председатель Военной коллегии Верховного Суда) чуть-чуть зашататься в своем решении, как все могло бы рухнуть.

Наконец, В. М. Лебедев открыл судебное заседание, определил порядок работы и предоставил первое слово судье Верховного Суда РФ З. Ф. Галиуллину, который довольно обстоятельно и, на мой взгляд, беспристрастно доложил суть вопроса. Я в своем выступлении постарался раскрыть основные положения, затронутые в докладе, и показать абсурдность предъявленных мне обвинений. Затем выступил мой защитник адвокат Д. Д. Штейнберг, который, естественно, вел линию в одном ключе со мной. Для меня было странным (но я в тонкостях юриспруденции не разбираюсь), что были приглашены потерпевшие, к которым я совершенно никакого отношения не имел. Выступили и они, и их адвокат.

Заместитель Генерального прокурора М. Д. Славгородский, как и следовало ожидать, ничего нового в сравнении с предъявленным мне ранее обвинением сказать не мог. Он голословно повторял избитые и развенчанные на втором суде факты и настаивал на возвращении моего дела в суд для нового рассмотрения.

Разумеется, я выступил с репликой и раскрыл примитивность приемов Генпрокуратуры РФ, ее неспособность доказать хотя бы какую-то часть моей вины. Было лишь обычное перечисление фактов, имевших место в августовских событиях 1991 года. Сами же события не подпадают под разряд преступных, а некоторые их них были вынужденной мерой.

До обеда шло судебное разбирательство протеста Генпрокуратуры РФ, а затем суд удалил всех присутствующих из зала, продолжив заседание в закрытом режиме. Видно, выступили все 13 членов Президиума (или подавляющее большинство), потому что заседание длилось до позднего вечера. Я предполагал, что среди членов Президиума нет единства в оценке проблемы, следовательно, идут жаркие выступления.

Покинув зал заседания, мы в ожидании решения суда вышагивали по коридорам и комнатам, старались по различным каналам вести разведку — что же происходит за дверями зала Президиума. Получали отрывочные, иногда противоречивые данные. В целом все сводилось к тому, что единства среди судей нет. Это удручало. И дальнейшее ожидание было еще более тяжелым.

Наконец, вечером всех нас неожиданно пригласили в зал. Мы быстро заняли свои места. Волновал один вопрос — какое решение? Я приготовился все подробно записывать. Вот входят члены Президиума Верховного Суда, у всех озабоченный вид, никто из них не смотрит по сторонам. Все размещаются на своих местах, все успокаивается. Пауза. До чего же томительны последние минуты и секунды ожидания. Но вот председатель Президиума Верховного Суда РФ Вячеслав Михайлович Лебедев открыл свою папку и, быстро прочитав текст, объявил: «Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановил: протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в отношении Варенникова Валентина Ивановича оставить без удовлетворения». Затем так же быстро закрыл папку, встал и ушел. Весь состав суда тоже быстро встал и вышел их зала.

Все мы, начиная с меня, вначале даже не сообразили, что произошло. Поэтому зал так бурно не отреагировал на объявленное В. М. Лебедевым постановление. Когда шок прошел,

мы начали дружно рукоплескать и поздравлять друг друга с таким финалом.

Все! Долгий судебный марафон наконец-то завершился. Как говорят в народе, выше только Бог!

Теперь Победа Права и Закона полностью обеспечена! И даже если меня убьют (к примеру, собьет машина при переходе улицы и т. п.), рассуждал я, то цель-то достигнута: на суде позорное клеймо предателя и изменника Горбачеву все-таки было поставлено, а его продолжатель, разрушитель, и грабитель Ельцин так же был пригвожден к позорному столбу. Сначала — еще в моей шифротелеграмме из Киева в Москву на имя ГКЧП, а на суде была подтверждена гнусность его антиконституционных действий.

Мы ликовали.

Честь судебной власти была защищена, а бесчестие Генпрокуратуры еще раз было выставлено на всенародное обозрение.

* * *

Вот начало и концовка исторического документа.

«Постановление.

Президиума Верховного Суда Российской Федерации г. Москва 3 февраля 1995 года

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в составе:

Председателя — В. М. Лебедева

Членов Президиума — В. И. Радченко, Н. А. Петухова, Н. Ю. Сергеевой, В. П. Верина, В. М. Жуйкова, Р. М. Смакова, А. Е. Меркушова, А. Я. Перепеченова, М. Каримова, В. Ф. Езина, В. К. Вячеславова, Ю. А. Свиридова.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 378 п. 1 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановил:

Протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в отношении Варенникова Валентина Ивановича оставить без удовлетворения.

Председатель В. М. Лебедев».

Весь текст постановления не приводится потому, что он во многом повторяет предыдущее постановление суда.

Однако наконец все стало на свое место. Фактически был оправдан не только я лично, но и все, кто проходил по делу ГКЧП.

Послесловие
Источники катастрофы СССР и надежды на будущее

У Федора Михайловича Достоевского меня особо привлекают «Бесы». Этот роман, как и многие другие, является, на мой взгляд, уникальным. Некоторые его фрагменты актуальны для нас и сегодня, поэтому я решил привлечь внимание читателя к небольшой выдержке из «Бесов»:

«В смутное время колебаний или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не против тех, так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе… Эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов… Древнейшие люди вдруг получили перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать».

Это — Федор Михайлович Достоевский.

Основной причиной и источником катастрофы Советского Союза является гниение партии и общества в целом, которое началось с Хрущева. Уже тогда появились признаки смуты и соответствующие «разные людишки». Во времена Брежнева все это тлело, а при Андропове даже могло исчезнуть (будь он у власти 5–7 лет). Но с приходом Горбачева для гниения была создана самая благоприятная почва — все основы партии и общества стали разлагаться и разрушаться. Несомненно, гниение всячески стимулировалось спецслужбами Запада. Это был стержень всей их стратегии.

В свою очередь гниение объясняется тем, что, во-первых, в свое время в партию повалили все кому не лень. И она неизбежно приобрела рыхлые формы и неимоверные размеры. Состояла наполовину из совершенно случайных и даже враждебно настроенных людей. Эти случайные, являясь непосредственно агентами влияния или их пособниками, успешно справились с главной задачей — лишили партию власти, и она под ударами

демократов постепенно угасала, утрачивала последние шансы влиять на обстановку и народ.

Во-вторых, во главе страны (т. е. партии, государства и народа) оказались гнусные, презренные личности, которые предали свой народ. Пользуясь его доверием и отсутствием законодательной базы и механизма влияния на главу государства, они умело руководили процессом развала страны и разложения общества, доводя все до необратимости, естественно, при этом прикрываясь, даже в 1990–1991 годах, патриотическими лозунгами.

В-третьих, после хрущевского «потепления» у нас все меньше и меньше стали уделять внимания борьбе с идеологией Запада. Считалось, что «социализм победил окончательно и бесповоротно», так что защищать его от каких-то происков — напрасная трата времени. Да и «пятую колонну» вроде уничтожили. А фактически по причине благодушия прозевали ее возрождение. Мало того, смирились с ее существованием (помните доклад председателя КГБ на Политбюро ЦК КПСС в 1977 году — агенты влияния действуют, а мы никаких мер к ним не принимаем). Те, кому по высокой должности было положено, не занимались разработкой теории социализма применительно к 60-м и 80-м годам с учетом общего баланса сил в мире и геополитического положения Советского Союза, его национальных интересов, государственной безопасности, необходимости повышения уровня благосостояния народа. Они уповали на лаврах достигнутого.

В то же время Запад не только не прекращал борьбы против коммунизма, но и наращивал ее из года в год, применяя наиболее изощренные формы и привлекая к этой борьбе уже верхушку КПСС в лице Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина.

Объявленные так называемые гласность и демократия, как взрыв в омуте, подняли наверх все, что по разным причинам многие годы спокойно или, притаившись, лежало на дне и не проявляло никаких признаков жизни. Образовавшаяся пена стала хорошим прикрытием для уже утвердившихся в стране агентов влияния, которые начали селекционировать наиболее «выдающихся» и с их помощью активно влиять на самые главные политические фигуры в стране, превращая их в перевертышей и предателей Отечества. А народ все ждал перемен к лучшему. Наивно ждал. Хотя уже было понятно, куда нас завели.

Горбачев своими речами нагло обманывал народные массы. Труженики фактически теряли «вкус» к труду, его результаты нивелировались, отсутствовали необходимые стимулы для проявления профессиональных знаний и навыков, моральных и

физических возможностей. Туманные обещания и популистские лозунги вконец сбили народ с толку. А поскольку Горбачев фактически уже допускал (естественно, с подачи Яковлева) не только необоснованное, но и открыто незаконное обогащение, то и в сознании общества происходили деформации. Паразитирующая часть населения стала процветать. Спекуляция, взяточничество, обман, мошенничество, открытое и скрытое хищение государственной собственности, саботаж, рэкет, барское расточительство народного добра — все это становилось обычными явлениями нашей жизни. Так сказать, свобода и демократия!

Учитывая, что у власти была КПСС (точнее, ее элита и чиновничий аппарат ЦК и обкомов), а партийные решения считались законом и даже выше, поэтому и внедрялось в жизнь все то, что считали нужным Горбачев — Яковлев. Они кричали с трибун, что нам надо больше социализма, а на самом деле создавали условия не только для перехода к капитализму, но и процветания крупномасштабной преступности.

Все это было предательством народа, чаяния и надежды которого, устремленные к Президенту страны и генсеку Горбачеву, натолкнулись на ложь и обман.

Это и является причиной того, что произошло со страной в 90-е годы. Гниение достигло апогея. Никто не мог и подумать, что глава нашего государства, которому народ и партия вручили свою судьбу, может предать их, стать изменником Родины и, используя доверие народа и власть, проводить линию Запада на разрушение Советского Союза.

* * *

А можно ли было предотвратить эту трагедию? Разумеется, можно. Но если бы все остальные члены Политбюро (т. е. кроме Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и Медведева) мобилизовались и среди них проявился бы лидер. Или взял бы на себя лидерство А. Лукьянов или В. Крючков. Но ничего этого не произошло. Наоборот, члены Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), навязав всю ответственность Г. Янаеву, формально считали, что он должен быть в ответе, а сами это лидерство своими личными активными действиями не поддержали, продолжая считать себя фактически независимыми. В то же время Геннадий Иванович Янаев, являясь деликатным человеком, не потребовал от каждого члена Комитета четких и жестких действий в целях удержания власти.

В этих условиях Государственный Комитет по чрезвычайному положению не способен был довести дело до конца, несмотря на то, что в него вошли все силовые министры и даже председатель правительства. Хотя при этом действовал ГКЧП в тесном взаимодействии с руководством Президиума Верховного Совета СССР и представительством Политбюро ЦК КПСС. Но самое главное — ГКЧП имел в руках всю власть.

Мы уже много внимания уделили ГКЧП, но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что никому не нужная (даже излишняя) деликатность членов ГКЧП в этих условиях, а также боязнь того, чтобы не были нарушены конституционные нормы, фактически определили исход дела.

Члены ГКЧП заботились, видите ли, о соблюдении Конституции, а не о реальных решительных действиях по спасению страны, что было провозглашено в опубликованных этим Комитетом документах. Да еще заботились, чтобы не было создано лишних тревог для Горбачева и Ельцина. Просто какой-то абсурд: все в руках ГКЧП есть, а действий нет!

А вот Ельцин плевал на все законы, в том числе и на Конституцию, и воспользовался этой нерешительностью ГКЧП.

Конечно, пугала членов ГКЧП и лжедемократическая, а фактически демагогическая обстановка в Верховном Совете РСФСР. Плюс враждебность ко всем высшим союзным структурам, безосновательно порожденная Ельциным среди депутатов Верховного Совета РСФСР.

В итоге троянский конь в лице Горбачева как въехал в 1985 году на престол, так и продолжал пребывать на нем, пока его не столкнул Ельцин, против чего Горбачев особенно (как мы все видели) и не возражал. Да он и не способен был на это возражение. Тем более что Ельцин в пьяном угаре мог ему и морду набить прилюдно.

Загадочный, ни в чем (кроме заискивания) себя ярко не проявивший, Горбачев был выбран наивными и доверчивыми членами Политбюро ЦК КПСС (начиная с А. А. Громыко) и протащен на пост генсека. А тот вместе со своими соратниками Яковлевым, Шеварднадзе и Медведевым открыл все шлюзы: в страну повалило бурными потоками все негодное и ненужное на Западе (особенно из США).

И любой нормальный человек не может не мучиться вопросом: как все это могло произойти? И почему это произошло? Я много раз касался этой темы. Сейчас опять к ней возвращаюсь. И это вполне естественно, так как такой трагедии не было в России за всю историю, не было и в других странах. Естественно также и то, что все объяснения случившемуся многогранны, но

суть их сводится к одному — это предательство. А предательство появилось потому, что была подготовлена почва — процессом гниения, которое организовали силы, начиная с хрущевского «потепления».

И все-таки совершенно необъяснимо, почему из среды людей, которая родилась, выросла при Советской власти и достигла высших ступеней власти, вдруг появились негодяи, которые предали всех и все, даже идеалы, которым они поклонялись десятилетиями. Единственное, что может как-то пролить свет на это непостижимое явление, так это подлость, низость, полное отсутствие нравственности, бесчестность, с которыми каждый из них, видимо, пребывал всю жизнь, однако проявились эти черноты только в определенных, благоприятных для них обстоятельствах. А до этого пряталась где-то далеко на дне своей гнусной душонки.

* * *

Много вылито грязи на Сталина. Придумали даже «термины» — «сталинизм», «сталинщина», дабы еще больше принизить его значение в истории. Но кто из царей государства Российского и вождей нашего народа сделал реально (физически, материально и духовно) больше всего для блага нашего Отечества, чем Сталин? Никто! Тем не менее все эти «умники» утверждают: в стране-де был авторитарный режим. А какой был режим много сот лет до него и десятки лет после него?..

Что касается моих взглядов, то я за авторитарный метод управления именно в то, сталинское, время. И слава Богу, что тогда у нас был Сталин. Время такое было. Он создал исключительное государство, Великую Державу.

В связи с этим о надеждах на будущее, Некоторые политики говорят, что смена людей у власти ничего не даст (в том числе смена президента), что надо устранить всю существующую систему власти. Я не могу с этим полностью согласиться. Возьмите пример с Белоруссией. В свое время предатель Шушкевич повел страну по тому же пути, по которому повели Россию и Украину предатели Ельцин и Кравчук. Затем народ Белоруссии убрал Шушкевича и доверил страну Лукашенко. Белоруссия сразу преобразилась.

Конечно, в стране еще много трудностей, но то, что президент А. Г. Лукашенко идет вместе с народом и выступает за народ, за интересы Белоруссии и за создание союзного государства с Россией, говорит о многом и вселяет большие

надежды…